

ИСТОРИЯ РУССКОЙ
И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В.Б. Миронов

ДРЕВНИЙ
РИМ

Владимир Борисович Миронов

Древний Рим

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184427
Древний Рим / В.Б. Миронов: Вече; Москва; 2007
ISBN 5-9533-1786-7

Аннотация

Очередной том, выходящий в рамках грандиозного проекта, посвященного традициям русской и мировой культуры, повествует о становлении, расцвете и гибели Римской империи. Ее история и идеология – это своего рода фундамент западноевропейской культуры; идея однополярного мира, столь свойственная Древнему Риму, впоследствии стала, по мысли автора этой книги, основой для любой модели имперского государственного устройства. А значит, величественные и трагичные, возвышенные и порочные перипетии римской истории содержат в себе, как утверждает автор, определенный урок и для других стран. В частности, для России...

Содержание

Глава 1. Становление Римской Империи	4
Этруски – учителя и наставники римлян	4
Республика – «золотой век» римского государства	31
Войны, армия и роль военных в Древнем Риме	49
Битва Рима с Карфагеном за господство	81
Рах Романа и греческое образование и воспитание	140
Глава 2. Власть диктаторов и императоров	163
Путь к диктатуре: Сулла, Помпей, Цезарь, Брут	163
Цицерон как политик и оратор	200
Императоры и поэты: Август, Вергилий, Овидий	215
Конец ознакомительного фрагмента.	218

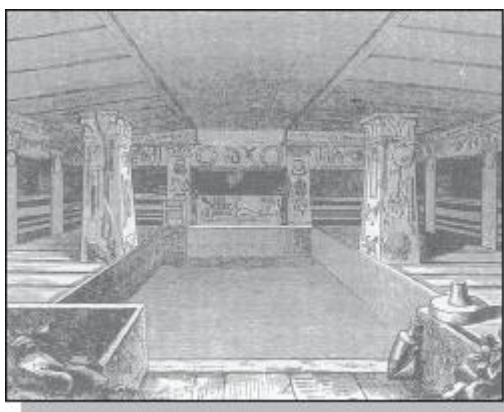
Миронов Древний Рим

Глава 1. Становление Римской Империи

История не в состоянии без посторонней помощи наглядно описать народную жизнь во всем ее бесконечном разнообразии; она должна довольствоваться описанием общего хода событий. В ее состав не входят дела и поступки, мысли и вымыслы отдельного лица, как бы они ни были проникнуты народным духом. Однако попытка обрисовать их хотя бы только в самых общих чертах по отношению к этим древнейшим временам, почти совершенно исчезнувшим для истории, кажется нам потому необходимой, что глубокая пропасть, которая лежит между нашим собственным строем мыслей и чувств и строем мыслей и чувств древних культурных народов, сколько-нибудь доступна для нашего понимания только в этой области. Дошедшие до нас предания с их перепутанными названиями народов и малопонятными для нас легендами – то же, что высохшие листья, при виде которых с трудом верится, что они когда-то были зелены; вместо того чтобы прислушиваться к их наводящему тоску шелесту и распределять по разрядам такие ничтожные частички человеческого рода, как все эти хоны и ойнотры, сикюлы и пеласги, не лучше ли заняться разрешением вопросов: как запечатлелась реальная народная жизнь древней Италии на юридических отношениях, а идеальная – на религии, как в то время хозяйничали и торговали, откуда получали они грамотность и дальнейшие зачатки цивилизации?

Т. Моммзен. История Рима

Этруски – учителя и наставники римлян

Мы уже говорили, что в великой книге общечеловеческой культуры Рим прямо следует за Грецией, хотя римляне снисходительно и называли их «гречишки» (graeculi). Коренным населением Италии были лигуры. С начала II тысячелетия до н. э. их вытеснили италики, пришедшие, вероятно, из-за Адриатики. Тут же обитали и иные индоевропейцы (пеласги, иллирийцы, греки, кельты или галлы, этруски). Считают, что место, где возник Рим, было заселено ранее греками. Тут обосновался аркадянин Эвандр, затем знаменитый Геракл. После падения Трои к побережью Лация направился Эней. Легенда об Энее создана грече-

скими компиляторами и занесена в Италию. Его называли сыном Афродиты (у римлян – Венера). Он жил в горах, пас стада, но принял участие в битве за Трою, где не раз демонстрировал примеры храбрости, мужества и отваги. Там он спас тело одного из вождей Трои, которого хотели захватить греки. Участвовал он и в схватке с грозным Ахиллом. Красочно описан бой, как и их перебранка между поединком. В решающий момент на выручку к Энею пришли боги (Афродита и Нептун). Эпос рассказывает, что Эней был свидетелем того, как греки захватили обманом Трою (с помощью «Троянского коня»). И хотя он сражался против греков отчаянно и даже обрушил на их головы высокую башню, в конце концов Троя все же пала, Приам погиб, а Эней вынужден был бежать (вместе с отцом, женой и сыном). Но так как Юпитер обозначил ему стать основателем Римского государства, то пенаты указали ему дальнейший путь. Лары и пенаты у римлян были самыми известными и почитаемыми богами. Каждая римская семья имела своего лара, духа предка, и ряд пенатов, хранителей очага, стражей домашнего хозяйства. Их глубоко почитали. Эней после гибели Трои отплыл во Фракию. Так начались странствия Энея... Приплыв во Фракию, беглецы сошли на землю и заложили город. Эней назвал его своим именем – Энеада. Направившись к ближайшему кусту, он наломал веток для алтаря, но к своему ужасу увидел, что на ветках появились капли крови. И тут он услышал голос: «О, Эней! Не тревожь меня в моей могиле! Я – царевич Полидор, сын троянского царя Приама. Отец отослал меня во Фракию, чтобы уберечь от опасностей войны, но здешний царь польстился на золото, которое я привез с собой, и злодейски убил». Эней и друзья почтили память и покинули место злодейского убийства.

Нарбут. Эней. Иллюстрация к «Энеиде» И. Котляревского

Куда плыть дальше? Старый Анхис сказал: «Слышал я от своего деда, что наши далекие предки в те незапамятные времена, когда на месте Трои еще была пустынная долина, прибыли туда с острова Крит. Направим же на Крит наши корабли!» Так они и сделали. Эней и спутники добрались до Крита через три дня, заложили город, стали пахать поля и строить дома. Но страшная эпидемия свела на нет все их усилия, причем многие из них

умерли. Однажды явился посланец Аполлона, который сказал ему: «Ты совершил ошибку, пытаешься обосноваться на Крите. Этим краям не суждено стать для вас новым домом. Покинь эти берега и продолжи свое плавание. Земля, которая станет для вас новой родиной, – это далекая Италия, путь в которую лежит через широкие бурные моря. Но не стоит впадать в отчаяние из-за того, что путь сей еще долог и труден. В конце его вас ждут процветание и благоденствие. Ты благополучно достигнешь Италии и там станешь основателем могущественной империи, которая со временем широко распространит свою власть над народами земли. Наберись мужества и садись на корабль с радостным сердцем. Судьба хранит тебя, и в конце концов все обернется к лучшему». Так Эней и сделал, и вскоре прибыл в Лаций, древнюю область Италии к югу от Тибра, где уже существовало независимое царство во главе с царем Латинном. По происхождению обитатели тех мест были греками. После многих приключений он высаживается на берег Тибра, где его дружески принял царь страны, Латин, отдавший за него свою дочь. В итоге он стал царем и основал город Альбу-Регию. Сказания собраны Вергилием в поэме «Энеида».

Следует помнить, что Гомер жил примерно в IX–X вв. до н. э., а использовать письмо для фиксации длинных текстов стали только в VI в. И так как события, связанные с Троей, происходили в XII в. до н. э., то все сведения о потомстве Энея, от которого якобы произошли Ромул и Рем, имеют источником устные рассказы и сообщения. Впрочем, последние археологические раскопки, надписи, находки лингвистов показали, что в сообщениях древних авторов немало достоверных сведений. Весьма реальной представляется историчность этрусских царей, факт похищения сабинянок, как и дата основания Рима Ромулом (754–753 гг. до н. э.).

Эней у ворот Ада

Эней и гарпии

Представшая взору скитальцев земля очень им понравилась – холмы, деревья, цветы, а вдали виднелись синие горы. Опуская детали, скажем, что между царем Латинем и троянцами установились сначала союзнические, а затем и дружеские отношения. Эней решил построить город, который хотел было назвать Троей, в память о своей погибшей родине. Эней помогал царю Латину во всем, но во время одной из битв с рутулами, пытаясь переплыть реку Нумик, утонул. Тело его друзья и товарищи спрятали и сказали всем, что он вознесся на небо. Эней еще до смерти успел совершить немало славных дел, в том числе основал орден девственных весталок. К этому ордену принадлежала и будущая мать Ромула и Рема, Рея Сильвия. Женщина, как утверждает традиция, была из царского рода. Цари династии правили более четырехсот лет и все имели в своем имени слово «Сильвия». Живя в уединении и томимая одиночеством, она зачала не по своей воле, уступив мужчине. По закону бедную весталку должны были бы казнить с детьми в утробе, но ей удалось чудом уцелеть – и дети греха появились на свет. Она всем заявляла, что это сам Марс явился к ней в сияющих одеждах, и с ним она вынуждена была вступить в связь. Однако царь-узурпатор Амулий (перед тем убивший сына своего старшего брата, законного наследника Альбы-Лонги, дочерью которого и была Сильвия) боялся, что появившиеся у нее дети (Ромул и Рем) могут когда-либо стать наследниками деда Нумитора, царя Альбы-Лонги, и предъявить законные права на престол. И тогда он приказал заточить Рею Сильвию в подземелье, а ее младенцев утопить в Тибре. Несчастную женщину замуровали в подземелье, и там она погибла. Но слуги Амулия пожалели крох и, уложив их в дубовое корыто, пустили на волю волн. Корыто прибило к берегу возле смоковницы, где расположила свое логово волчица. Она-то и покормила их молоком. Затем малышей увидел пастух Фавстул. Незадолго перед тем у него умер сын, едва жена разрешилась от бремени. Он взял найденных детей, принес их домой и сказал жене: «Боги взяли нашего сына, но послали нам двух других». В итоге выросшие братья вернулись в Альбу-Лонгу, прогнали Амулия (и тот был убит при бегстве), вернули престол Нумитору, а сами получили от него земли по берегам Тибра, где и основали Рим. В I в. до н. э. римский математик и астролог Таруций по расположению звезд вычислил точную дату основания Рима: выходило, что Рим был основан 23 апреля 753 года до н. э.

Капитолийская волчица

Ромул и Рем, решив основать Рим, должны были выбрать место для нового города. В таком действе древние полагались на волю богов. Если бы Ромул был греком, он посоветовался бы с Дельфийским оракулом; если бы был самнитом, то пошел бы следом за священным животным. Но так как он был латин, близкий сосед этрусков, знакомый с наукой авгуров, он угадывает волю богов по полету птиц. Боги и указали ему на Палатин. В день основания Ромул прежде всего приступает к жертвоприношению. Товарищи и спутники толпой окружают его. Они зажигают костер из хвороста, и каждый совершает прыжок через пламя костра. Смысл обряда состоял в том, что к великому священнодействию люди должны были приступать чистыми. Древние думали: прыжок через священный огонь очищает человека не только физически, но и нравственно. Перед тем братья взобрались на холм и стали ожидать знамения – кому из них быть царем. И вот над головой Рема пролетели шесть, а над головой Ромула – двенадцать коршунов. Тогда все, видевшие это, закричали: «Ромула избрали боги!» Однако Рем был не согласен.

Капитолийская волчица. Мозаика

Совершив этот обряд, Ромул вырыл маленькую круглую ямку и бросил в нее комок земли, принесенный из Альбы. Потом каждый из его спутников в свою очередь бросил туда горсть земли, взятой в родном городе, где он жил раньше. Смысл этих действий заключался в следующем: прежде чем прийти на Палатин, Ромул и его спутники жили в Альбе или в соседних городах, там находились их домашние очаги, там жили и были погребены их предки. А так как религия не позволяла бросать свой очаг и священную могилу предков, чтобы не совершать столь нечестивого поступка, приходилось им прибегать к фикции: в виде комка земли каждый уносил с собой священную почву, в которой были погребены его предки... Человек не мог уйти иначе, как взяв с собой и родную землю, и своих праотцов. Вокруг этого очага должен был расположиться город, как дом обычно располагается вокруг домашнего очага. Вот Ромул и провел борозду, которая отмечала границы будущего города. Эта черта символизировала будущую прочность Рима и должна была оставаться ненарушенной. Ни свой, ни чужой не смели переступить ее, не будучи наказанными за это. «На священной борозде или немного позади нее были возведены стены: они также священны. Таков был, согласно древним источникам, обряд основания города Рим. Сей день неизменно праздновался в древности из года в год, и даже современные римляне празднуют рождение своего города в тот же самый день, как и в прежние времена, 21 апреля» (Фюстель де Куланж. Античный город).

Ромул и Рем покидают Альбу-Лонгу

Перескочить через эту маленькую борозду – значило совершить нечестивый поступок. Брат основателя города, Рем, воскликнув: «Могучие же укрепления ты возвел!», перешагнул через борозду и поплатился жизнью. Уязвленный таким вызовом, Ромул выхватил меч

и убил брата, крикнув: «Так будет с каждым, кто силой вторгнется в город!» Город назвали Рома, по имени Ромула. Сказание о Ромуле и Реме донес до нас римский писатель Диокл, автор первой книги об основании Рима (живший предположительно в III в. до н. э.). Хотя вот историк Гелланик Лесбосский утверждал, что город был назван в честь Ромы – женщины, бывшей в свите царя Энея. Видя, как истомлены троянцы долгим и тяжелым плаванием, она предложила сжечь корабли и остановиться именно тут. Центром города был Палатин – «Палатинский город», «город Ромула», где и расположена «колыбель» Рима. Он представлял собой площадь, называемую «Четырехугольный Рим» («Roma quadrata») и занявшую 9,5 га. Тут находятся святыни – хижина Ромула и пещера, где волчица вскормила Ромула и Рема. Во времена Империи Палатин стал, по словам Тацита, кремлем римского мира. Место это считалось весьма престижным, таким же, как улицы и площади рядом с Московским кремлем. Поэтому именно тут купил дом Август, мечтая стать императором. Этот дом впоследствии стал первым дворцом императора.

Палатин в Риме. Современный вид

Римляне начали исторический путь скромнее, нежели «богоподобные греки». У них не было и столь ярких сказаний. Рим вначале напоминал большую деревню (здесь не было роскошных храмов, каменных зданий и стен). Один из римских поэтов, говоря о крестьянско-плебейском характере римского общества, писал:

Не воздвигались тогда, как теперь,
золоченые храмы,
Было не стыдно богам глиняным
в хижинах жить.
Где заседает сенат в окаймленных
пурпуром тогах,
Там собирался старшин попросту,
в шкурах, совет.
Сельский рожок собирал
на сходку древних квиритов,
Сотня их всех на лугу и составляла
сенат.

История Рима начинается с середины VIII в. до н. э. Ранний период римского государства принято называть «царским», затем уж наступил этрусский период. Первыми рабо-

владельческими центрами в Италии были этрусские и греческие города. И вообще начальный период «древнеримской истории» (VIII–VI вв. до н. э.) принято считать неримским, ибо тогда была гораздо заметнее роль греков и этрусков. В Северной и Средней Италии сохранилось немало их памятников. Прежде всего это погребальные камеры с найденными оружием, утварью, ювелирными украшениями, росписями. Найден греко-этрusco-порт Спина на Адриатике. Остатки жилищ этрусков выявлены и близ Аквы. В этрусском порту Пирги обнаружены остатки святилищ и храмов, в одном из которых найдены золотые пластины с этрусско-финикийскими текстами, посвященные богиням Уни и Астарте. В самом центре Рима, на Палатине, Эсквiline, других холмах, на форуме обнаружены могилы и сакральный комплекс «могилы Ромула». Тут же следы водосточков и замощенных улиц, следы храмов и дома жриц-весталок, храма Согласия и архивохранилища. Наиболее древняя надпись на территории Рима, на керамическом осколке VII в. до н. э., дана этрусскими или греческими буквами. Самая древняя латинская надпись на Черном камне с римского форума греческими буквами («могила Ромула») представляет собой место почитания легендарного основателя Рима. Все это отчетливо указывает на то, кто же был самым ранним обитателем земель Италии. Первые письменные представления о жителях Италии дал Гомер в «Одиссее», Гесиод назвал первого героя римской истории Латина, а первое упоминание о Риме встретите у Гелланика Лесбосского.

Бернини. Похищение Прозерпины

Первый римский царь принимал под свою руку пришельцев, включая нищих, разбойников и беглых рабов. Однако рост Рима сдерживался тем, что у римлян ощущался недостаток женщин. Тогда-то и произошло знаменитое похищение сабинянок, которых пригласили на празднество. Сабинки – италийское племя. Жили они в IX в. до н. э. севернее Рима, в Центральной Италии, и занимались преимущественно скотоводством. В правление легендар-

ного царя Тита Тация на них напал Ромул. Легенда говорит, что причиной нападения были женщины. Среди разношерстной братии Ромула было гораздо больше мужчин, которые по ночам тосковали без дам. И вот Ромул решил с помощью хитрости восполнить нехватку женщин. Он устроил игры, позвал на них сабинянок вместе с семьями и их родителями, и те с удовольствием явились. Тут и состоялось знаменитое «похищение сабинянок». Хотя похитили лишь незамужних, сабины, естественно, возмутились, и вспыхнула война. В возникшей из-за этого коварного похищения жестокой войне Ромул победил ценинов, антемнатов, крустуминов, сабинов и др., поскольку их города находились рядом. Тит Ливий описал первые шаги римлян: «Римское государство, первоначально весьма маленькое, а затем увеличившееся настолько, что нет тому примеров в памяти человеческой, ведет свое начало от Ромула. Он родился от весталки Реи Сильвии и, как утверждают, от Марса, вместе с братом своим Ремом. Разбойничая с пастухами, он, 18 лет от роду, на 11 день до майских календ третьего года от шестой Олимпиады и на 394 г. от падения Трои, основал на Палатинском холме небольшой город... Основав город, который по имени своему он назвал Римом, далее Ромул поступил так: многих окрестных жителей наделил он гражданскими правами, выбрал 100 человек из стариков, дабы по их совету управлять всеми делами, и назвал их сенаторами по годам их». Так начинал свой путь «великий Рим» – с разбоя и краж. Так что кровь убитого Ромулом на Палатине Рема, затем Ромула, убитого патрициями, и украденные женщины дали начало возникновению западной цивилизации. Римское государство начало свое существование в истории с актов насилия, грабежа, умыкания женщин. Эти темы нашли воплощение в картинах Давида, Пуссена, Рубенса и ряда других известных художников и скульпторов.

Отдавая должное великому римскому историку Титу Ливию, к труду которого мы не раз будем обращаться, все же позволим себе поставить под сомнение его посылку: «Впрочем, либо пристрастность к взятому на себя делу вводит меня в заблуждение, либо и впрямь не было никогда государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньше была жадность; лишь недавно богатство привело за собою (в Рим) корыстолюбие, а избыток удовольствий – готовность погубить все ради роскоши и телесных утех». Увы, и роскошь и жадность проникли в римскую жизнь рано, уже с первыми царями.

Самнитский воин

В то время каждый сенатор управлял по очереди. Народ говорил: «Сейчас у нас вместо одного царя стало сто». Это порождало смуту, анархию. Тогда народное собрание решило избрать царем известного скромностью, миролюбием и умом сабинянина Нуму Помпилия. Жил он уединенно (в его доме роскошь напрочь отсутствовала). Когда к нему прибыли послы и предложили царство, Нума отказался от него, заявив: «Каждому человеку трудно менять привычный образ жизни, особенно это трудно тому, кто доволен своей жизнью. Вы зовете меня на царство. Жизнь и смерть Ромула показывают, что ваше царство выросло на крови. Сам Ромул прослыл убийцей своего брата, а потом виновником смерти соправителя Тита Тация. Когда же он стал править один, то сделался самовластным и жестоким государем... Ромул всю жизнь воевал. Все войны, которые он вел, были успешны, и вы, римляне, привыкли к победам. Вы даже не представляете себе, что можно жить без войны. Вам нужен молодой царь – воин и полководец. Я для этого не гожусь. Больше всего я люблю мир и ненавижу все, что связано с войной. Вам не нужен царь, который почитает справедливость и будет учить вас любить мир. Ищите себе другого царя, римляне». Вещие слова... Но его уговорили на условии, что ему предоставят возможность ввести справедливые и полезные всем законы. Навстречу ему вышли тысячи граждан. Женщины осыпали его цветами. Став царем, Нума решил распустить охрану (300 человек, охранявших Ромула в последние годы), заявив при этом: «Охрана нужна только тому, кто не доверяет народу и боится его. Избрав меня царем, народ показал, что он мне доверяет. Я же верю народу, и мне не нужны телохра-

нители». Так вторым царем стал сабинянин Нума Помпилий. При нем возникли жреческие и ремесленнические коллегии, а также многие культы и обряды.

Шлем из Вульчи. Бронза.

Большую часть Апеннинского полуострова (VIII–VI вв. до н. э.) заняли племена италиков (латины, самниты, сабиняне и другие). С начала железного века племя италиков пахало землю и сеяло хлеб. В культурном отношении эти крестьяне-труженики заметно отставали от греков. А рядом с ними, за Тибром, обитали таинственные этруски. Происхождение и язык этого народа представляют одну из самых больших загадок древнейшей истории. Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.) заявлял, что ни языком своим, ни нравами, ни обычаями они не похожи ни на какой другой народ. Этруски имели славное происхождение. По словам Ливия, они еще до прибытия Энея были широко известны тогдашнему миру. Эней пренебрег могуществом Этрурии, «чьей славой наполнилась и суша, и даже море вдоль всей Италии от Альп до Сицилийского пролива». Но возглавив одну из волн переселенцев и утвердившись во власти, он вынужден был считаться с их силой и влиянием. Как считают, поселения этрусков были и в Малой Азии, откуда они переместились в Италию, в центральную часть Апеннинского полуострова. Местные называли их этрусками, а сами они величали себя расенами. Управляли этрусками их мудрецы – волшебники-лукомоны (самым известным из них был Тархон, что жил в XII в. до н. э.). И вот однажды этот самый Тархон во время ритуальной вспашки земли увидел на меже неизвестно откуда явившегося седого мальчика. Эта история стала известна благодаря римским поэтам и мыслителям. Марк Туллий Цицерон в трактате «О предвидении» описал этого бога, который был похож на ребенка. По словам Цицерона, он и «поведал собравшимся этрускам основы их религиозного учения». В музеях Рима и Ватикана хранится немало и ныне бронзовых фигурок бога Тага, сидящего обычно со скрещенными ногами. Многие исследователи отождествляют Тага (Тагета) с русским Дажьбогом.

Алтарь Ларов в доме Веттиев. В середине – Гений

Связь религии и власти в древние времена выступала совершенно явственно. Это уже гораздо позже произошло отделение государства от церкви. И я не уверен, что это пошло на пользу человеку и государству (во всех отношениях). Цицерон же заявлял, что «никогда предки не были так благоразумны и умудрены богами, как в то время, когда они решили, что одни и те же лица должны вести и религией и управлением республикой. Таким образом, должностные лица и жрецы, надлежащим образом исполняя свои обязанности, общими силами спасали государство» («О своем доме»). Ту же мысль высказал и Дион Кассий, говоря: первые лица римского государства выполняли обязанности верховных жрецов и считали, что искусство предвидения не менее достойно правителя, чем умение управлять государством. Поэтому и предсказания оракулов римляне воспринимали как дело государственной важности. Без разрешения сената их не открывали простому народу. И эту премудрое правило римляне также переняли у этрусков.

Г. Семирадский. Праздник Вакха

Живший в I в. н. э. император Клавдий даже посвятил этрускам труд из 20 томов, который находился в Александрийской библиотеке, но, к сожалению, тот сгорел вместе с другими бесценными свитками. Правда, от этрусков осталось немало свидетельств их материальной культуры: саркофаги, могильные плиты, вазы, чаши, статуэтки. В Санта Севере около Рима обнаружили два этрусских храма над морем. Есть даже единственная «книга» из 12 маленьких глав, написанных на полотняных пеленах. В них была завернута мумия этрусской женщины (хранится в музее Загреба).

Урна-каноп. Терракота. VI в. до н.э.

Будучи отличными мореходами, они могли прибыть откуда-то с востока. Мы не знаем, на каком языке они, придя на Аппеннинский полуостров из Азии, говорили. История попытки разгадки тайны этрусков в более близкие времена восходит еще к XV в., когда доминиканский монах Аннио де Витербо случайно вырыл из земли несколько плит с надписями на этрусском языке. Исследования порой относят самоназвание этрусков «рассенна» к скифо-иранским племенным наименованиям. Это довольно близко и к теории академика Б. А. Рыбакова об общности скифов-сколотов и праславян. Если мнение верно (этруски/рас-

сенна – одна из ветвей пра-славянско-скифо-сарматской общности народов), тогда корни их происхождения надо искать именно в истории и мифологии этих народов. Взвешенный подход к происхождению таинственных этрусков, по мнению ряда российских ученых, проявил итальянский ученый М. Паллоттино. Он писал, что этрусская цивилизация – генетическая часть восточной цивилизации: за время ее истории в ней явно ощущалось взаимовлияние многих культур – греческой, этруской, народов восточной части Средиземноморья. Население их городов также не было чисто этруским (Ф. Альтгейм). Считается, что переселение на земли современной Италии шло несколькими волнами. Среди этрусков были пеласги, индоевропейское племя, тесно связанное с протославянским миром – «центральный корень родового древа этрусков», и венеты, предположительно одно из славянских племен, которые, вероятно, и основали город Венецию.

Золотые этруские браслеты. VII в. до н.э.

Этруски были великолепными мастерами, о чем говорят хотя бы прекрасные этруские вазы «буккеры» с рельефными изображениями. В Этрурии было широко развито керамическое производство (статуи, скульптура, посуда, урны, водопроводные трубы, черепица, кирпич, светильники и т. д.). Они торговали и янтарем, который возили с берегов Балтийского моря, являясь монополистами. В V в. до н. э. появились и первые этруские монеты из золота, серебра, бронзы.

Щит времен культуры Виллановы

Многое говорит в пользу того, что этруски возникли в результате смешения ряда народов. Иные даже утверждают: «Большая часть материальных данных демонстрирует тождественность культур этрусков и древних славян, и нет ни одного факта, противоречащего этому... культура этрусков не похожа ни на кого, кроме славян, и наоборот, славяне не похожи ни на кого в прошлом, кроме этрусков» (В. Попов). Иные утверждают, что этруски – это «засохшая ветвь на родовом древе русского народа». В искусстве этрусков в самом деле есть нечто, что так или иначе может свидетельствовать об их близости к культуре славян. Название *Rassena* имеет итальянские корни (река *Rasina*, *Rasenna*). Похоже, что посылка «этруски – это русские», не лишена основания, как и их индо-германские корни. Этруски (откуда бы они ни пришли) сразу стали налаживать контакты и связи с соседними племенами. Центром, основным ядром будущей цивилизации этрусков считают культуру Виллановы, неподалеку от Болоньи. Италию населяли тогда племена умбров, сабелов, самнитов, латинов. Этруски оттеснят их на юг полуострова, затем в Сицилию – сикулов, на север – лигуров. И образуют там такие сильные города-государства, как Вейи, Цере, Тарквинии.

Группа воинов VIII в. до н.э. с оружием (культура Вилланова)

Начальный период проникновения этрусков в Лаций («дотарквинийский» по Шахермайру) относят к VII в. Проникновение шло прежде всего во внутренней части Лации – в Кампании, ставшей исконной зоной этрусской колонизации. Они перешли через Тибр, пересекли Лаций и захватили юг, основав большое военное поселение в Капуе. В Риме обосновался их военный вождь, который и сделал его главным городом Лация. Ученые признают присутствие этрусков в Помпеях. Одно время те служили им гаванью. Будучи создателями торговой империи на западе Средиземноморья, этруски вступили в острый конфликт с финикийцами и греками, которые стали их конкурентами в борьбе за господство на торговых рынках. Ведь греки активно колонизовали южное побережье Италии и Сицилию. К этим же землям, как увидим далее, будет обращено внимание и грозного Карфагена.

Дж. Б. Тьеполо. Муций Сцевола в лагере Порсены

Благодаря поддержке карфагенян этрускам удалось-таки одержать победу над греками в морской битве у Корсики в 524 г. до н. э., но на суше одолеть греков не удалось. А тут еще восстали соседи-латиняне, изгнавшие из Рима этрусского правителя Тарквиния Гордого. Полководец этрусов Ларс Порсена собрал тогда крупные силы и двинулся походом на Рим, рассчитывая захватить врасплох противника. Этруски сумели подобраться к холму Яникул и крепости на берегу, что контролировала подходы к мосту. Город Рим оказался в их руках, несмотря на мужество Горация, Муция и товарищей. Гораций в одиночку стал защищать мост, а в это время другие воины его разрушали, тем самым не дав противнику с ходу ворваться в Рим. Муций Сцевола решил убить Порсену. Он пробрался в его лагерь, но был схвачен. Порсена повелел разжечь костер и пытать его огнем. Юноша сунул руку в пламя и тем самым показал, что пыткой его не сломить. Этруск отпустил юношу, будто бы сказав при этом: «Желал бы я, чтобы и за меня сражались такие же бесстрашные люди». Об этой легенде поведал Ливий. Однако когда армия Порсены прошла через Лаций и двинулась далее, вглубь, к Арицию, центр сопротивления латинян, на помощь римлянам пришли греки – они вместе зажали в тиски войско этрусов и уничтожили. Вдобавок ко всему в 474 г. этруски потерпели поражение от греков в морском сражении при Кумах.

Ларс Порсена, этрусский царь Клузия и его войско взирают на Рим

Не станем перечислять всех войн, что вели римляне с латинскими городами... После ряда долгих и кровопролитных битв, завоевав Альбу-Лонгу, центр Лация, которому ранее принадлежало первенство в союзе латинских городов, Рим стал главным городом Италии, фактически ее гегемоном. Чтобы установить власть над всей Италией, Риму понадобилось 250 лет, пришлось сражаться с галлами, вольсками, эквами, этрусками. Этруски были достойным противником. Римляне проявили также немало мужества. Все было в этих битвах – жестокость, измена, благородство. Жители Тарквиний умертвили несколько сот пленных римлян, принесли их в жертву богам. В свою очередь и римляне в 354 г. до н. э. взяли 358 человек из побежденных в битве этрусов, принадлежавших к лучшим семьям, отправили в Рим и, наказав розгами, отрубили им головы. Остальных пленных добили. Но вот когда римляне осадили этрусский город Фалерий, они проявили благородство. Дети знатных фалерийцев выходили за городские стены вместе с учителем для прогулок и гимнастических упражнений. Коварный воспитатель решил передать их в руки римлян как заложников и получить за это награду. Но полководец римлян Камилл сказал, что римляне привыкли надеяться на свое мужество, не на чужую подлость. Воины сорвали одежды с учителя-предателя, связали ему руки, дали детям в руки розги, чтобы они стегали изменника, и отправили обратно – в стан этрусов. Случалось, впрочем, что и римляне становились предателями.

Могила этрусского царя

Этруски многое внесли в военную тактику, организацию, вооружение войск в Риме (хотя немало заимствовали и у греков). В VII в. до н. э. этруски переняли греческую тактику, заодно знаменитую греческую фалангу, взяв на вооружение «архаический лох» с его построениями. Можно сказать, что римская армия в тот период представляла собой, вероятно, типичную этрусскую армию по форме и существу, ибо включала в себя части этрусков, римлян и латинян. Сервий Туллий, второй из этрусских царей, провел в VI в. до н. э. реорганизацию этрусско-римской армии. Он ввел имущественный ценз взамен происхождения. При этом все население поделили на шесть разрядов. Позднее, как пишет историк, вместе с изгнанными из Рима этрусками должна была уйти и значительная часть воинов первого класса, что не могло не сказаться на боеспособности римской армии. Однако многие военные наработки этрусков и их принципы организации армии остались. Так, подобно поздним римлянам, этруски в ходе их военных действий во многом полагались на войска, поставляемые им союзниками или же племенами, которые ими были побеждены и являлись их данниками и слугами.

Декор храма. Крылатые кони

Пройдут годы и годы, прежде чем Латинский союз, во главе которого стоял заметно усилившийся Рим, смог двинуться на оплот этрусков, город Вейи. В 396 г. до н. э., после

длительной осады, город сдался. Разгром этрусков оказался и для латинян «пирровой победой», так как вскоре в Этрурию ворвались кельты, пройдя по реке Тибр до самого Рима. В битве при Алии они римлян разбили, а город был захвачен и разграблен. Этруски отчаянно сражались на два фронта: против латинян и Рима на юге, и против кельтов на севере, но выдержать столь тяжелой борьбы не смогли, и к 350 г. до н. э. их господству в долине реки По пришел конец. Не сохранилось ни исторических работ, ни драматических произведений этрусков, известно, что они были не только искусными мореходами и пиратами, но и прекрасными строителями и ремесленниками. Построенные ими из камня мосты, каналы, храмы, гробницы или города представляли собой внушительное зрелище. Этруские города Марцаботто, Спина, Пренесте, Веллетри, Сатрик, Капуя достигли вершин расцвета в VI в. до н. э. Там были художественные мастерские, где работали искусные мастера. Достаточно взглянуть на деяния их рук (фигурные сосуды из открытого некрополя, украшения из слоновой кости, росписи их гробниц, великолепные погребальные урны, колоритные статуи и фигурки, дивные браслеты и женские украшения), чтобы убедиться в том, что перед нами народ-художник! Их памятники искусства отражали те или иные события истории. Фрески этрусков показывают жестокие сцены расправ греков с пленниками из Трои. На одной из них Ахилл закалывает беззащитных и безоружных людей.

Со временем больше стало известно о колониях этрусков, о центре, г. Капуе, о двенадцати «народах» Этрурии, что собрались в святилище Вольтумны. В Капуе найдены древнейшие погребения, датирующиеся серединой VI в., что говорит о благосостоянии. Там же обнаружат ряд крупнейших памятников этруской эпиграфики, фрагменты посуды с этрускими надписями из Помпей. Процветание этрусков вызывало зависть соседей. Против них выступил союз галлов и сиракузцев. Флот тирана Дионисия к 384 г. до н. э. опустошил побережье Этрурии. Залесский отмечает: «Упадок этруских городов, этих наиболее развитых экономических центров Средней и Северной Италии, привел к упадку греческой торговли с этими районами и к гибели созданных там греческих поселений». Этрусская культура не погибла. Итальянские народы многим обязаны этрускам, заимствовав у них строительные навыки, знаки царской власти, основы наук, религиозные обряды, украшения и предметы роскоши.

Коленопреклоненный воин этрусков

Этруски почитали богов, представляя их в облике людей. Похоже, что и этруский пантеон составлялся путем заимствований у других народов. Богиня Уни, аналогичная италий-

ской Юноне, попала через пеласгов. Менрва соответствовала римской Минерве, Тин – Зевсу и Юпитеру. Возвели этруски и Капитолийский храм. Эллинскому Дионису-Вакху соответствовал этрусский Фуфлунс. Водная стихия находилась в ведении Нетунса (у эллинов – Посейдон, у римлян – Нептун). Богу Гефесту соответствовал Сефланс. Эллинским богам подземного царства, Аиду и Персефоне, соответствовали этрусские боги Еита и Персефнаи, а эллинскому перевозчику душ, старцу Харону, соответствовал этрусский демон смерти Хару.

Ф. Мельци. Вертумн и Помона. Этрusский бог. Берлин

Этруски испытали на себе воздействие восточных народов, карфагенян, греков. Они умело использовали сюжеты из греческой мифологии. У этрусков было и свое священное писание, своя библия, создателем которой был Таг (Дагон). Согласно преданию, он представлял собой младенца с седыми волосами, которого выпихали из земли. Он и пропел учение окружавшим его лукумонам (царям-жрецам). Может этим навеяны строки: «У Лукоморья дуб зеленый; золотая цепь на дубе том: и днем и ночью кот ученый всё ходит по цепи кругом». Записанные песнопения Тага римляне называли «этрusской дисциплиной» (или учением). Книги включали этрусскую космогонию, космологию и культовые предписания, были переведены на латинский язык стихами, но до нас не дошли. Римляне многое позаимствовали у них. Благодаря им родо-племенной культ превратился в полисную религию. Этруски создали свой календарь (во времена Нумы Помпилия). Этрusским творением были и форум, и храм Юпитера, и церемония триумфа, и вообще многие римские праздники, имевшие характер городских игр. Даже латинское слово «ludus» (игра) римляне взяли от названия народа «ludoi» (лидийцы), что является синонимом слова «этрusки». При этрусках в Риме введены ежегодные Римские, или Великие, игры. Местом их проведения становится сооруженный при правлении Тарквиниев цирк, а затем и стадион.

Бой гладиаторов – этрусское детище

Переняли римляне у этрусов и такой обычай, как принесение кровавых жертв душам мертвых (во время погребений). Формой такого вот жертвоприношения стала смертельная схватка вооруженных пленников, что заканчивалась обычно гибелью одного или многих участников поединков. Известно, что в 264 г. до н. э. один из римлян этрусского происхождения в память о своем отце заставил сражаться на многолюдном рынке три пары рабов. Это зрелище со временем превратится в популярные в Риме гладиаторские бои. Палач, добивавший смертельно раненных гладиаторов, носил маску этрусского демона смерти Хару и имел его атрибут – молот. Разумеется, были веселые и добрые традиции, переданные этрусками.

Бронзовое этрусское зеркало. Суд Париса

Поражают удивительный реализм в рисунках этрусов, их художественный вкус, который удовлетворил бы самые высокие ожидания современных эстетов. Примеров тому множество (треножник VI в. до н. э., зеркало с изображением суда Париса III в. до н. э., крылатые кони с декора храма Ара делла Регина IV в. до н. э., скульптура «Толстый этруск», относящаяся ко II в. до н. э. и т. д.). Г. И. Соколов писал о них: «Принято считать, что этруски посте-

пенно ассимилировались в среде римлян. Не исключено тем не менее, что какая-либо часть особенно жизнеспособных и не желавших покориться представителей этого народа переселилась в другие земли, и остались лишь этруски, всецело подчинившиеся завоевателям. Действительно, в опасные для Рима годы, когда в конце III в. до н. э. на него напали карфагеняне, этруски не воспользовались обстановкой, чтобы отпасть от Рима. Вряд ли за полстолетия вся сила такого энергичного народа, как этруски, могла иссякнуть. Этруски получали право римского гражданства». Растворяясь в среде латинян, они продолжали время от времени заявлять о себе в годы ранней империи. В частности, первая жена императора Клавдия, Плавтия Ургуланилла, – из рода этрусков. Ее соотечественник, известный покровитель художников Гай Меценат, происходил из города Ареццо. Историк заметил: «Меценат – это очень мудрый гражданин мира, который никогда не сражался, никогда не работал, но жил в постоянных разговорах и управлял людьми, которые воевали и трудились, тоже был этруском» (Дж. Бейкер). В Вольтерре в I в. до н. э. жил баснописец – этруск Флакк. Друг Цицерона, Авл Цецина, был этруском. Медици считал, что его род восходит к этрускам. Он же организовал первые исследования в этой области. Их судьбой интересовался Проспер Мериме.

Зеркало (оборотная сторона)

Глубокое исследование по истории возникновения этрусков провел историк-востоковед З. Майяни. Сей француз не побоялся устремиться в самый эпицентр «этруских джунглей», где самое разумное предвидение «не стоит ни гроша», надеясь на свое единственное оружие – «некое интуитивное чувство». Он бился над этой проблемой, как если бы для него это был «вопрос жизни и смерти». Этнолингвистические попытки расшифровать письменность этрусков пока что не привели к большим успехам. Если одни искали корни этрусков в Италии, вторые – в Скифии, третьи – в Албании (самоназвание этрусков «тиррены» очень созвучно столице Албании – Тиране). Этрусский язык никак не поддавался, хотя вот уже три столетия ученые всех стран «осаждают» этот язык, находящийся в самом сердце, казалось бы, давным-давно изученной и довольно-таки старой европейской цивилизации. З. Майяни пишет: «Проблема не была бы такой острой, если бы речь шла о наречии какого-либо темного неразвитого племени».

Этруск с чисто русским обликом

Это был язык «двенадцати племен Этрурии» – мощного народа земледельцев, смелых моряков, воинов, купцов, искусных ремесленников и зодчих, создавших храмы, плотины, крепости, построивших большие города. Этот народ осушил болота на своей земле, пустил по каналам воды реки По, насадил виноградники, обрабатывал металлы. Он превратил небольшое местечко Рим в укрепленный поселок. Кочевое пастушеское племя, бродившее у его границ и стремившееся использовать плоды прилежания греков и этрусков, решилось наконец осесть в этом поселке и приобщиться к городской жизни со всеми преимуществами организованного общества. Оно и стало называться римлянами.

Сцена брачного обряда

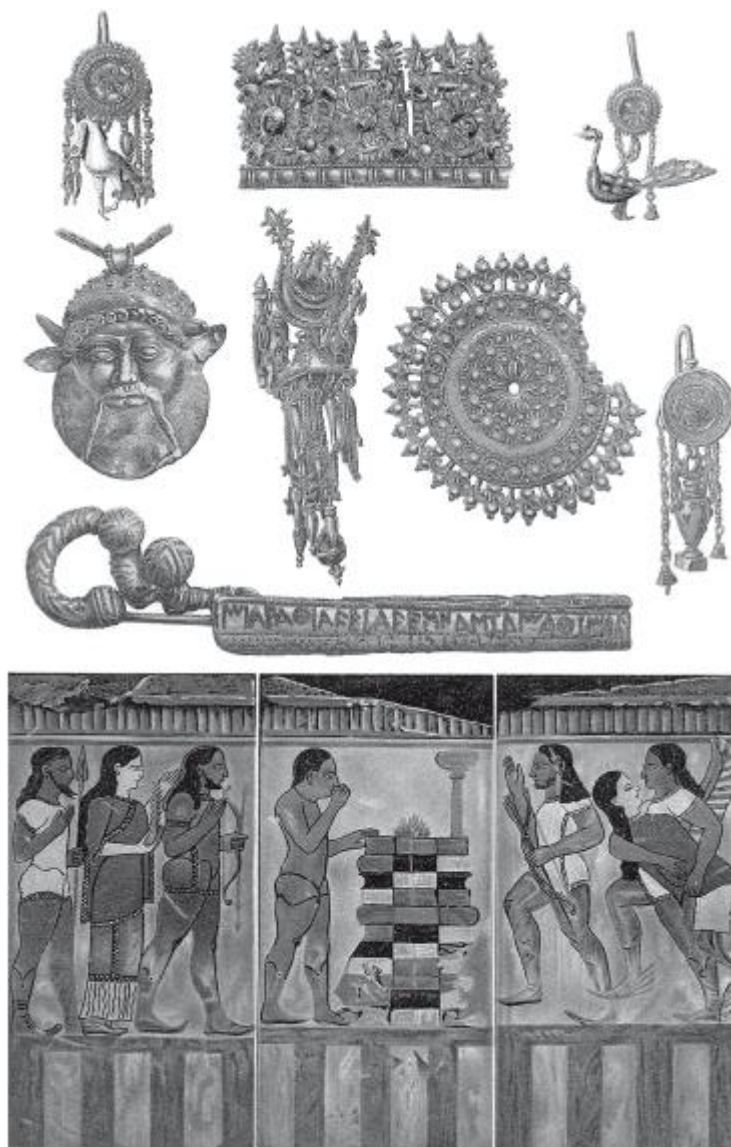
Из этрусского языка происходят многочисленные слова, существующие и поныне во многих языках, такие как цистерна, церемония, таверна, персона, литера и т. д. Это этруски заложили основы религиозной и политической организации Италии, основы римской воен-

ной машины и искусства. «Зачинатели литературной и научной деятельности в Италии, они уступали пальму первенства лишь новым хозяевам вселенной – грекам, безоговорочно признавая их интеллектуальное превосходство». Добавим, что, вероятно, и само название Rōma – этрусского происхождения, а возникновение сего города из отдельных и самостоятельных общинных поселений на Палатине, Эсквилине и Квиринале также произошло скорее всего в эпоху этрусского владычества или же в результате их влияния. Вот и названия древнейших римских триб (титии, рамны, луцеры) – этрусские. Весьма вероятно и то, что древнейшие римские государственные установления, сословия, должности, важнейшие нормы и т. п. (то, что ныне принято считать исконно римскими образованиями) приняли этрусские формы, как наиболее развитые и употребительные. Это же можно сказать о множестве иных римских обычаев и правил: обычай триумфа после победы над врагом, тога, ликторские фасции, курульные кресла, цирковые игры, театральные зрелища (Л. Ельницкий).

Этруская ваза

Что сказать в заключение? Появляется все больше свидетельств того, что эта «странная цивилизация» имеет смешанное происхождение. Видимо, в культуре этрусков переплелись два-три течения, а то и гораздо больше: одно – из стран Дуная, другое – из Анатолии, третье – из евразийских степей... В те отдаленные времена евразийская степь, простиравшаяся от современной Богемии и Венгрии через Северное Причерноморье и Кавказ, через каспийские области до Южной Сибири, как отмечает З. Майяни, «была одновременно и Европой, и Азией». По этому огромному пространству, словно могучие волны океана, перемещались различные этнические группы. Степь стала очагом «выдающейся цивилизации, создавшей на окраинах первые очаги культуры – доисторическую Индию, Шумер, Элам, Месопотамию и многие другие». У нее свои законы, принципы, искусство, тактика, средства передвижения. И многое из этого было передано Риму. Кстати, при этрусках Рим стал превращаться и в значительный торговый центр.

Этрусские памятники, дошедшие до нас из древности

Богемия и Венгрия как важнейшие очаги металлургического производства снабжали ее оружием, что позволило осуществить мощную экспансию на запад и восток. В этрусской цивилизации от тех племен остались реликвии: курульное кресло (король) – символ справедливого суда у вождей племен этих кочующих пастухов. Любопытно и то, что если сравнить мотив на этруском зеркале, где изображены хищники, напавшие на лошадь, с рисунком на скифской золотой пряжке, найденной в Сибири, где также изображены хищник и бык, бросается в глаза сходство обоих рисунков. Многие отмечали наличие родства между этрусками и древними народами Малой Азии (древний этрусский храм на платформе, возможно, имеет халдейское происхождение, отсюда же ведет происхождение и бог Янус). Так, Пиганьоль относит этрусков к анатолийцам, говоря об их облике: «Сквозь нарядные греческие одежды, наброшенные на Этрурию, просвечивает, однако, восточное происхождение этого народа». З. Майяни считает, что этрусский язык – дунайского происхождения, но он носит индоевропейский характер, и в нем «есть много аналогий с балто-славянскими языками». Ясно одно: этруски создали костяк будущего римского государства. Они вдохнули в римлян энергетику и культуру, влияние которой сравнимо разве что только с мощным греческим влиянием. Слабостью этрусков была их неспособность создать прочный союз. Каждая из

12 общин, как и 12 племен Израиля, отстаивала свои права. Они не смогли сообща ничего предпринять. Поэтому их одолели и латиняне, и Рим.

Бронзовая колесница. VI в. до н.э.

Республика – «золотой век» римского государства

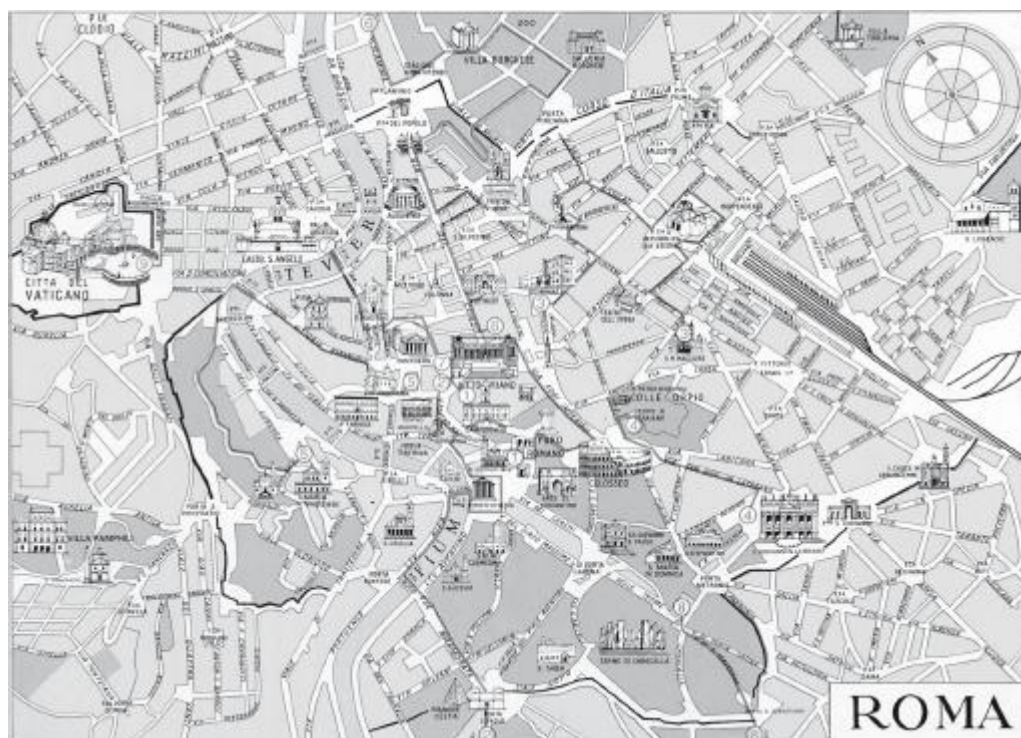

На заре римской истории сложилась система семей, родов, племен. Старшины родов звались тогда «принципсами» (*principes*). Главной единицей племени и рода была семья, во главе нее стоял отец семейства. Он имел неограниченную власть над женой и детьми – право жизни и смерти (*jus vitae ac necis*). В семьях были и рабы, добываемые в результате войн и набегов, но рабство носило вначале еще патриархальный характер. Десять родов составляли курию, десять курий – трибу (племя). Три трибы – Тиции, Рамны и Луцеры – и составили римский народ (*populus Romanus*). В делах курии участвовали одни мужчины (на этих комициях избирались цари, объявлялись войны, принимались в состав общин новые роды и т. д.). Во главе общины стоял царь. Его знаками отличия была пурпуровая мантия, золотая диадема, скипетр с орлом, кресло из слоновой кости. Впереди царя шли ликторы с пучками прутьев. Все эти знаки входили в понятие о высшей власти (*imperium*) и были унаследованы от этрусков. Рядом с царем находился другой институт власти – сенат (100–300 человек). Он был своего рода хранителем отеческих традиций и советником царя по важнейшим делам. Затем появились префекты, которым царь поручал управление Римом во время своего отсутствия (*praefectus urbis*). Первоначально только полноправные члены общины имели право называться римским народом. Это и были патриции (дословно – имеющие отцов). Римский плебс туда не включался. В плебс («*plebs*» происходит от «*pleo*» – наполняю, обозначая массу, множество) тогда входили обитатели ближайших к Риму селений. Они считались свободными, но не могли вступать в брак с патрициями и патрицианками. Одни считают их появление результатом принадлежности к различным этническим группам (т. е. к местному населению, покоренному завоевателями). Другие подчеркивают, что в составе плебса был силен этрусский элемент. Древнеримское общество имело все черты варварского строя. Маркс как-то сказал в адрес греков – «сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь». Это вполне применимо и к римлянам. Однако их «дикарство» было даже симпатичным. Патриции, у которых вначале не было рабов, пахали землю и жили в деревянных хижинах, крытых обычной соломой. Утвердившийся на землях Италии строй мог быть назван военной демократией.

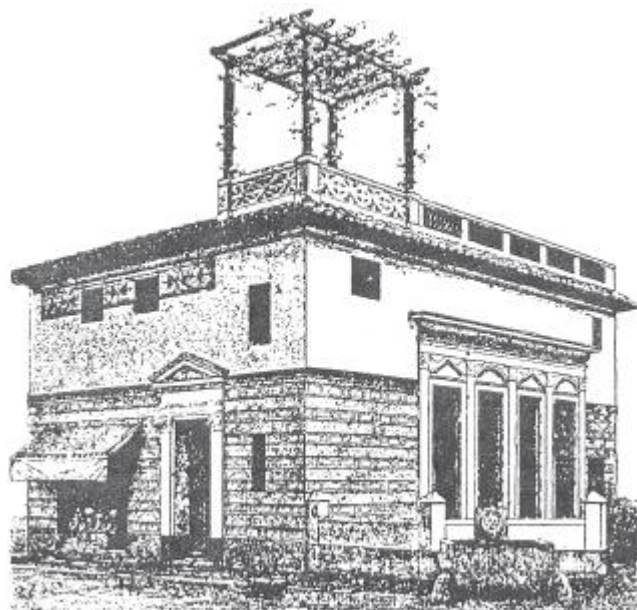
Статуя Марса Тоди

Как говорилось, в начале VI в. до н. э. власть в Риме принадлежала этрускам. Те основали царствующую династию, создали аппарат управления и войско. Это был строй, который можно было бы назвать «народной монархией», так как власть царя ограничивалась волей народных собраний (куриями и центуриями). После успешного восстания римляне ликвидировали царскую власть (510 г. до н. э.) и передали власть старейшинам (магистратам). При этом высшим органом государства оставалось народное собрание. Собрание принимало или отменяло законы, объявляло войну, заключало мир, избирало всех высших должностных лиц, осуществляло высшую судебную власть, разбирало апелляции и протесты, подаваемые народом.

План Рима

Однако и эту систему римляне фактически унаследовали от тех же этрусков, хотя и внесли в нее некоторые изменения. Римской республике III–II вв. до н. э. был присущ определенный демократизм. Во-первых, в Риме тогда еще не было постоянного чиновничьего аппарата. Во-вторых, выборы главных должностных лиц (эдилов, консулов, преторов, квесторов) совершались ежегодно. В-третьих, в Риме была принята система разделения властей (вместо одного единоличного главы стали выбирать двух глав исполнительной власти, двух консулов). Затем выделили и судебную власть. В-четвертых, власть осуществляли коллегиально. По римской конституции все магистраты были коллегиальными (2 консула, 2 претора, 4 эдила, 10 народных трибунов, 4 квестора). Они переизбирались, и их труд был неоплачиваемым. Работа считалась почетной уже сама по себе, а потому была безвозмездной. В-пятых, республика имела инструмент на момент крайней опасности. В этот период демократия отступала, и назначался диктатор (в случае тяжелой войны, восстаний или ухода плебеев из Рима). Однако римляне в качестве защитной меры решили, что диктатор не может находиться у власти более 6 месяцев.

Наружный вид римского дома

Ранний период Римского государства мог бы считаться «золотым веком». При равенстве граждан внутри общины долгое время сохранялась и национальная самобытность. В Риме, отмечал Моммзен, все было не так, как в ликурговском полицейском государстве. Семейство тут не уничтожалось, чтобы на его и за его счет возвысилась община. В этом и заключался один из самых бесспорных и, видимо, замечательных принципов древнейшего римского государственного устройства. Согласно этому принципу римское государство могло заковать или даже казнить гражданина, но оно не могло отнять у него ни сына, ни пахотной земли. Оно не имело права облагать его постоянными налогами. Никакая другая община не была так полновластна у себя дома, как римская, но в то же время и ни в какой другой общине гражданин, чье поведение было в целом безупречно, не был так, как в римской, обеспечен в его правах по отношению к своим согражданам и к самому государству. Если выразить несколько иначе эту мысль Моммзена, то можно сказать: Рим смог сделать своих граждан покорными воле государства и всего сообщества, не лишив при этом каждого из них драгоценной свободы.

Величайшая империя Древнего мира была возвращена в садах патриархальности и республиканизма. В раннем периоде римской истории заложены истоки силы. Посмотрим, что же лежало в основе строительства «римского дома». Обширная община управлялась с той же заботливостью и тщательностью, как управляется небольшой дом. Как выглядел этот самый «римский дом»? Древнейший Рим состоял из жалких хижин. В хижине под соломенным кровом, как гласит предание, жил и Ромул на холме Палатин. После того как галлы превратили город в груду пепла (390 г. до н. э.), его восстановили, но сделали это наспех, кое-как. Улицы прокладывались без плана, больших площадей не было, дома сколачивали грубо и примитивно. Во времена республики дома строились из глины и гораздо реже – из кирпича.

Ранний или молодой Рим – это строгость нравов, порядок, простая и здоровая жизнь. Пища и в самом деле была простой (кусок хлеба, сыр, оливки, рыба, лук, каша, фрукты). Мясные блюда римляне позволяли себе далеко не всегда и не все. Взрослые мужчины все запивали вином с водой. Женщинам же пить вино не полагалось. Легендарному Ромулу даже приписывали некий указ, согласно которому пьющую жену можно было предать смерти. Простые трапезы при этом никого не смущали. Как сказал ученый и писатель Варрон (I в. до н. э.): «У дедов и прадедов хоть слова и дышали чесноком и луком, но высок у них был дух!»

В семье сохранялось главенство мужчин, особо тщательно соблюдались законы трудового воспитания. Все время отдавалось работе, учебе, домашним занятиям. Каждый готов был соблюдать верность Родине, ее законам, служа ей верой и правдой. «Тогда жизнь человеческая еще не знала алчности: всякий довольствовался тем, что имел» (Крисп).

Статуя римлянина с портретами предков

Порой говорят, что римская древность придумана Вергилием. Римляне проявляли умеренность, простоту, строгие нравы, ценили великодушие и благородство, презирали все низкое и непристойное. Они говорили вместе с Горацием: «Во всем должна быть мера, терпение и вера». Единобрачие – закон для семей. Главой семейства считался мужчина (*pater familias*), всемогущий и полновластный владыка. Ему подчинялись и никто не смел прекословить. Надо сказать, между патриархальной Грецией и патриархальным Римом было немало общего, хотя имелись очень серьезные различия. В частности, Моммзен пишет: «Все, что может быть названо в государстве патриархальным элементом, было основано и в Греции и в Италии на одном и том же фундаменте. Сюда прежде всего следует отнести нравственный и благопристойный характер общественной жизни, который ставит в обязанность мужчине одноженство, а женщину строго наказывает за прелюбодеяние, и который утверждает равенство лиц обоих полов и святость брака, отводя матери высокое положение в домашнем кругу. Наоборот, сильное и не обращающее никакого внимания на права личности развитие власти мужа и в особенности отца было чуждо грекам, но было свойственно италикам, а нравственная подчиненность впервые превратилась в Италии в установленное законом рабство. Точно так же и составляющее самую сущность рабства полное бесправие раба поддерживалось римлянами с безжалостной строгостью и было развито во всех своих последствиях, между тем как у греков рано появились фактические и правовые смягчения, так, например, брак между рабами был признан законной связью».

Дети принадлежали отцу, полностью находясь в его власти. Поэтому по римскому праву даже рабу легче было освободиться от господина, нежели сыну от отца. Иногда эта власть в нашем понимании выглядела как деспотическая. Отец мог послать сына на тяжелую работу, присвоить себе имущество уже взрослых сыновей, отдать в залог. Он мог три раза продать их в рабство, если они попали ему в руки после первых продаж, что не позволялось в отношении рабов. Отец мог подвергнуть их телесным наказаниям, а в некоторых случаях и смертной казни. И даже если сын становился важным должностным лицом, власть отца значила для сына куда больше его общественного положения. Отец был полновластен над судьбой новорожденного ребенка. На пятый день после рождения ребенка отец должен был или поднять лежавшего у его ног ребенка, или же оставить его на полу и не признать его. Вспомним, что Клеопатра таким вот образом поставила перед выбором самого Цезаря. Одним словом, и млад и стар – все находились в полной власти отца. Власть над сынами отец терял, если кто-то из них лишался гражданства, или если сын становился жрецом Юпитера, над дочерью – если та выходила замуж. В этих нравах видна крайняя суровость, которую сегодня приняли бы за неоправданную жестокость. Таково, скажем, было право выбрасывания детей (*expositio*). Вследствие ссор родителей или худых предзнаменований, в знак недовольства отца или публичного траура родное дитё можно было выбросить на свалку или убить. Подобные случаи имели место. Обычно выбрасывались девочки, но не мальчики. Мальчик – будущий кормилец и опора... Такое дикое положение несколько смягчалось тем обстоятельством, что бытовал обычай, по которому несчастных детей (особенно из бедных семей) родители относили к Храму Благочестия, что был рядом с овощным рынком. Сострадательные души несли туда молоко и подкармливали младенцев, пока кто-то из бездетной семьи не решался все же взять их к себе на воспитание. Однако часто эти дети просто умирали, съедались голодными собаками, отдавались в школы гладиаторов или подвергались намеренному увечью, дабы народ охотнее давал им милостыню.

Портрет римлянки. Мрамор. Рим

При несомненной жестокости и чудовищности таких правил, до крайностей чаще всего дело не доходило... Во-первых, всех сдерживали законы. Во-вторых, дети слушались

своих родителей, побаивались их и не прекословили. В-третьих, отец и мать, пренебрегшие воспитанием, подвергались осуждению общества, а тяга к добродетели была одним из важнейших правил. В-четвертых, строгости отца уравнивались материнской лаской и заботой. Жены римлян нередко были довольно образованными, подобно благородной Корнелии, воспитавшей Гракхов. В-пятых, суровое воспитание, которое было сродни спартанскому, делало из римлян настоящих мужчин и воинов. Они, по выражению одного из политиков, вовсе «не будут распускать соплю», когда надо сражаться за родину и выполнять свой долг.

П. Рубенс. Отцелюбие римлянки

Но центром домашнего круга в Риме все-таки оставалась женщина. К женщине ее муж относился бережно и с уважением. Разумеется, при этом возлагал на нее домашние обязанности (выпечка хлеба, прядение, ткачество, уход за одеждой). В свадебной процессии за невестой обычно несли веретено и прялку, символы ее будущих занятий. Невеста обещала разделить все радости и невзгоды мужа, говоря: «Где ты, Гай, там и я, Гайя». Особо ценилась девица-мастерица, чтящая мужа, бережливая хозяйка и верная жена. Такую девушку называли прекрасной женщиной (*mulier pulcherrima*). Вот что писал по этому поводу нравов один из авторов: «Домашний труд был уделом матроны, потому что отцы семейств возвращаются к домашним пенатам от общественной деятельности, отложив все заботы, будто для отдыха». Впрочем, уже тогда иные из жен знатных римлян стали привыкать к безделью и порокам. Овидий писал, что когда сын царя Тарквиния Гордого и его друзья решили проверить, чем это в их отсутствие занимаются их дорогие женушки, и внезапно нагрянули, то они нашли невестку царя во хмелю и с венком на шее. Затем они идут в дом Лукреции, где «видят ее за прялкой, а на постели ее мягкая шерсть в коробках». Тем не менее первый развод у римлян произошел только через 340 лет после основания города (234 г. до н. э.). Замужняя римлянка (матрона) — это почти полновластная хозяйка дома. Римляне любили детей, хотя даже их отсутствие не разрушало прочности браков. Осуждались и слишком суровые отцы. В ходу была поговорка: «Кто бьет жену или ребенка, тот поднимает руку на самую высокую святыню». Известен случай с консулом Титом Манлием, что во время Латинской войны казнил своего сына, ибо тот «подорвал в войске послушание» (тот ослушался воли отца и сразился вне строя с противником). Когда Манлий возвратился победителем в Рим, его встретили только пожилые люди, а молодежь отшатнулась от него как от зачумленного.

Пахарь

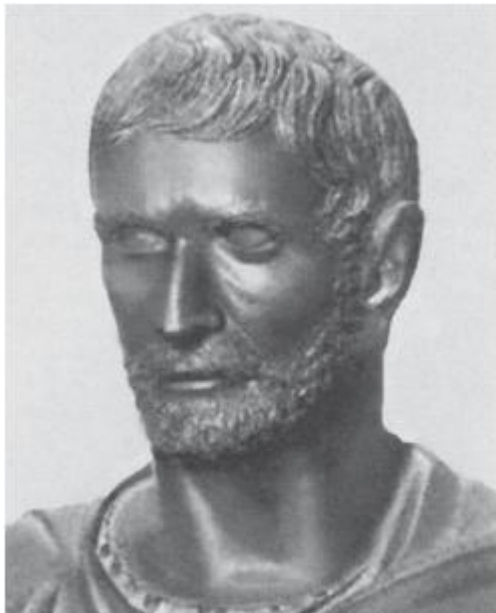
Под стать этому было и общественно-политическое устройство раннего Рима. Во времена Республики римлянин-земледелец (их было большинство) входил в систему общины. Та имела общественные земли, имущество, культы, выборных магистратов. Римлянин не только чувствовал себя гражданином Республики, но и был в какой-то степени совладельцем ее территории и хранителем ее славы. Власть над землей и страной находилась в руках гражданского коллектива. Он получал выгоды как от аграрных законов, так и от победоносных войн, получал наделы, выгоды от эксплуатации провинций, принимал участие в дележе добыч.

Роспись гробницы Охоты и Рыбной ловли в Тарквинии

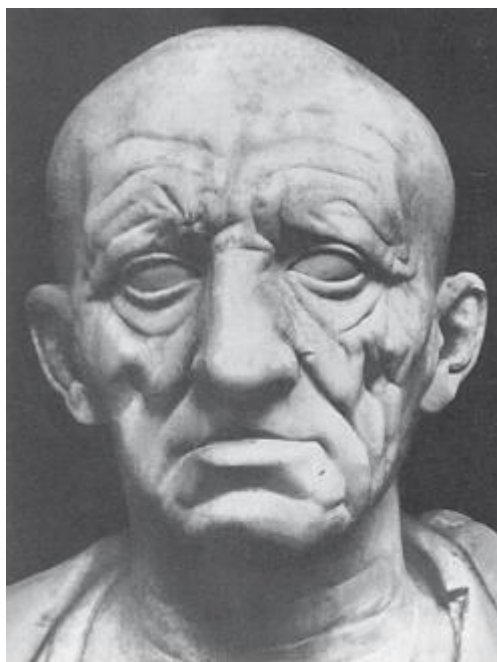
Одним словом, римлянин чувствовал себя хозяином в своей стране. Поэтому он очень серьезно относился к выполнению своей гражданской, военной, административной или законодательной миссии. Римский народ, живущий согласно традициям коллективизма, был крепок духом. Тогдашний Рим представлял собой прочное, как казалось, единство общества и личности. Формула «*singuli et universi*» признает, что *universi* как раз и состоит из *singuli*. Римский народ представлял собой сплоченное единство, в котором каждый должен был играть свою роль «на мировой сцене». И крайне важным по древнеримским понятиям было правило, которое отдает приоритет коллективному перед индивидуальным. Ментальность раннего Рима тут резко противостоит ментальности Греции и будущего капиталистического общества. Видимо, так до недавнего времени ментальность бывшей России противостояла ментальности Запада, где каждый сам за себя. Эта традиция нашла выражение в катоновско-цицероновской концепции «блага государства». Конечно, далеко не всем нравились уравнилельные, коллективистские порядки. Скажем, греки даже пытались очернить историю раннего Рима и Италии. Они говорили, что Ромул, основавший город, руководил сбродом, утверждали, что Антенор и Эней были предателями Трои, доказывали всю несостоятельность притязаний римлян на их происхождение от Энея. Многие люто ненавидели Рим и уповали на Карфаген. В свою очередь многие римляне презирали нравы и взгляды греков. Как пример негативного отношения стал бранная кличка «грек» и «философ», обращенная к Цицерону. И все ж республиканский Рим имел добродетели, которыми не могла похвастаться

Греция. Среди римских добродетелей Полибий назвал: мудрость решений, совершенство политического строя Рима, способность делать то, что важно и полезно для страны в войне, труде, справедливое распределение наград и наказаний, соблюдение обычаев и законов, верность клятвам и долгу, вера в религию, неподкупность, скромная жизнь, тяга граждан к общей выгоде и т. д. Кстати, понятие «добродетель» (*pietas*) даже не имела греческого эквивалента.

Брут Древний – легендарный родоначальник Брутов

Прежде чем «воспевать хвалу» цезарям, вспомним, что народ Рима положил конец царской власти, решительно изгнав последнего Тарквиния (508–507 гг. до н. э.). За его жестокость и презрительность, проявленные в отношении народа, люди иронично прозвали его «Гордым». Известно, что он был этруском. По поводу восстания и изгнания царя, ненавистного Тарквиния Гордого, Моммзен написал: «Предание совершенно правдоподобно указывает следующие причины восстания: что царь не совещался с сенатом и не пополнял его личного состава, что он постановлял приговоры о смертной казни и о конфискации, не спросивши мнения советников, что он наполнил свои амбары огромными запасами зернового хлеба и что он не в меру обременял граждан военной службой и трудовыми повинностями; о том, как был озлоблен народ, свидетельствуют: формальный обет, данный всеми и каждым за себя и за своих потомков, не терпеть впредь более царя, слепая ненависть, с которою с тех пор относились к слову «царь», и главным образом постановление, что «жертвенный царь»... не может занимать никакой другой должности, так что этот сановник сделался первым лицом в римском общинном быту, но вместе с тем и самым бессильным...» История, как мы видим, полна примеров поиска народами наиболее совершенных форм государственного устройства. Наряду с Афинами и Спартой Рим явился, если угодно, «одним из патриархов» государств европейского типа. Отметим, что эти государства всегда стремились (в тех случаях, когда это оказывалось возможно) ограничить власть всех аристократов, олигархов, тиранов, царей, цезарей и т. д.

Неизвестный патриций

После изгнания последнего царя, Тарквиния Гордого, Рим принял республиканский образ правления. Основоположниками республики были Юний Брут и друг народа Валерий Попликола. Функции царской власти тогда же были поделены между двумя консулами, которые командовали ополчением, созывали сенат, вершили суд и священные обряды. Они носили тогу, обшитую пурпурной каймой. Их власть за городской чертой была неограниченной, в городе же была обусловлена строго определенными нормами. В военные времена власть передавалась диктатору (и то лишь на полгода). Религиозные функции возлагались на жреческие коллегии. Конечно, борьба за власть между слоями общества не утихала. Это стало ясно в результате обострения споров патрициев с плебеями (хотя содержание понятий «патриций» и «плебей» со временем менялись). В Италии имела место политическая революция. Она изменила характер внутренней и внешней жизни римлян. Традиция приписывает ее Сервию Туллию, шестому римскому царю (всего было 7 царей). Он создал конституцию, гражданскую милицию, пехоту, кавалерию. По словам историков, этот сын рабыни сумел искупить незаконность воцарения «мудростью реформ». В чем же состояла их мудрость? В результате реформ римский народ разделился по имущественно-территориальному признаку на 5 классов. Каждый класс (или триба) обязан был выставить определенное число войск (центурий). В собраниях главенствовали богатые и знатные (из 193 они имели 98 центурий, ремесленники и музыканты – 4 центурии, а пролетарии – всего 1 центурию). По словам Цицерона, в результате этих реформ «голосование покоилось не на перевесе большинства (массы, multitudo), а на богатстве (potestas locupletium)».

Этруско-римская армия VI в. до н.э.

Особо стоит остановиться на борьбе плебеев с патрициями в Риме. Патриции (от *pater*, отец семьи) были господствующим и привилегированным сословием. В раннем Риме так называли и членов сената, высшего органа государства. Они пользовались всеми правами, избирались в сенат, служили в армии (в коннице или тяжеловооруженной пехоте), имели большие земельные наделы, занимали магистратские должности. Плебеи, как правило, находились вне общества, были лишены гражданских прав, хотя и считались (в отличие от рабов или клиентов) юридически свободными. Значительную их часть представляли пришлые люди. Они обрабатывали землю, занимались торговлей и ремеслами. Целью их борьбы с патрициями являлось обретение политических прав и получение собственной земли. Борьба эта была долгой и тяжелой, а порой и кровавой. До середины VI в. до н. э. плебеи считались чужеродным элементом в Риме. Их не допускали даже к службе в армии. По мере усиления Рима и проведения им агрессивной политики власть стала нуждаться в расширении военных сил. Она вынуждена привлечь плебеев в ополчение. После реформ Сервия Туллия их включили в гражданскую общину. В начале V в. до н. э. они уже составляли основу армии, где все командные посты занимали патриции. Но вооруженный народ имел больше оснований быть услышанным и патрицианской властью. Плебеи стали активнее добиваться законных прав (ведь теперь они проливали кровь за национальные интересы). Нередко страсти накалялись и плебеи покидали Рим, удаляясь на Священную гору, угрожая основать новый город (*secessio* – уход, удаление).

Карта Италии и прилежащих островов. VIII—III вв. до н.э.

Без составлявших большую часть вооруженных сил плебеев Рим существовать не мог. Патриции вынуждены были идти на уступки. Тогда была создана новая магистратура (должность) народных трибунов (494 г. до н. э.). Плебеи получили право приостанавливать решения патрицианских магистратов. Им достаточно было произнести одно слово – veto («запрещаю»). Спурий Кассий предложил раздать нуждающимся плебеям завоеванные земли, но его аграрный закон не прошел. Патриции обвинили его в стремлении к царской власти и казнили (486 г. до н. э.). И все же плебеи сумели настоять на своем... Так, в 454 г. до н. э. по предложению народного трибуна Ицилия земли на Авентине (в то время пригороды Рима) были поделены между беднейшими гражданами. Под давлением плебеев были приняты и знаменитые «Законы XII таблиц», зафиксировавшие права патрициев и плебеев (449 г. до н. э.). Были подтверждены: неприкосновенность личности народных трибунов, право апелляции осужденного патрицианским магистратом на смерть или телесное наказание к народному собранию, и, что особенно важно, решения плебейских собраний получили силу закона, обязательного и для патрициев. А через пять лет законным признан брак плебеев с патрициями

(444 г. до н. э.), что открывало плебейской верхушке Рима доступ в высшее общество. В 300 г. до н. э. приняты законы, допускавшие плебеев в жреческие коллегии. В итоге верхушка плебса объединилась с патрициями, образовав новое сословие – нобилитет (от *nobilis* – лучший, знатный). В основном эти владельцы земли и рабов и пополняли сенат, избирались на важные государственные должности.

К III в. до н. э. римско-италийское общество заметно изменилось. Прежде всего выросло число римских колоний. Республика территориально заметно расширилась (130 тыс. кв. км). Наблюдался и постоянный экономический рост. Усилилась роль плебейского элемента в общественной жизни. В 400 г. до н. э. плебей впервые избран на высшую должность военного трибуна, а в 376 г. до н. э. состоялось уравнивание прав патрициев и плебеев. В результате в сенате и во власти стали чаще появляться так называемые «новые люди» (*homines novi*). Разумеется, все эти процессы нашли отражение в сфере имущественных отношений. Войны давали капитал, а капитал устремлялся на приобретение земель и угодий. При этом хлебоборобы нередко вытеснялись со своих земель на худшие, а их места занимали плантации фруктовых, огородных, птицеводных, молочных, прочих хозяйств. По словам Р. Виппера, этот завоевательный путь римского капитала, по сути, и стал «первым шагом к объединению Италии»... Рим встал на путь дальнейшей экспансии.

Значение столицы в жизни страны возрастало... При этом между интересами города и деревни все чаще стали возникать острые противоречия. Вот что писал об участии населения Рима в эксплуатации остальной Италии историк Полибий: «Очень много работ, пошлин и аренд сдаются цензорами на торгах, во-первых, заготовка и починка общественных сооружений, которых так много, что трудно и пересчитать их, затем взимание сборов с речного провоза, ввоза в портах, с садовых плантаций, с рудников, с хлебных полей, одним словом, со всего того, что досталось во власть римлян; во всем этом участвует весь народ, так что можно сказать, нет ни одного человека, который бы не вложил в эти аукционы своего капитала и не получал барыша с откупов...» Все это говорит о наличии достаточно широкой народной базы у «римского капитализма». Источники указывают и на разного рода «сберегателей». Речь идет о среднем и даже о мелком люде, что хотел получать прибыль от военных поставок, постройки дорог, от плантаций и заводов, и вынужден был доверять свои доли оперирующим компаниям (как мы доверяем наши личные средства иным нашим банкам, например «Сбербанку»). Этот *plebs urbana* (городской плебс) уже никоим образом не походил на старое нищее плебейство (или *plebs rustica*). Если первые уже были мелкими капиталистами, то вторые – класс пролетариев, то есть безземельных вольнонаемных батраков, беднота. Вместо старого деления возникла новая элита, нобилитет (*nobiles*), куда вошли, причем в изрядных числах, многие вчерашние плебеи, недавно разбогатевшие.

Градоправитель Рима Гай Целий Сатурнин Догмаций

Важную роль в управлении играли демократические институты власти, а точнее, приоритет законов Республики. Первые консулы (высшие должностные лица в римском государстве в период Республики) были избраны в 510 г. до н. э. после изгнания Тарквиния Гордого. На них перенесли всю царскую власть, за исключением жреческих обязанностей. Чтобы не допустить узурпации власти одним, избирали двух консулов. Их лидерство в списке определялось жребием. Те комплектовали консульскую армию, назначали офицеров, военных трибунов, председательствовали на войне, вели хозяйство своей армии (даже имели право чеканить монету). Консулы имели двойную власть – военную и гражданскую. Если им сопутствовал военный успех, их награждали титулом «император» и удостоивали высокой чести – триумфа. Будучи носителями гражданской власти, консулы созывали Сенат и народные собрания, вносили на их обсуждение различные законопроекты и предложения, председательствовали в народных собраниях и руководили выборами. Весьма важным было то, что они же были главными исполнителями постановлений Сената и народа. Иначе говоря, то, что Сенат и народ вместе с консулами пожелали, они должны были исполнить. Там, в Риме, не было глупого и подлого раздвоения: когда одни вольны высказывать любые идеи и предложения, совершенно не отвечая за их последствия, не думая о том, что они сболтнут в качестве оппозиции с трибун. Ныне в России, как это ни парадоксально, может сложиться (конечно, в самых общих чертах) ситуация, чем-то близкая периоду республики в Риме, если народ и родина будут вместе. Внешними знаками консульской власти служили: тога с пурпурной каймой, курульное кресло, 12 ликторов. Ныне вместо тоги – костюм, вместо курульного кресла – президентский кабинет, вместо 12 ликторов – кортеж 1200 охранников.

Другие важнейшие должности в Римской империи – это преторы, цензоры, эдилы, квесторы, трибуны. Римские преторы были высшими руководителями судопроизводства, а впоследствии правителями римских провинций (по-нашему губернаторы). Должность претора учреждена для патрициев в 366 г. до н. э. Тогда же консульство стало возможным и для плебея, а из ведения консулов изъяли судебную власть. Претор исполнял функции кон-

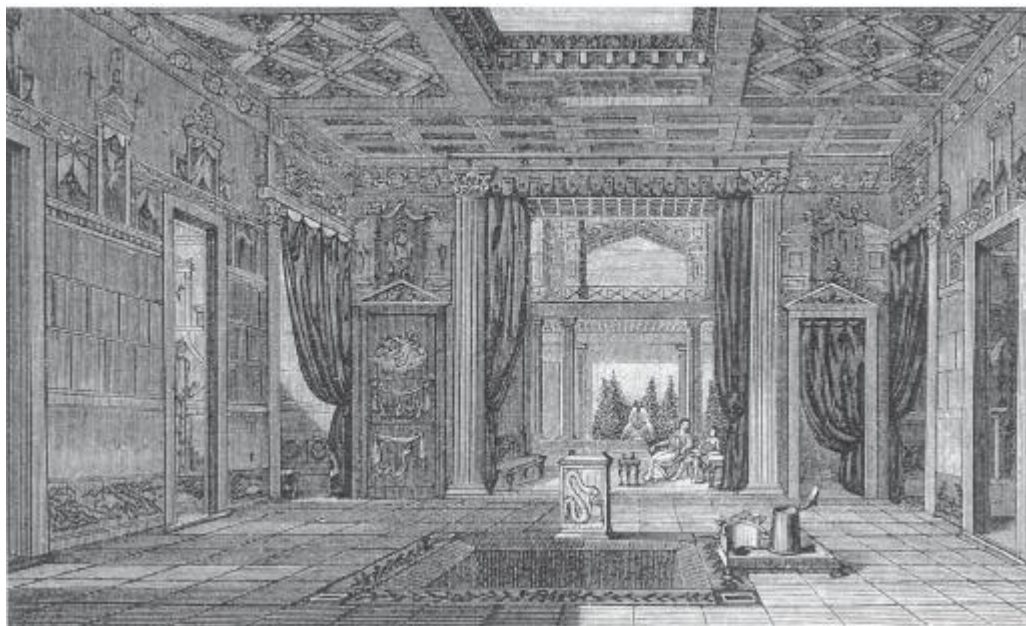
сула при его отсутствии в Риме. Интересно, что власть преторов в провинции могла быть в дальнейшем продолжена на год (пропретор). Служба определялась так: один год – в Риме и один год – в провинции, после истечения годичного срока службы. С 242 г. до н. э. их было двое, но затем в связи с ростом числа провинций выросло число преторов и пропреторов (до 16). Провинции они получали по жребью. Вступив в должность, каждый претор объявлял эдикт, то есть свод основных законоположений, которыми он намерен был руководствоваться. Знаки отличия те же: пурпурная тога, кресло и от 6 до 2 ликторов. Место их пребывания – на Форуме или же кое-где – в трибунале.

Ликторы. С рельефа колонны Марка Аврелия в Риме

С точки зрения осуществления интересов народа особенно важная роль в Риме отводилась эдилам и трибунам. Эдилы – полицейские чиновники (типа наших прокуроров или милиции). Они подразделялись на две группы: плебейские эдилы и курульные эдилы. Плебейские эдилы были помощниками народных трибунов и считались неприкосновенными. Их должность была учреждена в 494 г. до н. э. вместе с народным трибуналом. Их было двое, и избирались они плебеями из плебеев же (под председательством народных трибунов). Никаких внешних знаков отличия, как и трибуны, они не имели. А вот двое курульных эдилов избирались вначале только из числа патрициев, но затем и среди них появляются плебеи... Курульные эдилы по рангу считались выше плебейских эдилов, в их число обычно входили состоятельные и богатые граждане, так как они должны были нести немалые расходы по выполнению своих обязанностей. Им полагались пурпурная тога и курульное кресло. В их обязанности входило: наблюдение за общественным благоустройством в Риме и окрестностях, решение вопросов с продовольствием, присмотр за состоянием городских зданий, улиц, площадей, а также устройство общественных игр. А вот главными представителями и охранителями интересов плебса считались народные трибуны. Это – высшие чины плебса, считавшиеся неприкосновенными и, что любопытно, неотвеченными. В их прямые обязанности входила защита интересов плебеев от посягательств на них патрициев, богачей, должностных лиц. Тот, кто хотел найти защиту от самоуправства упомянутых групп, шел и обращался к народному трибуну. Это в эпоху античности была своего рода служба спасе-

ния для простого народа¹. Поэтому они не могли отлучаться из Рима на целый день. У нас ранее такой службой являлся прокурорский надзор – *контролеры народа*.

Дом в Помпее (реставрированный)

Их дом должен был быть открыт для любого нуждающегося в их помощи (даже в ночное время). Должность народных трибунов учредили в 494 г. до н. э. после первого удаления плебеев на Священную гору. Число трибунов росло, достигнув в 457 г. до н. э. десяти человек. Избирались народные трибуны плебсом только из свободнорожденных плебеев, что, конечно, ограничивало возможности остальных представителей плебса (из числа не римлян). Трибун был наделен немалой властью и ответственностью. В случае если народ не был согласен с тем или иным решением правящей римской элиты, народный трибун мог наложить на эдикт или решение вето. Он мог опротестовать решение должностных лиц, включая решения сената. Трибун мог подвергнуть аресту или денежному штрафу всех противодействующих ему лиц. Это была важная функция власти. Фактически все должностные лица (кроме диктатора) в той или иной степени подконтрольны народным трибунам. Трибун имел право созывать плебейские собрания, председательствовать на них и выносить на обсуждение народа важные предложения. В дальнейшем право их расширилось: стало включать право внесения предложений в сенат, право высказываться по важным для народа вопросам. Случалось, что представители плебейской власти злоупотребляли своим положением (по мере усиления влияния). В целом власть народного трибуна носила все же скорее пассивно-наблюдательный характер.

Таких вожakov впоследствии назовут «демагогами». Трибунская власть имела силу только в черте города и могла быть оспорена только протестом коллеги по должности, то есть занимающим аналогичный пост народным трибуном. Важную роль играли и квесторы («quaesitores» – «следователи»), вначале бывшие помощниками царей. Они выступали судьями по уголовным делам, а затем помощниками консулов. Квесторы в дальнейшем получили право надзора за государственной казной и стали казначеями. Как видим, вся система власти республиканского Рима была устроена таким образом, что, во-первых, гарантировала государству надежную заменяемость всех высших должностных лиц – в том числе консулов, имевших ограниченный срок своих полномочий (вспомним и девиз сталинской эпохи –

¹ Курсив по всему тексту мой. – В. М.

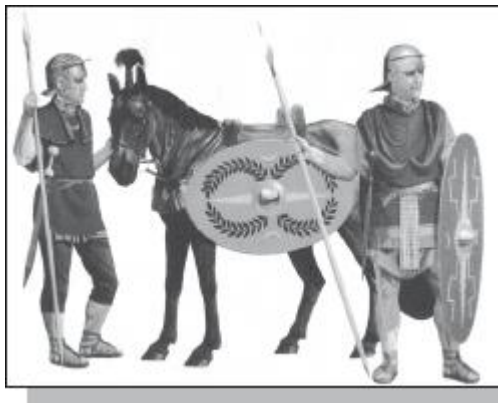
«Людей незаменимых нет»), во-вторых, система была демократичной (институт народных трибунов, право вето на любые решения высшей власти), в-третьих, она была достаточно прочной, но одновременно и гибкой. В частности, в случае если государство попадало в чрезвычайные обстоятельства (смута, война или, как это имеет место в России, потеря лица власти), оно вводило пост диктатора.

Городские ворота в Тревироруме

Вершиной властной пирамиды считался народ. В республиканский период власти руководили общиной, опираясь *на волю народа*. Народу принадлежала: а) власть законодательная – право издавать законы; б) власть судебная – право производить суд; в) власть избирательная – право избрания магистратов; г) власть разрешающая – в вопросах о войне и мире. Решения народа по пунктам а) и г), как имевшие силу закона, назывались «законами народа» или «народными повелениями». Народ, как носитель верховной власти, был облечен известным величием, и преступления против общины рассматривались как оскорбление величия Римского народа. Перед народным собранием склонялись все фации (пук прутьев с секирой, символы верховной власти). Их несли ликторы. Все магистраты, присутствующие в собраниях, изъявляли покорность «воле народа». Свои права народ осуществлял в народных собраниях, обычно в так называемых комициях (от лат. – «сходиться»), то есть в созываемых собраниях полноправных граждан, руководимых имевшим на это право должностным лицом (например, консулом или претором). На этих комициях (куриях, центуриях, трибах) важные вопросы решались посредством подачи голосов. Право же участия в комициях и подачи голоса имели все римские граждане (обладавшие правом голоса), где бы они ни находились – в Риме, провинции или в колонии. Таковы были полномочия народа.

Войны, армия и роль военных в Древнем Риме

В Риме находились особые символические медные врата – бога Януса (Янус – двуликий бог, символизирующий собой начало, а также связь между прошлым и будущим). В начале войны врата открывались, а в мирное время закрывались. Показательно, что за первые пять веков существования Республики эти ворота оставались закрытыми лишь два раза, и то на очень короткое время! Бесспорно, Рим создавался как военное государство. Войны дали Риму власть, богатство, великолепие, но одновременно приносили с собой насилие, жестокость, вражду и ненависть. Это и понятно – развернулась битва за право стать полноправным хозяином Италии. Начались так называемые самнитские войны (с 343 г. до н. э.). В этой борьбе римлян поначалу преследовали неудачи. В 321 г. объединенное войско римлян, шедшее на Самний, попало в засаду в Кавдинском ущелье. Римлян вынудили сдаться. Победители отпустили их после того, как те «прошли под ярмом», то есть под копьями наподобие ворот, через которые можно пройти лишь согнувшись. Этот символ позора применял Рим к тем, кто потерпел поражения. Что же касается этрусков, то они также участвовали в многочисленных битвах против Рима на стороне племен латинян, но без сколь-либо особого успеха.

Позор римских воинов (в Кавдинском ущелье)

Борьба была не из легких... Об этом говорит и захват галлами Рима, сожжение и разграбление города варварами. Видимо, это были кельты. Описание облика и имена варварских племен, вторгшихся в Северную Италию через альпийские перевалы, указывают на это. Римляне называли их *galli* (*Gallia Cis-* и *Transalpina* – Цизальпинская и Трансальпинская Галлия). Событие это произошло четверть века спустя после смерти Геродота. Полибий упоминает их под именем *galatae*. Страбон и Павсаний говорят, что *galli* и *galatae* тождественно обозначению – *keltoi/celtae*. Цезарь свидетельствует, что современные ему *galli* именовали себя *celtae*. Диодор упоминал оба названия без разбора, но предпочтение отдавал все же варианту *keltoi*, как более верному. Похоже, ситуация с именами кельтов и галлов чем то походила на нынешнюю путаницу с именами русских и славян.

Самниты вынуждают римлян пройти «под ярмом»

Римляне не раз терпели поражение от галлов. Однажды они вынуждены были отдать им все золото, что у них имелось. Разыгралась сцена, вошедшая в учебники, ставшая впоследствии своего рода прецедентом в решении спора между победителем и побежденным. Когда силы защитников Капитолия были уже на исходе, а весь Рим был в руках врагов, пришлось соглашаться на унижительные условия сдачи. Было решено, что галлы уйдут, получив от римлян выкуп (2000 фунтов золота). Принесли гири, но вдруг выяснилось, что гири у галлов – фальшивые. Римляне стали возмущаться. Тогда вождь галлов Бренн бросил на чашу весов свой меч.

Бренн бросает на весы свой меч как аргумент силы

«Что это значит?!» – вскричали римляне. Бренн презрительно заявил им: «Горе побежденным – вот что это значит!» На помощь Капитолию пришел Камилл, который разгромил галлов и отстроил сожженный Рим. Так гласит легенда. Его и считают вторым основателем Рима. Вероятно, молва имела в виду, что он в 367 г. до н. э. смог отразить еще одно нашествие галлов, как и то, что вскоре после освобождения от галлов Рим действительно фактически будет отстроен заново.

Кельтский мудрец – друид или бард

Надо сказать, что римляне так и не забыли некогда испытанного ими страха и своего национального унижения. В дальнейшем они вели себя в отношении кельтов, их священ-

ников (друидов), ученых (филидов) и поэтов (бардов) самым жестоким и диким образом. Они запретили их религию, разрушили священные центры, всю элиту этого мудрого народа вырезали. Хотя, возможно, именно кельты, не греки первыми пришли к разумному правлению мудрейших. То, о чем лучшие греки мечтали, а римляне даже и помыслить не смели, они воплотили в жизнь. Учение друидов заключено в 23 общих законах, которые назывались «правилами для волшебников». Перечислим лишь некоторые из них... Первое правило: знание – это власть. Чем больше знаешь о каком-то явлении или человеке, тем проще им управлять. Второе правило: познай самого себя. Не сделав этого, не сможешь руководить ни собой, ни другими. Третье правило: внимательно наблюдай за всем, что происходит в мире и вокруг тебя. В мире почти не бывает случайных совпадений. Когда что-то начинает повторяться неоднократно или нечто происходит синхронно, тому есть веские обоснования. Постарайся же их разгадать и понять. Четвертое правило: умный отличается от глупца тем, что предвидит последствия своих поступков. Каждое действие не только имеет причину, но и влечет неизбежные последствия. Все эти последствия ты обязан предвидеть. И тогда твоя жизнь на земле будет более предсказуемой и удачной. Многим из требований друидов римляне так и не смогли соответствовать. В частности, они нарушили двадцать первое правило друидов, а именно: впадали в крайности, что привело, как им и предсказывали мудрецы, в дальнейшем к изменению самой сущности раннего Рима. Хотя произошло это далеко не сразу. Дион Хризостом писал о друидах и их порядках: «Повелевают они, а цари на золотых престолах, обитающие в пышных дворцах, – всего лишь их слуги и исполнители их мыслей». Как мы убедились на примере древней истории, власть мудрейших – редкое явление.

Убийство римлянами кельтских мудрецов – друидов

Рим двигался к своему господству над миром через войны и благодаря им... Войны следовали непрерывно, одна за другой (римско-латинская война, 1-я, 2-я и 3-я самнитские войны, борьба с греческими полисами – с Тарентом, а затем покорение италийских народностей и борьба с Пирром в 280–275 гг. до н. э.). В этом плане особый интерес представляют войны Рима с Тарентом и царем Эпира, Пирром. Пожалуй, в них наиболее полно, как в капле воды, отразились жестокость и трагизм той эпохи. Рим выступил уже как всеиталий-

ский диктатор, стремящийся подчинить своей власти все другие народы. Против Рима тогда же образовалась широкая коалиция племен (этруски, вольски, brutттии, самниты, тарентцы, луканы, сенноны, умбры). В 283 г. до н. э. грянул «бой не на живот, а на смерть» с коалицией народов. Этруски были большей частью перебиты, а из боев спаслись лишь немногие. Уцелевшие после битвы сенноны лишили сами себя жизни. Богатый греческий город Тарент, разумеется, тоже не желал подчиняться Риму, становиться его рабом или данником. Поэтому Рим искусно старался разобщить недовольные его господством города и народы. Предложив тарентцам мир, Рим задумал разбить соседей, а затем уж погубить сам Тарент.

И тогда тарентцы призвали на помощь Пирра... Сын Эакида Пирр (319–272 гг. до н. э.), рожденный от дочери сицилийского царя Агафокла, Фтии, принадлежал к младшей ветви рода Пирридов. Эта фигура столь колоритна и ярка, что Плутарх посвятил ей немало восторженных строк. При преемниках первых царей род Пирра захирел и утратил былую власть. Пирриды унаследовали все эллинские обычаи. Семена греческой учености в них держались крепко и вскоре дали ростки. История младенца была полна опасных приключений. Еще в раннем возрасте соперники в борьбе за власть его чуть не убили. Легенда гласит: те, кто спасли ребенка, положили его перед царем Главкием. Тот якобы сам подполз к царю, схватил его ручонками за полы плаща, приподнялся, дотянулся до колен Главкия и улыбнулся. Потом вдруг заплакал, словно беззащитный проситель, слезно умоляющий царя о помощи. Другие же говорят, что младенец приблизился к алтарю богов. Как бы там ни было, а Главкию показался жест ребенка изъявлением воли богов, и царь поручил жене воспитать его вместе с собственными детьми. Когда Пирр вырос, Главкий с войском явился в Эпир и так вернул своему воспитаннику престол.

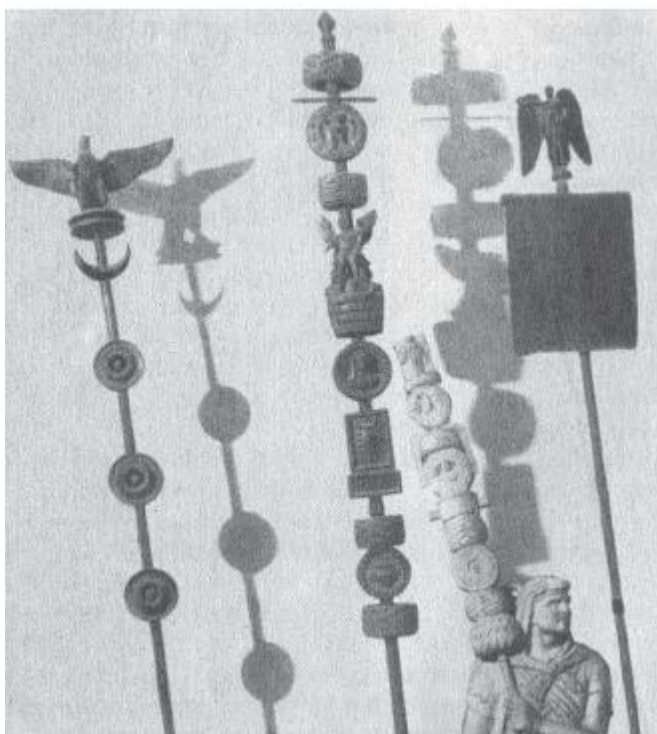
Царь Эпира – Пирр

Вид у Пирра был царственным. Однако все отмечали, что выражение лица у него было скорее устрашающе-пугающим, нежели величавым. Зубы у него не отделялись друг от друга: верхняя челюсть состояла из одной сплошной кости, и промежутки между зубами были лишь намечены бороздками. Это производило впечатление, будто перед вами совершенно особое существо. Ему стали приписывать чудесные свойства. Вся дальнейшая жизнь его будет посвящена битвам, для которых он был создан самой природой. В юном возрасте он сражался на стороне Деметрия в большой битве при Ипсе, где тогда сошлись в жаркой схватке цари. Затем его отправили заложником к Птолемею в Египет. Там он показал свою

силу и выносливость в гимназиях и на охоте. Вместе с тем молодой аристократ вел жизнь умеренную, если не сказать целомудренную, что тогда встречалось среди знатных отпрысков редко. Тогда же выявилось его редкое умение входить в доверие к знатым людям, что были ему полезны. К простому же люду он относился с презрением.

Многие знатные семьи видели в нем достойную партию для своих дочерей, отдавая ему предпочтение среди юношей царского рода. Так вот он стал мужем Антигоны, что являлась дочерью Береники, которую та родила от царя Филиппа (еще до того, как затем вышла замуж за Птолемея). Пирр решил себе возвратить утерянное царство. После ряда трагических событий, связанных с попыткой отравить его, он был вынужден убрать с дороги своего соперника – Неоптолема. В древности политическая атмосфера всюду была пронизана завистью, коварством, убийствами, интригами. Как это было везде и всегда, споры и ссоры возникали из-за царств, дележа богатств и собственности. Алчность и тогда, как и сейчас, становилась причиной множества войн и подлостей. Стоило Деметрию и Пирру не поделить захваченную ими Македонию, как тут же между ними возникла неприязнь, что вскоре переросла в открытую вражду. В итоге бывшие «сотоварищи» двинули друг против друга войска. Тогда Пирр одержал свою первую большую победу, одолев в личном бою сильного полководца Пантавха, военачальника Деметрия.

О нем говорили, что внешностью, стремительностью движений он напоминал грозного Александра Македонского. Тем же, кто повидал его в бою, порой даже казалось, что перед ними тень великого полководца (или его подобие). Но если все другие могли претендовать на сходство с Александром лишь пурпурными одеждами, пышной свитой, наклоном головы да высокомерным тоном, то Пирр доказал победами своего оружия право считаться наследником великого «гения войны».

Римские знамена

Рассказывают, что на вопрос, кого он считает лучшим полководцем, Антигон ответил (говоря только о своих современниках): «Пирра, если он доживет до старости». Сам Ганнибал утверждал, что опытом и талантом Пирр превосходит вообще всех полководцев, второе место он отводил Сципиону, а третье – себе... Судя по всему, Пирр больше всего на свете

ценил военное дело и только в него углублялся, считая, что царю пристало знать как следует лишь эту науку. Прочая же образованность совершенно не важна. Когда на одном из пиров его спросят, какой из флейтистов ему показался лучшим, он вдруг назвал имя не музыканта, но полководца, заметив: «Полководец Полисперхонт, ибо царю пристойно знать и рассуждать только о ратном искусстве». Это был человек, признававший лишь музыку сражений. Он и своих детей воспитывал в подобном агрессивном духе. Всех троих сыновей (от разных жен) он с самого рождения закалял для будущих битв и старался воспитать в них храбрость, мужество, силу и отвагу. Говорят, что когда один из них в детстве спросил у отца, кому же из братьев он оставит царство, Пирр ответил: «Тому из вас, у кого будет самый острый меч». Эпироты прозвали его за ратные подвиги Орлом. Таков был грозный противник Рима.

Как видим, на арене битвы в Италии явилась весьма грозная фигура, с которой не могли не считаться все соперничающие стороны. Понятно, каждая из сторон преследовала свои интересы: Рим стремился окончательно подчинить себе все народы и греческие полисы на землях Италии. Тирентцы и прочие более всего хотели отстоять свою независимость от Рима. Пирр же рассчитывал покорить Запад и снискать себе новую славу. Тем более что к тому времени в Македонии утвердился Селевк, «старый герой», которому народ этой страны доверял, а потому для Пирра тут почти не оставалось поля для амбиций или маневров, обещавших ему великие подвиги.

Селевк I Никатор

Пирр вновь оказался как бы не у дел... И. Г. Дройзен пишет о намерениях царя: «Война в Италии подошла как нельзя более к стати. Туда влекла его память Александра Молосса; там он, потомок Ахилла, являлся защитником эллинизма против варваров, против потомков Илиона. Все эллины сочувственно отзовутся на эту войну. Там он встретится с римлянами, храбрость и воинская слава которых были известны настолько, что с ними стоило померяться. Когда он одолеет Италию, то на его долю выпадет благодатная Сицилия, а с Сицилией заодно известный пунический план Агафокла – легкая победа над Карфагеном, владычество в дальней Ливии. Эти великие надежды, это господство на западе казались ему богатым вознаграждением за несбывшиеся ожидания на востоке». Как видим, в облике Пирра предстал новый претендент на мировое господство на западе. Но и на востоке спор претендентов становился все более кровавым. Престарелый Селевк был вскоре умерщвлен Птолемеем Кераном. Тот вынужден был уехать из Египта, оставив трон Птолемею Филадельфу, а на Македонию заявлял права Антигон. Земли Македонии были истощены постоянными войнами, тогда как в Италии находились богатые греческие города, острова Сицилия и Сардиния, дальше – города, земли африканского Карфагена. Пирр решился – и направился в Италию.

С первых шагов он явил мужество и отвагу: когда его корабль в бурю уносило в море, он бросился в бушующие волны и после долгой борьбы на рассвете, когда море улеглось, он сумел выбраться на берег. На бой с Римом вышел величайший полководец эпохи, преемник того македонского военного искусства, которое завоевало мир. У Пирра было небольшое, но превосходное войско. Главное же – «под его знаменем готовы были сплотиться вся ненависть к Риму, вся ярость поработанных, истерзанных народов и городов Италии».

Изображение римского всадника

В связи с вышесказанным читателю уже понятно, сколь важную роль в жизни римского гражданина играл армейский фактор. Армия на протяжении большей части истории Рима всегда составляла основу его могущества. Что она собой представляла? Ядро римской армии составляли всадники, преобладавшие над городской и крестьянской пехотой (в плане значимости). Всадники – старинные семьи военачальников, переселившиеся в города и сосредоточившие в своих руках нити не только политического, но и экономического господства. Историк отмечает, что семьи патрициев держали в своих руках крестьянство, всю округу не только силой оружия, но еще и «тенетами ссуд». Эти патриции закабалили плебеев с помощью «сплошного ростовщичества». Вначале число патрициев было незначительным. Затем на сцену вышло крестьянско-городское ополчение (фаланга). Римские цари не представляли собой наследственной династии, они являлись чиновниками, назначаемыми пожизненно. Их власть держалась только в том случае, если они проявляли твердость характера и мужество. Судьями же качества их управления и поведения в битве являлись сами патриции или представители ополчения.

Скульптура воина

После низложения Тарквиния Гордого римляне стали избирать на место одного пожизненного правителя двух ежегодно переизбираемых правителей-консулов. Выбирали правителей центурии, то есть организованное народом войско. Из числа армейских чинов избиралась и когорта политиков. Такова особенность римской системы управления. Г. Дельбрюк пишет: «Итак, основным принципом римской военной организации, как она сложилась еще при царях и удержалась при республике, мы должны признать всеобщую воинскую повинность в самой суровой и напряженной форме. В Риме военизация проникла в общество глубже, чем даже в Спарте. Там крестьяне в огромной массе были несвободны, что делало их невоеннообязанными и небоеспособными, пока Пелопоннесская война не вынудила нарушить этот принцип. Военное напряжение Рима было тем суровее, что неизбежные издержки на выплату жалованья полевым войскам покрывались не из податей, взимаемых с каких-либо подчиненных городов, как это было в Афинах, а попросту налогами».

Воин на коне. Южная Италия

В армии обязаны были служить все без исключения. Вооруженные силы Рима являли собой милицейские формирования. В случае необходимости на военную службу призывали юношей с 17 лет. Вскоре установилось и правило, согласно которому призывник обязан был находиться на действительной службе 10 лет. Хотя служили и большие сроки. Граждане до 46-летнего возраста должны были участвовать по меньшей мере в 10 походах в коннице или 12 – в пехоте. Молодежь получала навыки владения оружием. Это способствовало выработке твердости, выносливости, неприхотливости, дисциплинированности и, конечно, преданности родине. Огромное значение имело и то обстоятельство, что только воин мог встать во главе государства, да и вообще находиться на высоком посту в системе управления. Полибий отмечает: «Занять государственную должность никто не может прежде, чем совершит десять годовых походов». Даже поэт Энний отмечал в «Анналах», что главным его достижением он считает то, что: «Искусно за римский народ я с оружием сражался разумно...» В элиту Рима, говоря нынешним языком, вряд ли мог бы попасть «штафирка». Только воспитанный и обученный в боевом духе человек пользовался доверием сограждан, лишь ему был открыт путь во власть. В такой системе практически не было места людям нерешительным, слабым... Так же было и в СССР: пока сохраняло силу военное поколение, к власти не могли прийти безвольные ничтожества, воры, недоумки, предатели. Едва ли не главным «секретом империи» (Тацит) была исключительно высокая роль армии во всей жизни государства. Солдаты и офицеры не только выбирали правителей страны, но фактически обеспечивали ее процветание, сохраняя *Pax romana*. Так как в армии хорошо платили, быть военным означало престиж и заработок. Военные руководили провинциями империи, будучи наместниками.

Цицерон отмечал, что у римлян превыше всего ценилась доблесть, проявленная в сражениях. Тот, кто не повоевал, не за-служивал права называться настоящим человеком. Поэтому воинская доблесть превосходила всё остальное в кодексе римских добродетелей. «Это она возвысила имя римского народа; это она овеяла наш город вечной славой; это она весь мир подчинила нашей державе. Все городские дела, все наши прославленные занятия... находятся под опекой и защитой военной доблести» (Цицерон). Если же учесть, что римляне в понятие «доблесть» (*virtus* – мужество, происходит от *vir* – мужчина) включали не только военную храбрость, но и верность, стойкость, достоинство и трудолюбие, то перед нами является образ народа одновременно трудолюбивого и храброго, мужественного и волевого.

Следует, однако, заметить: чтобы римлянину стать гоплитом, он должен был иметь определенные средства, ибо ополченец вооружался за собственный счет. Воин обязан был быть не только отважным и умелым бойцом, но и «крепким мулом», ибо тащил на себе поклажу со всем необходимым, тогда как греки даже свое оружие зачастую поручали нести оруженосцам. А уж в искусстве вести оборону или осаду, где нужно было вырыть километры окопов, рвов, валов, насыпей, делать подкопы и многое другое, в этом искусстве римлянам и вовсе не было равных. Как говорил один римский полководец: «врага надлежит побеждать лопатой». Хотя они мечом, щитом и копьем владели превосходно, что не раз и доказали. Римские легионы (150 000), составляя половину армии, были грозой для врага.

В случае опасности назначался диктатор (*dictator dicitur*). Первым диктатором считался Т. Ларций (501 г. до н. э.), первым диктатором-плебеем – Г. Марций Рутил (356 г. до н. э.). Поколение воинов держало границы на замке, а порох сухим. И лишь когда к управлению страной пришли «мальчишки», не знавшие битв и не желавшие сражаться за родину, изнеженные и трусливые, Рим в итоге рухнул. Стоит сравнить отношение к воинским обязанностям в том же Таренте и Риме. Когда греки призвали на помощь Пирра и он прибыл в Тарент, он увидел, что тамошняя молодежь любит лишь веселые гулянья, развлечения и пиры. О том, чтобы послужить отчизне, стать в ряды защитников родины, она и не мечтает, а предпочи-

тает спастись бегством от военной службы. Тогда-то Пирр приказал закрыть ворота города, закрыл театр и народное собрание, запретил все веселья и гулянья, призвал граждан к оружию, стал их обучать военному делу и провел новый набор рекрутов. «С презрением смотрел он на этих граждан, на этих республиканцев; их недоверие, малодушная робость, коварная, подозрительная спесь этих богатых фабрикантов и торгашей тормозили его на каждом шагу» (как и в современной России, сыновья торгашей, чинуш откупались от службы).

Римские воины готовы к труду

Римляне же вели себя мужественно. Несмотря на то, что кровавые и тяжелые войны шли с небольшими перерывами уже 50 лет, они не отступали и не ныли, но все силы отдали для обеспечения победы. Весьма показательно их поведение после жесточайшего сражения у Гераклеи. Римляне расположились станом на одном берегу реки, а Пирр – на другом. В начавшейся кровавой сече когорты римлян и фаланги македонцев семь раз сходились в отчаянной рукопашной схватке. Когда же Пирр повел в бой слонов, впервые увидевшие этих чудовищ римляне и их лошади обратились в бегство. Римская конница увлекла в панике свои же легионы. Началось ужасное побоище... Консул Левин, возглавлявший войско Рима, вынужден был покинуть лагерь, а остатки его рассеянного войска бежали в Апулию. Сообщают, что римляне потеряли 7000, а Пирр – менее 4000 человек. Однако для Пирра победа оказалась горькой, ибо 3000 его лучших воинов и способнейшие военачальники пали. Тогда-то он и произнес фразу, ставшую знаменитой:

«Еще одна такая победа, и мне придется одному вернуться в Эпир» («пиррова победа»). Больше всего Пирра потрясло поведение римлян в бою. Посетив на другой день поле битвы, обозрев погибших, он не нашел ни одного римлянина, который лежал бы спиной к врагу. Они бились до конца и все встретили смерть лицом к лицу. «С такими солдатами, – воскликнул Пирр, – мир был бы мой, и он принадлежал бы римлянам, если бы я был их полководцем». Великий царь повелел похоронить павших римлян с почестями, а затем двинулся на север и находился на расстоянии четырех миль от вечного города. Римляне отвергли все предложения о мире и продолжали сражаться из последних сил, так что Пирр даже воскликнул: «Уж не с гидрой ли мы воюем!» Он послал к римлянам посла Киней, который был непревзойденным мастером убеждать. Пирр сказал о нем, что он своими речами завоевал больше городов, нежели сам царь своим мечом.

Однако несмотря на все искусство посла, тому не удалось склонить римлян к позорному миру (на милость победителя). Старый патриций Аппий Клавдий хотя был дряхл, слеп и сед, воззвал к мужеству и достоинству римского народа.

Пирру же сказали, что если тот хочет быть другом римлянам, пусть сначала покинет италийскую почву, а уж потом ведет переговоры о мире. А до тех пор, пока он остается тут, римляне будут воевать с ним «до последнего живота». Римские пленники, вернувшиеся в свои дома, были преданы позору, так как они сдались с оружием в руках. Всадников разжигали в легионеры, а легионеров в прашники; им велено было стоять на биваках вне лагеря; они могли избавиться от кары лишь тогда, когда захватят в плен двух врагов. Рим сразу же приступил к набору новых легионов. И все граждане охотно шли на службу в армию. Пирр еще одерживал победы над Римом, но дух римлян ему сломить так и не удалось. Пирру пришлось-таки покинуть Италию, где он пробыл два с половиной года.

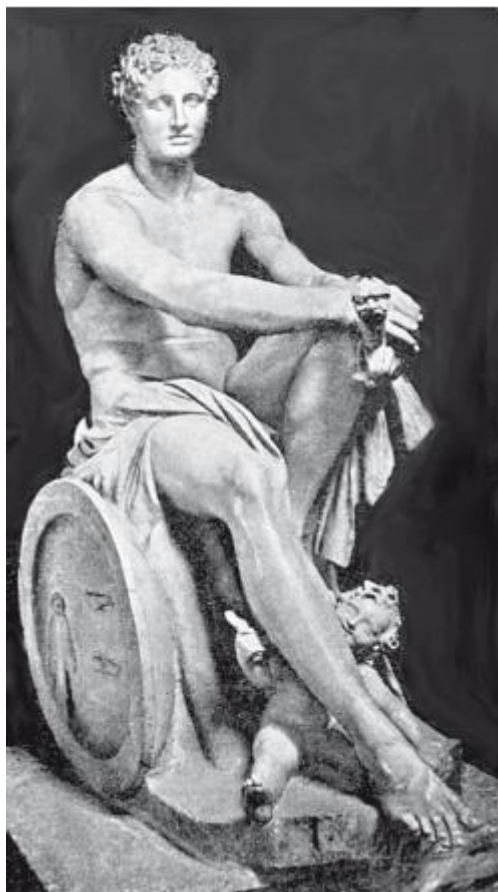

Один их ярчайших полководцев древности – Пирр

В итоге вся Италия оказалась в руках римлян. Эти победы доставили Риму невиданные богатства... «Тарентинская война заканчивает объединение Италии и открывает новую эру римской истории, – писал Флор П. Анний, – эру мирового господства Рима в средиземноморском бассейне. По сравнению с предшествующими войнами тарентинская война была войной крупного масштаба, давшая победителю массу добычи, рабов и сделавшая его наследником греческой торговли. Никогда в стенах города не было столь блестящего и великолепного триумфа. Что римляне видели до того времени? Скот вольсков, стада сабинян, телеги галлов, сломанное оружие самнитов. Тогда же появились закованные фессалийцы, молоссы, воины Македонии, Бруттия, Апулии и Лукании. Пурпур, золото, картины, статуи, весь блеск и роскошь Тарента украшали триумфальное шествие. Скоро покорена была вся Италия. Это был счастливый век, юность римского народа!..» «Рим находился тогда в силе и расцвете, бурлил и кипел, в то же время сохраняя еще известную пастушескую грубость своих предков. Римский народ дышал неукротимой гордостью». Риторика, звучащая в сло-

вах писателя, отражала типичные настроения римлян (романтически-победные) тех героических лет.

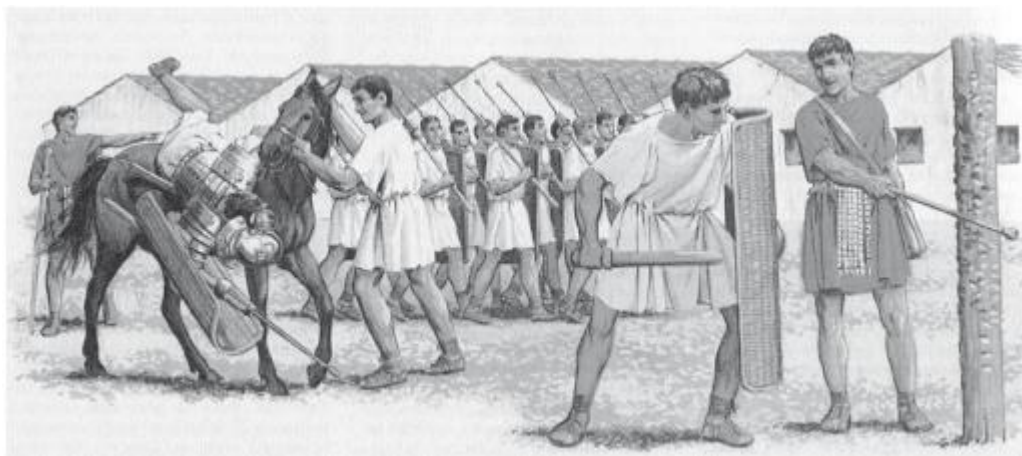
Естественно было задаться вопросом: «А каковы средства достижения Римом его цели?» Полибий (200–120 гг. до н. э.), теорию государства которого развивал Макиавелли, писал: «Едва ли найдется человек, настолько легкомысленный, равнодушный к окружающей жизни, который бы не заинтересовался вопросом о том, какими средствами, какими приемами политики римляне в промежуток менее 53 лет (считая с конца 2-й Пунической войны) победили почти все страны населенного мира и подчинили их своей единой власти – факт в истории беспримерный». Ответ очевиден и вытекает из контекста событий. С помощью войн и империализма. Можно с полным основанием сказать, что *Римский народ создал не что иное, как военно-профессиональное, даже сугубо милитаристское государство республиканско-диктаторского типа*. В этом государстве главная роль будет принадлежать воинам и знати. Это не вызывало сомнений ни у кого из множества историков. Тит Ливий, сравнивая силы легендарного Александра Македонского и римского войска, отмечал: «Принято считать, что на войне все решает число воинов, их доблесть, искусство военачальников и судьба, которой подвластны все дела человеческие, а дела войны более всего. Рассмотрев все это и по отдельности и по совокупности, легко убедиться, что Александр, подобно другим царям и народам, тоже не смог бы сокрушить римскую мощь. Перечислять ли римских полководцев, не всех и не за все время, а тех только, с кем как с консулами или диктаторами пришлось бы сражаться Александру? Марк Валерий Корв, Гай Марций Рутул, Гай Сульпиций, Тит Манлий Торкват, Квинт Публилий Филон, Луций Папирий Курсор, Квинт Фабий Максим, два Деция, Луций Волумний, Маний Курий! А если бы до войны с Римом Александр стал воевать с Карфагеном и переправился в Италию в более зрелом возрасте, то и после тех также были мужи великие. Любой из них был наделен таким же мужеством и умом, как и Александр, а *воинские навыки римлян со времен основания Города передавались из поколения в поколение и успели уже принять вид науки, построенной на твердых правилах*».

Арес (Марс) – бог войны

Если что-то и воплощает цивилизацию Древнего Рима в наибольшей степени, то это войны и зрелища. Думается, слова, сказанные историком Титом Ливием о Риме, точно отражают римский дух, дух военного хищника: «Если и существует народ, справедливо претендующий на священное происхождение, связанное с вмешательством богов, то военной славе Рима довольно величия, чтобы род человеческий, признавая его власть над собой, также признал за ним право вести свой род и род своего основателя скорее от Марса, чем от любого другого из богов». Впрочем, война и армия воплощают историю цивилизации во всей ее полноте не только в Риме – и не только сугубо военную и политическую историю, но и историю социальных, экономических, религиозных, культурных и любых иных влияний.

Примерно то же можно сказать о римских законах. В отношении Рима мы вправе применить формулу Платона о греках – об их вооружении, подготовке, быте, трапезах и т. д. философ заявил, что всё у греков «приспособлено к войне», даже все законы установлены, «принимая в соображение именно войну». Платон продолжает: «Ибо то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами. Став на эту точку зрения, ты, пожалуй, найдешь, что критский законодатель установил все наши общественные и частные учреждения ради войны; он заповедал охранять законы именно согласно с этим, т. е. никакое достояние, никакое занятие, вообще ничто не принесет никому пользы, если не будет победы на войне: ибо все блага побежденных достаются победителю». Если эти слова справедливы для античной Греции, то они еще справедливее для Рима. Древний мир жил тогда от края до края по формуле «Горе побежденным».

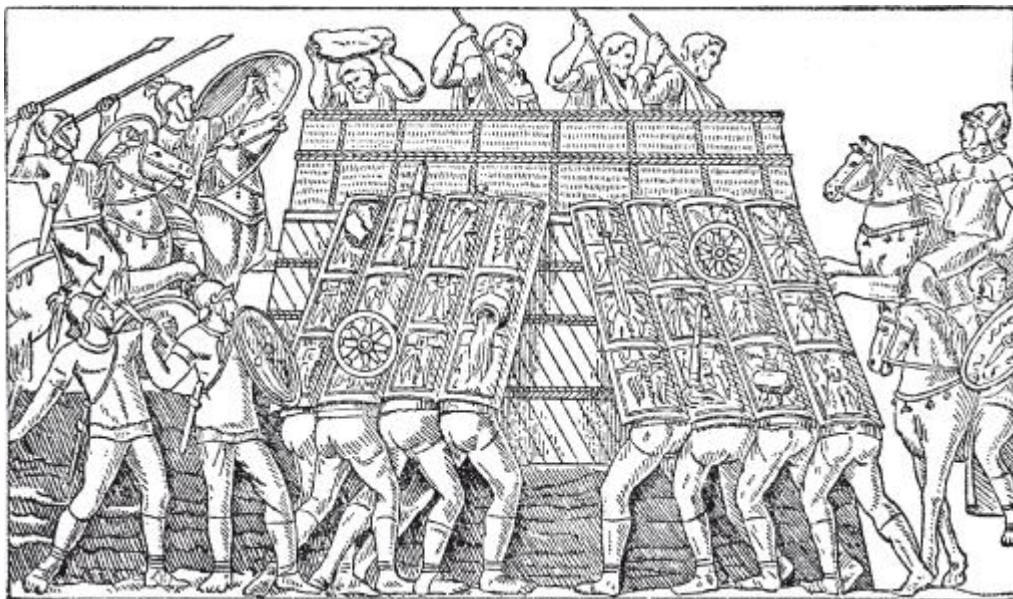
Обучение римских новобранцев

Если применить к римлянам «науку о духе», то можно сказать, что дух римлян наиболее полно воплотился в их завоеваниях. В. Вундт в «Психологии народов» утверждал: «... можно говорить если не о душе народов, то, во всяком случае, о духе народов (Volksgeist), совершенно так же, как мы говорим об индивидуальном духе». И какое бы из важнейших событий римской истории вы не взяли, везде или почти везде (прямо или косвенно) участвовала армия, ее легионы и полководцы. Режим Римской империи определял себя как «военная монархия», а потому непосредственно опирался на солдат... По словам Диона Кассия, император Тиберий, дабы обуздать строптивых сенаторов, показал им его преторианцев на учениях. Аргумент оказался убедительным. Если война, по словам Клаузевица, концентрированная экономика, то в отношении Рима можно сказать, что в войне сконцентрировалась «вся его жизнь». В самом деле, жизнь значительной части людей империи была подчинена решению тактических или стратегических военных задач. Римские солдаты и их командиры постоянно совершенствовали свое искусство, изучали стратегию, тактику, укрепляли тело физическими упражнениями, совершенствуя боевое мастерство. Военачальники смотрели на войну как на науку. Надо особо подчеркнуть, что в римскую армию стали подбирать профессионалов, то есть лучших из лучших. Потребности в легионерах были не так уж велики (менее 10 тыс. человек в год), что позволяло отбирать в армию Рима наилучших. Офицерские должности занимали исключительно знатные римляне (т. е. сенаторы или всадники). В военном и интеллектуальном плане офицерский корпус находился на уровне поставленных перед ними задач.

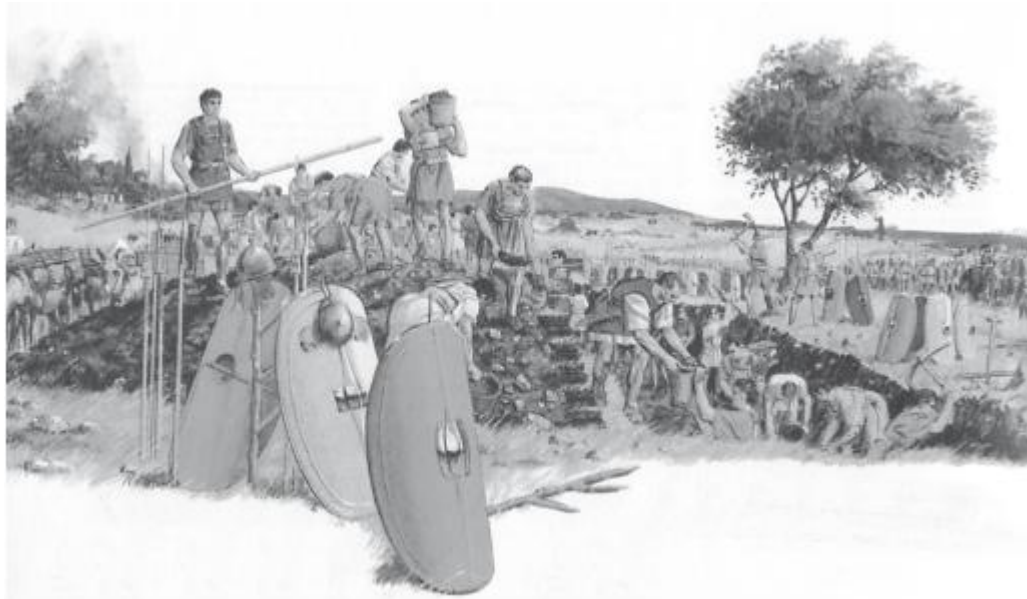
Римская «черепаха»

Преданность родине в людях воспитывалась с ранних лет. В Риме не было и быть не могло «космополитов». Символом любви к родине стал консул Марк Атилий Регул, полководец 1-й Пунической войны. После морской победы в 256 г. до н. э. он высадился с войском на берегах Африки и одерживал победу за победой, но однажды был разбит греческими наемниками, нанятыми пунийцами, и попал в плен. Враги отправят его в Рим, надеясь, что тот будет среди сенаторов ратовать за мир. надеясь спасти жизнь. Перед тем с него взяли клятву вернуться в Карфаген в случае, если он не сможет (или не захочет) убедить римлян подписать мир. Но Регул, понимая, чем это ему грозит, уговорил Рим продолжать войну с противником, добровольно вернулся в Карфаген и был казнен обманутыми в надеждах пунийцами.

Построение римских войск в виде «черепахи»

Воинов Рима всегда отличало мужество. Среди массы различных историй есть и история о мужестве юного Горация Коклеса, что с двумя товарищами отразил у моста через Тибр натиск врагов, желающих овладеть городом. Воспеваются и подвиги Муция Сцеволы, Гнея Марция (прозванного Кориоланом), Марка Валерия. Это были те образцы, которым училась следовать римская молодежь в жизни и в бою. Историк Гай Саллюстий Крисп сформулировал доктрину поведения молодых римлян: «Вначале юношество, как только становилось способно переносить тяготы войны, обучалось в трудах военному делу, и к прекрасному оружию и боевым коням его влекло больше, чем к распутству и пирушкам». Всякий знал: в случае необходимости юношу могли призвать в армию уже в 17 лет. Главным звеном или ядром армии до I в. до н. э. была военная центурия («сотня»), а не легион.

Римская армия строит укрепления

Сильной стороной римского войска было то, что оно сражалось, вело осады и кампании согласно всем требованиям военной стратегии, хотя оформились эти познания в более позднюю эпоху. Во время походов и битв римляне научились так укреплять свой походный лагерь, что он становился для них как бы «второй отчизной». Римский полководец Эмилий Павел говорил: «Предки наши считали укрепленный лагерь гаванью при всех превратностях военной судьбы: можно выйти оттуда на битву, и там укрыться от бранных бурь... Лагерь победителю – кров, побежденному – убежище». Наряду с известными работами Юлия Цезаря и ряда других римских авторов стоит среди специальных произведений назвать и «Стратагемы» Фронтинана, и «Краткое изложение военного дела» Вегеция. Секст Юлий Фронтин (род. в 30-е гг. н. э.) занимал видные государственные посты в Риме. Политическую и военную деятельность он разнообразил, написав ряд работ по военному делу, из которых сохранились лишь «Стратагемы». Труды его, видимо, пользовались популярностью. Эллиан в предисловии к «Тактике» ссылается на авторитет Фронтинана, говоря, что тот писал работу о тактике «по Гомеру». «Стратагемы» состоят из четырех книг. В первой автор рассматривает вопросы, относящиеся к подготовке сражения, во второй – само сражение и его ход, в третьей – проблемы осады и обороны городов, в четвертой – вопросы дисциплины и стойкости воинов. Все книги строятся как серия иллюстраций из примеров битв и сражений знаменитых полководцев. Все это тщательно, умело отсортировано и проанализировано, что позволяет рассматривать сей труд не просто как хрестоматию, но как учебное пособие для действующей армии во всех случаях.

Римские войска

В первой книге даны стратагемы, относящиеся к подготовке сражения (как скрыть свои планы, разведать планы неприятеля, как создать необходимые и благоприятные условия для ведения войны, как умело провести войско в нужное место, как выйти из затруднительного положения, как устроить засаду, как распылить силы неприятеля, как усмирить мятеж в войсках, как создать боевое настроение у легионеров, как рассеять страх от иных неблагоприятных прорицаний и предзнаменований и т. д.). Главное внимание уделено тут разделу «Создание условий для войны». Разбирая способы ведения войны, Фронтин учит прежде всего получить точную оценку сил противника. В противоборстве сторон нужно использовать все виды сражений. При этом не всегда генеральное сражение играет решающую роль (к нему следует прибегать только в случае большого перевеса в живой силе и технике, а также при условии полной уверенности в профессиональных навыках и мужестве армии). Так, Фронтин высоко оценил тактику Фабия по изматыванию вторгшихся в Италию войск Ганнибала. Похвалы заслужил и Сципион, который перенес войну с родной территории на вражескую. Главная мысль Фронтинна состоит в том, что любая из стратегий может быть хороша, если ведет к победе. Во второй книге он еще раз подчеркивает, опираясь на многочисленные примеры, что умело провести сражение – значит его выиграть. В этой связи он указывает на необходимость искать и находить слабые места у противника. Слабые места, разумеется, были и у римского войска.

Легионер с боевой собакой

Римские войска непобедимы, «когда нападают на них всех вместе, но кто на них нападает по частям, будет их терзать и рвать». Интересно и то, что Фронтин советует никогда не загонять противника в угол, чтобы у того не было иного выхода, кроме почетной смерти. Тогда тот сражается отчаянно и дорого продает свою жизнь. Лучше оставить ему проход (так называемый «золотой мост»), это быстрее принесет победу и побудит его к бегству. История римского военного искусства не знает ни одного сражения, выигранного при помощи окружения. Большое значение придавалось им засадам и военным хитростям. «Скифская царица Тамара, ведя бой с переменным успехом против персидского полководца Кира, в притворном страхе ускользнула в хорошо знакомые ее воинам теснины; там она неожиданно повернула фронт и, используя природные условия местности, одержала победу», — пишет он, хваля скифскую тактику.

Монета, прославляющая дисциплину

Особое внимание уделяет Фронтин способам и методам поддержания в войсках необходимой дисциплины. Внимание к этой стороне военного дела объяснимо. Ведь от состояния дисциплины среди воинов в конечном счете и зависит успех или неуспех в любой битве и в военной кампании в целом. Приводя множество примеров поддержания таковой, Фронтин рекомендует довольно жесткие, даже драконовские методы. В том числе он ссылается на спартанского полководца Клеарха, который говорил, что воины должны бояться больше своего «главного военачальника, чем неприятеля». Результатом страха является стойкость воина. Нам подобное высказывание показалось все-таки ошибочным. Хотя понятно, что то полнейшее разгильдяйство и безответственность, которыми поражена была в последнее время наша армия, являлось и все еще является условием для массы трагедий, неудач, катастроф. В связи с этим заслуживает внимание мысль о том, что жестокой расправе должны подвергнуться даже высшие военачальники (генералы и адмиралы), если они нарушили приказ и повели дело к неоправданным потерям и позору армии. Даже победителей римляне казнили, если эта победа ставила целью не интересы государства (в данном случае Рима), а преследовала личные мотивы (слава, триумф и т. д. и т. п.). Как уже отмечалось, Манлий высек розгами, а затем и казнил своего сына за то, что тот вопреки его приказу сразился с неприятелем, несмотря на то, что одержал победу. Этот пример означает, что в серьезном деле, каковым является битва, на первом месте всегда стоит польза всей страны. Римляне побеждали благодаря жесткой и суровой дисциплине. Воин четко знал свое место в строю и не покидал его – даже под страхом самой лютой смерти.

Воины, помогающие раненому товарищу

Существовали как поощрения, так и наказания за то или иное поведение воина на службе и в бою. При оставлении часовым его поста или если его находили спящим на посту, немедленно собирался военный суд, состоявший из трибунов. Если солдата признавали виновным, его приговаривали к избиению дубинками до смерти. Это наказание называлось «фустуарий». Воина выводили вперед, и трибун подавал знак, коснувшись его дубинкой. Товарищи должны были забить его насмерть дубинами или забросать камнями. Суров закон, но таков закон. *Dura lex, sed lex*. Это заставляло воинов серьезно относиться к своим обязанностям.

Ф. А. Бруни. Смерть Камиллы, сестры Горация

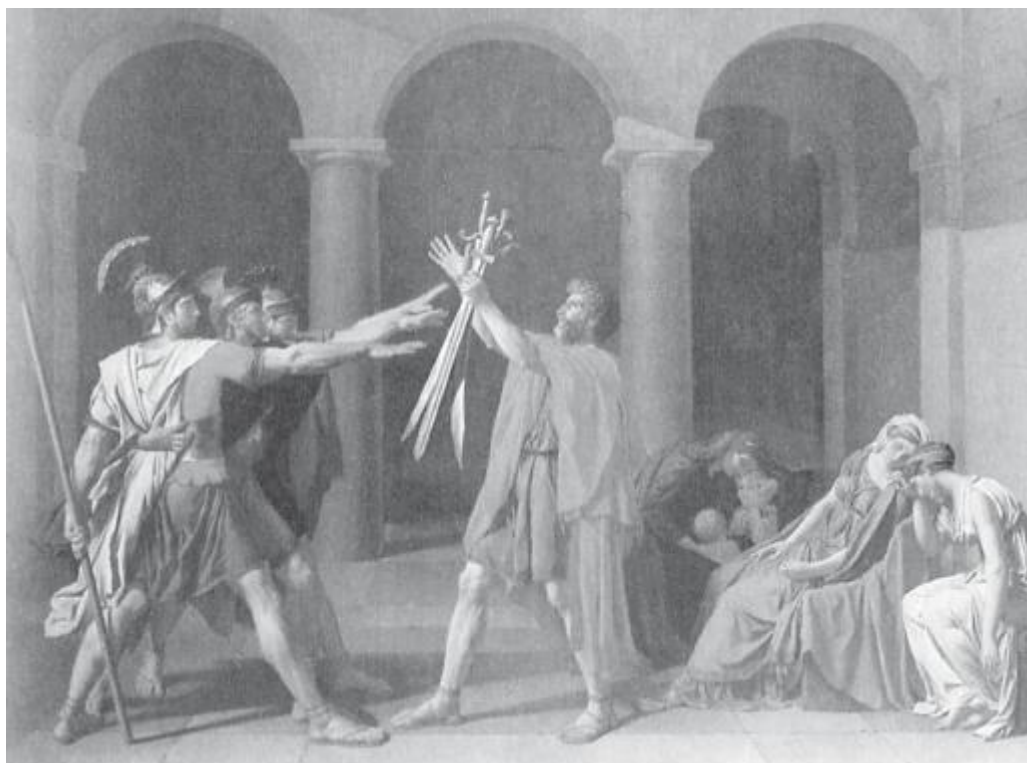
Полибий отмечает, что «ночные стражи в римской армии воины несут самым строгим образом». Провинившихся ожидало наказание дубиной. Так, ею наказывали за воровство в лагере, за лжесвидетельствование, за попытку улизнуть от обязанностей путем нанесения себе ран (членовредительства), а также если кого-либо трижды уличали в одном и том же неблагоприятном проступке. Столь же суровым наказаниям подвергались военнотружущие за проявленную трусость, за брошенный в бою меч или щит, как и за ложь трибуну в рассказе о собственных «величайших подвигах» в сражении. Если же виновным в трусости перед лицом врага оказывался целый отряд, то в нем подвергался казни каждый десятый воин (децимация). Вспомним, как воины-ветераны Александра Македонского, проявив вначале недовольство длительными походами и разлукой с родиной, затем стали просить полководца простить их, наказав каждого десятого смертью.

Знаменосцы римского войска и легионеры

В таких случаях трибуны собирали весь легион и выводили вперед тех, кто добровольно (без приказа) покинул в бою шеренгу. Затем, отбирая по жребию, строили в ряд виновных, и 10 процентов (тех, на кого пал жребий) забивали дубинками или камнями до смерти. Остальных провинившихся переводили на более скудный рацион питания (ячмень вместо риса). Жить им разрешали только вне лагеря, за пределами вала – на незащищенной территории. Так все выжившие после Канн легионеры вынуждены были целый год ночевать отдельно от товарищей и, подобно ослу, жевать ячмень. За менее серьезные нарушения с провинившихся брали штрафы или же пороли. Вспомним хотя бы пример, известный каждому римлянину: воин и патриот Гораций не пожалел сестры, полюбившей врага, и саморучно ее убил.

В «Кратком изложении военного дела» литератор Вегеций дает обзор военного искусства прежних и, как он считает, лучших времен Рима. Труд сей был написан в 390–410 гг. н. э., когда Римская империя уже испытала на себе сокрушительные удары варваров. Сожалея о славной эпохе предков, он рекомендует императору реорганизовать армию по старым образцам. Видимо, Вегеций все же не вполне отдавал себе отчет, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. В первой и второй книгах он дал описание системы обучения и организации армии, описал характер ее вооружения, боевые порядки. Третья книга была посвящена разбору правил ведения войны. В четвертой книге рассмотрены правила защиты и осады городов, крепостей, а также правила ведения морского боя. Вегеций делает упор на необходимость тщательного обучения и подготовки войск к сложному делу войны: «...Кто хочет мира, пусть готовится к войне; кто хочет победы, пусть старательно обучает воинов; кто желает получить благоприятный результат, пусть ведет войну, опираясь на искусство и знание, а не на случай». Знание – это сила... Оно не только вооружает войско прекрасными навыками, но внушает смелость: «Знание военного дела питает смелость в бою: ведь никто не боится действовать, если он уверен, что хорошо знает свое дело». Далеко не последним фактором в успехе воинской рати становится воспитание в воинах высоких моральных качеств и чувства чести. «Чувство чести делает воина наиболее подходящим, чувство долга, мешая ему бежать, делает его победителем». Для такого настроя нужно, чтобы офицеры и полководцы напомнили солдатам об их победах, зажигали души и вызывали гнев и ненависть к врагам. В битве важны опыт, боевая подготовка в науке военного дела, ясность плана и присутствие духа. Хотя Вегеций и считает любое сражение «роковым для нации и народов».

Ж.-Л. Давид. Клятва Горациев

Таким образом, можно без преувеличения сказать, что армия в жизни Древнего Рима играла ключевую роль. Хотя и у Рима, как мы увидим, был ряд слабых мест (или просчетов) в армии. В ряде случаев их полководцы оказывались не на высоте, порой их подводила чрезмерная заносчивость, у них была неважная разведка, слабым местом римской армии была их конница. Италия никогда не славилась всадниками. Пока сохранялись мощь и крепость главного ядра армии (легиона), Рим побеждал и торжествовал. Как метко скажет поэт Луций: «Часто римляне в сражениях были побеждаемы, но ни разу – в целых войнах; ну а это – главное».

Разве не те же слова мы могли недавно с гордостью сказать о могучей Красной Армии, которая сокрушила зверя более мощного, нежели все мировые империи былых веков?! И что мы видим теперь? Бездарные военачальники, находившиеся у власти 15 лет конца XX века, сделали все, чтобы армия и силовые структуры перестали существовать. В итоге у нас наряду с честными и храбрыми офицерами в армии, в МВД, КГБ, на флоте оказались предатели. Они готовы торговать интересами Родины всюду – в Германии, Вьетнаме, Югославии, России, Чечне. Чтобы вконец разложить нашу армию, власть олигархов установила мизерные зарплаты. В армии в 1997 г., по докладу зам. министра, муки оставалось всего на три дня. На Дальнем Востоке сняли и продали плиты покрытия военных аэродромов. Таких военачальников (продавших врагу оружие) Рим сразу бы бросил на растерзание зверям, на виду всего Колизея. Их, не колеблясь, осудили бы и казнили. С Тарпейской скалы сбрасывали и за меньшие грехи. В римской державе нельзя вообразить ситуацию, когда сын и наследник цезаря, дети главнокомандующего, консула (президента или министра обороны) не служили бы в армии. У нас же дети правящей знати, как правило, увиваются от армии. Что можно ожидать от таких «защитников отечества»? Жалкое поколение. Позорная страница, которая была невозможна в Риме (по крайней мере в период его силы). Когда же ситуация изменилась, Рим пал...

Развлечения воина

Целя мужество и отвагу, римское войско не упускало случая развлечься. Простой солдатский юмор высоко ценили, считая в порядке вещей пошутить и с противником. В таких случаях говорили: надо подсыпать перца (аттической соли). К примеру, в Перузии и окрестностях обнаружены снаряды от пращи, которыми римляне осыпали противника. Когда будущий император Август осаждал войска брата Луция Антония и его жены Фульвии, они бросали друг другу ядра, на которых мог быть нарисован фаллос с надписью: «Ищу зад Октавиана» или же: «Ищу киску Фульвии»... Причем сам цезарь написал эпиграмму, которую полностью воспроизвел поэт-сатирик Марциал: «Под предлогом, что Антоний натягивает Глафиру, Фульвия принуждает меня также натягивать и ее... Меня? Чтобы я натягивал Фульвию? А если Маний попросит меня всадить ему в зад? Нет! Надо быть дураком... «Или ты имеешь меня, или война», – гласит надпись. Но член дороже жизни: война. Трубите сбор». Такой грубый юмор всегда ценился в армиях. Во время галльского триумфа Юлия Цезаря воины лихо распевали веселую песню:

Галлов Цезарь покоряет,
Никомед же Цезаря:
Нынче Цезарь торжествует,
покоривший Галлию, —
Никомед же торжествует,
покоривший Цезаря.

Есть еще одна скрытая причина силы римского народа, о которой надо сказать особо. В основе ее, позвольте заметить, лежит не что иное, как фаллос, точнее не сам фаллос, а философия мужественности нации и все, что с этим было связано. Показательно, что государственную власть олицетворяли ликторы с фасциями. Римлян с детства приучали к вере,

что подобно тому как мужчина властвует над женщиной, он должен править над всеми народами. Кстати, не столько богиня Ника (Виктория – у римлян), а фаллос являлся для римлянина символом победы. С самых ранних лет римскому мальчику вручали «буллу» – медальон, который он должен был носить на шее. Внутри «буллы» находилось не изображение бога, не образ родителей, и даже не горсть родной земли, а изображение фаллоса – «фасцинум».

Бронзовые амулеты-обереги

Это были так называемые обереги-талисманы, которые должны были оберегать его и от сексуальных посягательств. В отличие от греков, у которых любовь к мальчикам считалась вполне законной и общепринятой, Рим сей обычай решительно отверг. Тех же, кто вел себя подобным образом, называли греческим термином «кинед» (по-русски – «бабой» мужского пола). Это было страшным позором для мужчин. Таких мужчин не то что в консулы или в сенат, но даже в хлев бы не пустили.

Меркурий в виде Приапа

Римляне – народ-победитель, ставивший задачей «иметь весь мир». Выступать в роли пассивного объекта любовной страсти было позорно и наказуемо. Это у нас политики последних 20 лет привыкли выступать в пассивной роли. Иных премьеров, президентов, министров, сенаторов, депутатов, послов порой «имеет» всяк, кто только захочет, на Западе и Востоке. Те даже гордятся этим... Однако дадим слово авторам любопытной книги – «Фаллос как член общества». Петербуржцы в ней пишут: «Многие историки соглашаются, что фаллос был в Риме орудием государства. Сильный римский фаллос строил сильное государство. Средняя продолжительность жизни в то время была примерно 25 лет. Из ста человек только четверо доживали до пятидесяти. А империи надо было расширяться, нужны были новые войны. Император Август наказывал холостяков и всячески поощрял отцовство. В Риме существовал даже специальный праздник – когда отцы праздновали первую эякуляцию своего сына. Тело римлянина было его собственностью, но фаллос работал на империю». Конечно, Рим в полной мере отдавал дань всем видам любви, однако это был совсем другой секс. Законным считался и поощрялся секс с зависимыми партнерами (рабы, проститутки, слуги и вольноотпущенники). За совращение свободнорожденного мальчика – смерть.

Фаллический камень-менгир. II в. н.э. Неаполь

Рим привык насиловать народы, а потому он и фаллос рассматривал как орудие господства. Хотя пассивная позиция считалась позорной для свободных лиц, разврат среди политической элиты Рима был весьма развит. Так, бисексуальный Цезарь был, по известному выражению одного из современников, «мужем всех жен и женой всех мужей». Он еще в двадцатилетнем возрасте переспал (видимо, за деньги) с царем Вифинии Никомедом, за что его же воины называли Цезаря «царицей Вифинской» и «лысым развратником». Император Нерон почти что открыто жил и со свободными мальчиками и с замужними женщинами. Ему ничего не стоило изнасиловать весталку Рубрию и сделать евнухом мальчика Спора, на котором он и «женился». И все же (если оставить в стороне цезарей) содомия не приветствовалась. И только на закате Римской империи ряд римских поэтов-либералов (среди которых всегда особо много извращенцев) предложили ввести в обиход практику «полити-

ческой» любви. На Веллиевом холме в Риме стоял Тутун Мутун камень в виде фаллоса, на него сажали невесту. Сексуальная активность считалась признаком мужественности, агрессивности, укреплявшим силу империи. «Физическая сила, военное превосходство, сексуальная мощь, упрямый характер и необузданная сексуальность дали этот сплав под названием римская мужская добродетель», – заключают авторы книги. Однако со временем Рим потерял не только свою республиканскую девственность, но и мужскую силу. Окруженный толпами «варварских народов», он оказался биологически и генетически не способен к воспроизводству настоящих воинов... Известно, что большинство древних греков и римлян были светловолосыми и голубоглазыми. Так было на ранних этапах истории. Однако со временем римский тип погряз в роскоши, удовольствиях, растворился и даже, так сказать, заметно «почернел»... Похоже, что фаллос варвара стал одолевать фаллос римлян. Главным инструментом победы всегда являлись армия и оружие. Но все же если какая-то нация перестает зачинать, рожать и воспитывать сильных мужчин и отважных воинов, она с годами неизбежно станет жертвой более агрессивного и активного соседа.

Группа римских офицеров со знаками отличия

Велико было значение материальных факторов. Офицеры и солдаты получали долю военной добычи. Общим для всех армий древнего мира было награждение отличившихся в битвах венками, золотыми кольчугами, шлемами, серебряным оружием, увеличением жалования и т. д. В принципе военная добыча в Римском государстве, в Греции и эллинистических державах принадлежала государству. Высшие начальники старались следить за соблюдением порядка. Вольности и злоупотребления не допускались. Рим вначале так и поступал. Так действовали видные командиры. После подчинения Иерусалима власти Селевкидов Антиох III приказал вернуть свободу тем, которые были уведены из города и проданы в рабство, и не только им, но и родившимся у них детям. Он же приказал вернуть горожанам отнятое имущество. Как правило, деньги, полученные при продаже пленных, должны были уходить в фиск, но даже при соблюдении тех или иных формальностей всегда была возможность воспользоваться удобным случаем. Ведь воин, захвативший город, дом и убивший противника (при котором часто были немалые деньги, драгоценности, богатое оружие и т. д.), мог присвоить ту или иную понравившуюся ему вещь. Такого рода солдаты-наемники – предмет сатиры многих эллинистических комедий. Говорят, что во время парфянского похода Антиоха VII даже простые воины скрепляли обувь золотыми пряжками, пользова-

лись серебряной посудой и т. п. Такие же картины можно было видеть после успешного завершения битв Александром Великим и римским войском.

Серебряный рельеф

Помимо материальных стимулов велика была роль и разного рода поощрений, типа триумфов, знаков или же шествий, прославлявших победителей. Триумф означал вступление в столицу (Рим) полководца-победителя и его войска. Как только войско одерживало значимую победу, воины провозглашали полководца императором. С годами триумф превратился из обычной церемонии победителя в главную награду полководца, как правило, назначаясь сенатом по его просьбе. Первый триумф имел место в Риме во времена Ромула, после его победы над ценинским царем Акроном. Хотя Плутарх возводит это празднество еще к этрусской традиции. В начале римской истории триумф носил обрядовый характер. Вернувшийся с поля брани воин обязательно должен был очиститься. Считалось, что пролитая в бою кровь врага его оскверняет. В честь своих божеств римляне воздвигали изображения или сооружали трофеи из захваченного оружия. Они говорили: «Мы отдаем долг не только людям, но и богам». Обычно во время шествия на Капитолии совершались жертвоприношения животных главному богу римского пантеона – Юпитеру. И все, от полководца до солдата, могли рассчитывать на различные награды – Большой и Малый триумфы, Овацию, Морской триумф, наградные знаки в виде венков, цепей, копий, фалер, браслетов, колец и т. д.

Дж. Б. Тьеполо. Триумф императора

В Рим отправляли послов и просили устроить триумф. Сенат давал разрешение на его проведение только при действительно значительных успехах римского оружия. Впоследствии возникли четкие границы триумфа: оный можно было получить, если в одном сражении противник потерял не менее 5000 убитыми. В торжественных случаях триумфатор получал наградное оружие, украшенную золотом тогу и лавровый венец. Триумф военных – это парад. Это было зрелище красочное и довольно редкое, ибо вступление войск в священные пределы города Рима строжайше запрещалось римскими законами и рассматривалось как святотатство. Кстати говоря, на Марсовом поле, вне пределов города, стоял и древний алтарь бога войны Марса. Там власть принадлежала военным. В самом же Риме власть была у гражданских лиц – магистратов. Народ обладал высшей формой власти – империем. Народное собрание вручало империй высшим должностным лицам, а в эпоху Империи его стали давать императору при вступлении на трон. «Империя» означало «власть» и со временем стало обозначать территорию, на которую распространялось правление магистратуры. Получить право на триумф можно было лишь в том случае, если полководец полностью и окончательно завершил военные действия. Обязательной была не просто победа, но крупная, в итоге которой Римское государство расширило границы.

Триумф был не только важным социальным стимулом, но и психологическим инструментом в деле воспитания народа, становления всей системы римских ценностей. Реста-

вручавший старые памятники император Август специально ставил статуи выдающихся людей Рима в триумфальном облачении на форуме. Он говорил, что делается это с одной целью: чтобы и его, и других правителей сам народ при выполнении ими долга побуждал бы брать пример с победителей. Таких полководцев-триумфаторов прославляли статуи, надгробные памятники и особые надписи (элогии). Так, в храме Матер Матуты была установлена доска с перечислением подвигов Тиберия Семпрония Гракха (174 г. до н. э.). Воинам вручались и различного рода венки (за спасение граждан, за храбрость и т. п.).

Центурион с фалерами

Поощрение венками в то время было принято римлянами, македонцами, да и в других армиях мира. Наградой за проявленную в боях выдающуюся храбрость был золотой венок. Такие венки вручались тем, кто подавал примеры мужества остальным, скажем, взобравшись первым на крепостную стену во время осады города или штурма укрепленного лагеря противника. После захвата Карфагена Сципион наградил золотым венком сразу двоих – центуриона легиона и солдата абордажной команды, которые первыми из римлян взобрались на стену города. Того воина, кто в бою спас жизнь товарища (будь то римлянин или их союзник), награждали дубовым венком. Венок ему лично вручал спасенный им человек. При этом тот, кого спасли, должен был до конца жизни относиться к спасшему его воину как к родному отцу. Эти сердечные связи обычно сохранялись на всю жизнь. Пример тому Сократ и Фемистокл. Командир конницы римлян Минуций Руф так относился к диктатору Фабию Максиму Кунктатору, ибо он спас его от Ганнибала в битве при Герунии (217 г. до н. э.). Человека, который оказал решающую помощь армии и спас ее, подобно Фабию, обычно награждали самой высшей из наград – «венком за освобождение от осады» (*corona obsidionalis*). Сей травяной венок считался у римлян самой желанной из всех наград. Плиний Старший (I в.

н. э.) насчитал только восьмерых награжденных таким венком людей. В случае проявления традиционной отваги и мужества любым воином в бою (убийство командира, захват оружия противника) храбреца награждали чашей, оружием. Самым простым и понятным вознаграждением солдата был кабачок и женщина.

Конная квадрига триумфальной колесницы. Бронза. Венеция

Героям воздавали должное и в произведениях литературы, науки, искусства. Тема триумфа, писал историк архитектуры В. Поплавский, находила отражение в творчестве историков, живописцев, скульпторов, архитекторов или у мастеров декоративно-прикладного искусства. Известны описания наиболее знаменитых триумфов республиканского периода – у Плутарха (Луция Эмилия Павла), Аппиана (Корнелия Сципиона Африканского), Плиния (Гнея Помпея Великого). Такого рода описания можно найти у Тацита, Светония, Флавия. Триумфальные празднества и военные победы римлян часто были запечатлены в декоративно-прикладном и изобразительном, монументальном искусстве. Конечно, это было сугубо заказное искусство, но римляне считали это абсолютно в порядке вещей. Покоритель Греции – Эмилий Павел – даже специально привез с собой из Афин греческого живописца Метродора и поставил перед ним задачу – создавать большие батальные сцены, которые бы славили подвиги римских легионеров... Такого рода батальные сцены порой находят в Риме во время археологических изысканий. Во время триумфального шествия воины несли упомянутые сцены и картины, хранили их у себя дома, выставляли в общественных местах, в том числе для воспитания. Эти же сюжеты в дальнейшем будут украшать и большие архитектурно-скульптурные ансамбли (такие, как ансамбль Форума Августа).

К. Лоррен. Кампо Воккино. Часть арки Септимия Севера

Римским гражданам и в голову не пришло бы славить своих вождей за то, что те значительно сократили территорию страны (как мы в России славили ублюдочных двуликих Янусов, укравших у отечественной истории ее победы и ее земли: это пример вырождения нации – когда измена и поражение подается продажной элитой страны как победа).

Дух Италии, сражающейся за свою свободу и независимость, – один, а вот дух страны, которая ведет битву за мировую гегемонию, – совершенно иной. Первое характерно для Италии периода V–IV вв. до н. э. Тогда войско Рима состояло из народного ополчения и сражалось за родную землю. Отбивая атаки грозного Карфагена, оно действовало исключительно сплоченно и мужественно... «Как владыки мира прошли железные легионы римских земле-робов по городам и полям эллинизованного Востока и Запада. С большим мужеством отстаивали они, правда, уже в несколько измененном составе, первенство римского гражданства над Италией», – писал М. Ростовцев в «Рождении Римской империи». Ситуация изменилась, когда войны стали следовать одна за другой, тянулись годами и не было им конца и края. Победа над храбрым противником, что в свою очередь защищал родную землю, а следовательно, вел справедливую войну, была делом более тяжелым и стоила немало крови... Рим наблюдал за появлением новых и новых честолюбивых генералов-политиков. Иные из них откровенно покупали должности на римском форуме за деньги, награбленные в провинциях, добытые кровью и потом солдат. Под влиянием перемен и дух римского ополчения существенно менялся. Консулам все труднее становилось ежегодно собирать новые легионы или пополнять старые. Увеличивалось число уклонистов и росло число дезертиров, падала дисциплина, снижалась стойкость легионов. Правда, в стране к тому времени возник новый класс людей, что был готов пополнить пустующие ряды армии. Это были бедняки и пролетарии Рима. Служба в армии для многих из них означала социальные блага, деньги и почет. «Для этой пролетарской армии на первом плане стояли вопросы материальные и, прежде всего, вопрос о наделении землей за счет, конечно, старых собственников, которым не так легко было отстоять свои интересы...». Реформа Мария заметно изменила социальный состав войска. Понятно, что такое войско, существующее не постоянно, но лишь время от времени, да еще для решения той или иной конкретной задачи, «в руках умелых руководителей становится в критические моменты решающим элементом». Это и проявилось в ходе битв между Римом и Карфагеном, битв против так называемых варварских народов, ну и, разумеется, во время ряда конфликтов и споров за власть (уже внутри страны).

Битва Рима с Карфагеном за господство

Мощные культурные центры древности способствуют появлению вокруг себя цивилизаций-сателлитов (наряду с культурой Месопотамии и Египта – эламская, урартская, хеттская и т. п.). Одним из таких культурных центров был Карфаген. Как следствие, меж ними неизбежно возникали соперничество и конкуренция. Так, Афины соперничали со Спартой и персами, Карфаген с Римом, Рим бросал культурный вызов Пергаму и т. д. Битвы с мощным Карфагеном составили целую эпоху в жизни Древнего Рима... Основанный финикийцами Карфаген (Тимей считал, что Карфаген был основан в один год с Римом – т. е. в 814/813 г. до н. э.) вскоре стал играть роль крупной торговой фактории. Тут же возникла стоянка кораблей, о чем свидетельствуют раскопки П. Сэнта в Саламбо (таково название портовой территории Карфагена). Финикийцы – народ одаренный. Они непревзойденные море-плователи (за двадцать веков до Васко да Гамы обогнули африканский материк), умелые торговцы. Где появлялись финикийцы, тут же возникали торговые центры. Вспомним, что этих искуснейших строителей, плотников и каменотесов приглашали в Палестину для возведения уникальных храмов и дворцов. Ими были возведены дворец и храм Соломона в Иерусалиме. Одно время считалось, что рассказ из Библии о сооружении ими дворца царя Ахава из слоновой кости лишь вымысел. Но изыскания археологов обнаружили на месте древней столицы Израиля Самарии фрагменты дворца и облицовочные плитки из слоновой кости с изображениями фигурок богов, сфинксов, львов, быков, газелей, лотосов, пальм, лилий, папирусов. Историки пишут, что супруга Ахава, царица Иезавель, ярая приверженица финикийского культа, потребовала от тамошних мастеров выстроить для нее золотой «чертог из слоновой кости». Как возник Карфаген?

Заседание карфагенского сената

Легендарный Карфаген, грозный соперник Рима, стал одним из крупнейших городов Древнего мира. Карфаген возник на 72 года раньше Рима. Основала его в 823 г. до н. э. сестра тирского царя Пигмалиона – Дидона (Элисса). Другие называют дату – 814–813 гг. до н. э., а Филист (Philistus), сицилийский историк, которого цитирует Евсевий, говорит об основании Кархедона (Карфагена) Цором в конце XIII в. до н. э. Элисса и ее брат – личности исторические. Жреческо-аристократическая группировка Тира, вынужденная из-за междоусобиц покинуть город, переехала в эти края. Эллы называли Финикию «страной красных людей» или «страной пурпура». Напомним, что италийцы называли ее обитателей финикийцами или пунийцами. По-видимому, после смерти царицы Элиссы монархия перестала существовать. Карфаген стал республикой. После разрушения ассирийцами Сидона и осады Тира число финикийцев-эмигрантов резко возросло. В конце IV в. до н. э. население Нового города и территорий достигало 550–600 тысяч человек, а накануне 3-й Пунической войны тут обитало 700 тысяч человек. Для сравнения: все население Афин во времена Перикла составляло лишь 200–300 тысяч. В Риме накануне войны с Ганнибалом жило 270 тысяч человек, и даже в эпоху расцвета (то есть при Цезаре) Рим населяло около 800 тысяч человек. По данным переписи, все население Римской республики составляло 770 тысяч человек во времена Сципиона.

Воины Ганнибала

Карфаген являл собой олигархическое объединение, в котором вся полнота власти находилась в руках богачей. Всем там заправлял Малый совет. Власть, политическая и военная, была монополизирована денежной аристократией. Устройством Карфагена восхищался Аристотель, сторонник такого правления. В «Политике» он писал: «И карфагеняне, как полагают, пользуются прекрасным государственным устройством, которое во многих отношениях отличается от остальных; в некоторых частях оно сходно главным образом с лакедемонским. Вообще три государственных устройства (той поры) – критское, лакедемонское и карфагенское – до известной степени очень близки друг к другу и значительно отличаются от остальных. Действительно, многие стороны государственной жизни устроены у карфагенян прекрасно. Доказательством слаженности государственного устройства служит уже то, что сам народ добровольно поддерживает существующие порядки и что там не бывало ни заслуживающих упоминания смут, ни тирании». Хотя Карфагену были присущи и тирания и смуты, его устройство чем-то напоминало торговую Венецианскую республику.

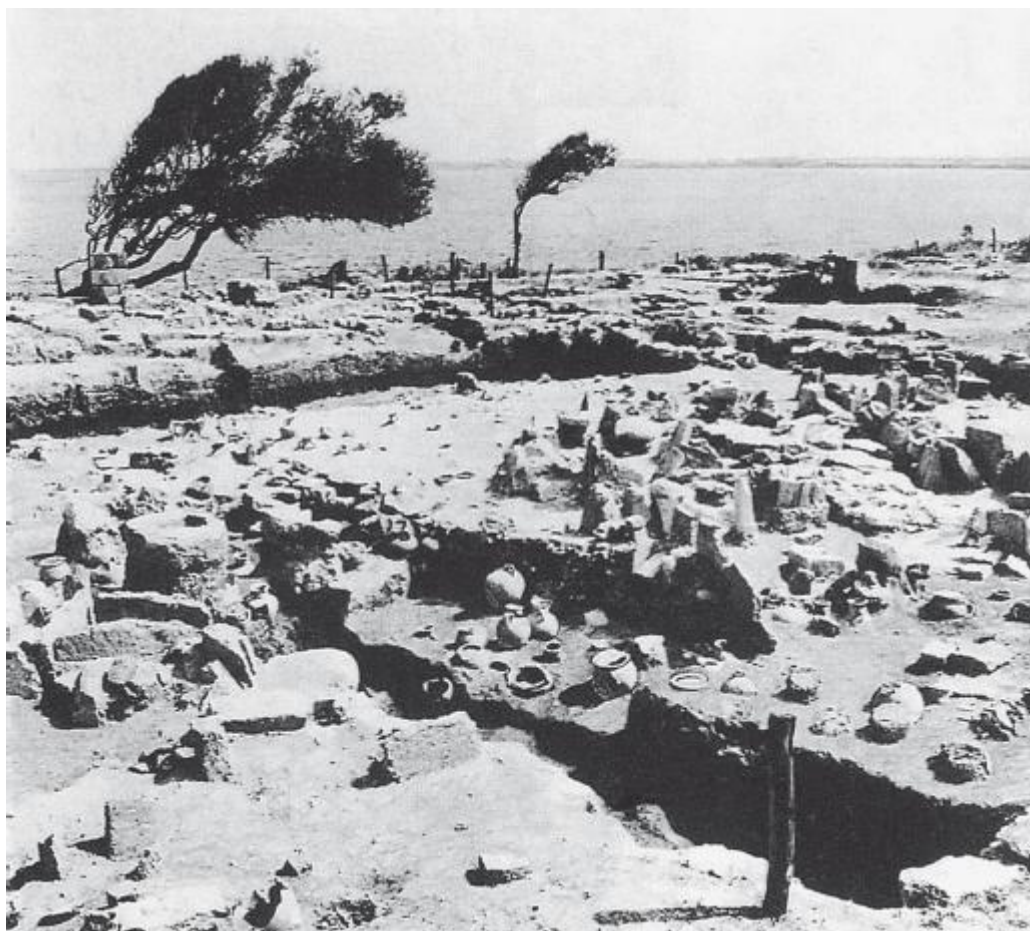
Дж. Б. Тьеполо. Приход Квинта Фабия Максима в сенат Карфагена

Граждане его делились на две группы: «сенат» («могущественные») и «плебс» («малые»). Наряду с аристократией плебс Карфагена играл определенную роль в вопросах управления (порой существенную). Некоторые его представители посылались с миссией в подчиненные Карфагену города как управляющие. Часть граждан направлялась в колонии, где принимали активное участие в основании городов. Скажем, с мореплавателем Ганноном отправились в плавание 30 тысяч мужчин и женщин. Видимо, чтобы сгладить возможные и неизбежные конфликты, знать старалась подкармливать простой народ (мелких ремесленников, торговцев, воинов). Как бы там ни было, а именно «народ Карфагена» считался обладателем высшей суверенной власти, воплощенной в народном собрании. В Карфагене не было силы, которая бы безусловно царила над гражданской общиной. Власть в стране в той или иной степени, но должна была выражать интересы и гражданского коллектива (по крайней мере теоретически). Ведь и знать также была частью общины. Благодаря воле общины Ганнибалу удалось провести через народное собрание реформу управления, приведшую к ликвидации всевластия «сословия судей». Собрания проходили столь бурно, что порой, как отмечают, неугодного народу политика могли «разорвать на куски». И это хорошо! Существовала там и крупная государственная собственность (арсеналы, рудники, верфи, земли). Владевшие немалыми богатствами храмы были под контролем специальных должностных лиц государства – коллегии «десяти над святилищами». Помимо граждан в Карфагене жило немало иностранцев (греки, этруски, италики и др.). Значительную часть населения составляли рабы или полусвободное население. Данные нами ранее характеристики Карфагена как аристократии и олигархии являются довольно условными. Хотя влияние там богачей было бесспорным.

Монеты Карфагена с изображением братьев Ганнибала

Основу деятельности Карфагена составляли торгово-посреднические услуги. Торговля была его наипервейшим занятием. Карфагенская торговля охватывала обширные районы мира – от Северо-Западной Африки до Причерноморья и от Испании до Египта. Купцы везли изделия карфагенского ремесла, экспортируя металлы, слоновую кость, золото, серебро, драгоценные камни и рабов (на одну женщину выменивали трех мужчин-рабов). Сенат контролировал всю торговлю. Отсюда вечный интерес политиков к прибылям. Доходы карфагенян были значительными. «Для карфагенян нет постыдной прибыли... У карфагенян для получения должности открыто дают взятки, у римлян это же самое наказуется смертью».

Карфагенская колония на берегу Сицилии

Подобно финикийцам, традиционно пунийцы были хорошими мореходами. Утверждают, что они заходили в Атлантический океан, добирались до Саргасова моря. Там ошибочно приняли водоросли за остатки огромного погибшего острова. Возникли неизбежные среди моряков красочные рассказы, которые дали толчок возникновению мифа об Атлантиде. Так родились знаменитые атлантические диалоги Платона, которые стали художественным воплощением мифа. Но мифы – все же не купеческое дело. Карфаген вел торговлю греческими, египетскими и этрусскими товарами. В их руках был транзит: возили товары, произведенные иными народами. Не брезговали они и работоторговлей, и пиратством. Карфаген был заполнен греческими изделиями, но греков пунийцы терпеть не могли, видя в них главных своих торговых соперников. Недоверие, а то и открытая ненависть к грекам привели к тому, что официально было запрещено учить греческий язык (IV в. до н. э.). Хотя элита (Гамилькар Барка, Ганнибал, Магон, Ганнон и др.), бывшая образованными людьми, знала греческий и свободно на нем говорила. В семьях аристократов и женщины получали неплохое образование. По словам Диона Кассия, образованной была дочь Гасдрубала, Софонисба. И все же чем-то особым в образовании и культуре карфагеняне не выделялись: ни одного великого писателя, мыслителя, риторика. Науки и искусства они игнорировали.

В садах Гамилькара. Иллюстрация к «Саламбо» Флобера

Пунийцы стремились к мировому господству в те времена, когда на рынках Востока утверждались финикийцы. В. С. Сергеев, характеризуя роль Карфагена в мире, писал: «Карфаген считается классической страной рабовладения во всем античном мире, выработавшей наиболее совершенные методы эксплуатации. Рабовладельческая система в Карфагене получила очень широкое развитие, послужив образцом для сицилийских греков и римлян. В Карфагене существовала развитая специальная литература по сельскому хозяйству, по организации крупных рабских плантаций с указанием на более рациональные методы использования рабского труда. Таковым, например, был трактат карфагенянина Магона, переведенный на латинский язык и легший в основу известных нам сочинений по агрономии. Экономическая мощь Карфагена заключалась в его посреднической торговле». Будучи трезвыми политиками, карфагеняне во второй половине IV столетия заключили с Римом торговые договоры (в 348 и 306 гг. до н. э.). Рим и Карфаген даже однажды объединились против общего врага – Пирра (272 г. до н. э.). После смерти Пирра Рим сумел захватить контроль над большей частью италийского полуострова, взял Сардинию и стал подбираться и к Испании. Это означало, что близилась неизбежная схватка рас, семитической (карфагеняне) и арийской (греко-римляне), за господство в этом регионе. И Карфаген, писал Тураев, взял на себя руководство в этой борьбе. Схватка Рима и Карфагена была битвой за господство над западной частью Средиземноморья.

Продолжалась она более ста лет. Борьба была отчаянной и упорной. Карфаген обладал армией в сотни тысяч воинов. Правда, в его армиях сражались главным образом наемники, нанятые за немалые деньги. В армии Карфагена были слоны, стенобитные машины и корабли. В 1-й Пунической войне римляне вели сражения с Карфагеном не только на суше, но и на море. Флот пунийцев состоял из 350 кораблей, не считая транспортных судов. Имея прекрасную удобную гавань в Тунисском заливе, они долгое время господствовали на море. Во время 3-й Пунической войны всего за два месяца карфагеняне построили 120 кораблей на верфи Нового Карфагена, созданной Гасдрубалом. Успех склонялся то на одну, то на другую сторону. Римляне не раз бывали разбиты, а флот их погибал от бурь. «Право же, если вспом-

нить, что в Первой Пунической войне с пунийцами дрались на море 24 года, то ведь всей Александровой жизни едва ли, думаю, хватило бы на одну только эту войну», – писал Тит Ливий. Пунийцы подчинили своей власти 300 городов, завладели северо-восточной Африкой, Сардинией, затем Сицилией. Гамилькар Барка завоевал всю Испанию. Конечно, видя все это, Рим не мог не испытывать страха перед усиливающейся мощью Карфагена.

Гамилькар Барка. Изображение на монете

Тит Ливий считал войну римлян с карфагенянами «самой замечательной из войн всех времен». Сегодня такая оценка вызывает по меньшей мере недоумение. Как могут быть войны «замечательными»? Если вы попытаетесь найти ответ на сей вопрос у Ливия, его аргументы таковы: «Никогда еще не сражались между собою более могущественные государства и народы, никогда сражающиеся не стояли на более высокой ступени развития своих сил и своего могущества... Но ненависть, с которой они сражались, была едва ли не выше самих сил: римляне были возмущены дерзостью побежденных, по собственному почину подымавших оружие против победителей; пунийцы – надменностью и жадностью, с которой победители, по их мнению, злоупотребляли своей властью над побежденными». Катон Старший каждую свою речь в сенате заканчивал возгласом: «Полагаю, что Карфаген должен быть уничтожен» («*Delenda est Carthago*»). Страх Рима нам понятен. Враг был грозен. Он столкнулся с искусным, настойчивым и умелым противником, который, казалось, вот-вот войдет в Рим.

Терракотовые статуэтки пунийцев

В 1-ю Пуническую войну Карфаген захватывал землю за землей, город за городом, и к 70-м годам III в. до н. э. почти безраздельно царил на Западе. В 264 г. до н. э. он решил овладеть столицей Сицилии, городом Сиракузы. Остальной остров практически находился в его власти. В дело вмешался Рим, и пунийцев с великим напряжением сил разбили. Через 23 года сын Гамилькара, Ганнибал, злой дух Рима, герой Карфагена, вторгся в Италию. Как скажет Полибий, тот был «единственным виновником, душой всего, что претерпели и испытывали обе стороны, римляне и карфагеняне». В смертельной и непримиримой схватке сошлись два титана.

Ганнибал в юности

Положение стало особо угрожающим для Рима, когда во главе карфагенской армии встал двадцатипятилетний Ганнибал (247/246—183 гг. до н. э.). Имя Ганнибал означало «дар Ваала». Он сын главы Карфагена – Гамилькара. Рассказывают, что когда Гамилькар Барка («Молния»), которого Полибий назвал «величайшим вождем того времени по мужеству и отваге», закончил Африканскую войну (подавив мятеж солдат-наемников) и собирался переправить войско в Испанию, принося по этому поводу жертву богам, его девятилетний сын Ганнибал, по-детски ласкаясь, стал умолять своего отца взять его с собой. Тогда Гамилькар велел подойти ему к жертвеннику и, коснувшись его рукой, произнести клятву, что он будет врагом римского народа, как только это ему позволит возраст. Что лежало в основе так называемой «ганнибаловой клятвы»? Разумеется, мечты о всемирной власти. Речь шла, как отмечает И. Кораблев, о создании «мировой» державы, которая охватила бы всю ойкумену, с центром в Карфагене. Задачу эту и попытались решить Гамилькар Барка и Ганнибал. К этой же цели более ста лет назад стремился и Александр Македонский. Пунийцы преследовали цель: подчинить Карфагену все страны региона, обеспечив своим землевладельцам и купцам возможность угнетать, эксплуатировать подвластные территории и обогащаться за их счет. И на пути столкновения интересов они неизбежно должны были столкнуться с Римом, который ставил перед собой примерно такие же стратегические задачи.

Ганнибал и стал предводителем во 2-й Пунической войне (218–201 гг. до н. э.). Это был безусловно выдающийся полководец. Даже относящийся к нему пристрастно Тит Ливий отмечал, что тот был отважен, храбр и осмотрителен. В бою и ратных трудах он выделялся стойкостью. «И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь – покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от трудов; притом он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди караульных или часовых. Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставлял за собою прочих; первым устремлялся в бой, последним оставлял поле

сражения. Но в одинаковой степени с этими высокими достоинствами обладал он и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не соблюдал клятвы, не уважал святынь». Таков был воин, давший знаменитую «ганнибалову клятву». Его отец, как сказано, взял с сына клятву разрушить ненавистный Рим и до конца его дней бороться против римлян.

Ганнибал дает клятву бороться против Рима

У Ганнибала не были ни семьи, ни детей, ни возлюбленной. Он вообще не любил женщин. Можно ли такому человеку доверять страну, армию, город или семьи? Ведь хороший правитель обязан прежде всего любить народ, заботиться о гражданах, семьях и детях. Но то, что в рассказах о Ганнибале «нет ни одной человеческой черты», видимо, больше скажет о характере, чем жуткие картины, которыми рисуют его правление. Пусть у иных Ганнибал и не вызывает симпатии, но наша задача все же освободить его от черт «пугала», каковым он предстает даже в книге «Ганнибал» С. Лансея, который подает его образ, словно это каннибал, питавшийся сырым человеческим мясом. Он не «ел человечину», как советовал ему друг, но жестокость, алчность, коварство были присущи ему, как и прочим.

Римляне называли Ганнибала «безумным». Однако он был умен и талантлив. Он умело воспользовался тем, что многие в Италии ненавидели римлян: ведь именно Рим отнял у них свободу. Апулийцы, луканцы, брутийцы принимали участие в войне за независимость. Галлы, помня о былых победах, обещали восстать, оказав ему помощь в борьбе против Рима. Старики Тарента еще помнили времена, когда их город был свободным и процветал. Силен был еще и дух Великой Греции. Приход римских преторов, отмечает Лэмб, принес пользу аристократам и землевладельцам, но отнюдь не крестьянству или простым гражданам. Ганнибал вскоре понял, что большая часть плебса, низших слоев сочувствует ему. Глубинные районы поддерживали карфагенскую армию, тогда как богатые прибрежные города, связанные с римским флотом, стояли за Рим. Поэтому и находили поддержку многочисленные карфагенские агенты. Ганнибал в таких городах, как Капуя, повел себя как гость, приказав своим воинам расплачиваться за угощение, за женщин и памятные подарки. У его вои-

нов было много серебра в римских и испанских монетах. Союзникам он говорил, что после победы над Римом все желающие смогут вернуться домой. Он отпустил без всякого выкупа пленников покоренных Римом народов. Ганнибал хотел поднять всю Италию.

Переправа слонов Ганнибала через реку Рону

Заслуживает внимания его переход через Альпы. Ганнибал избрал прямой путь из Испании в Италию. Перейдя Пиренеи, он быстро двинулся через южную Галлию, добрался до реки Роны, переправился через нее, вместе с его слонами. Затем, пройдя долинами, армия пунов девять дней взбиралась на Альпы, а затем стала спускаться. Дорогу преграждали снег и обвал. Пришлось восстанавливать дорогу. Но в конце концов измученное и поредевшее войско Ганнибала, пройдя «путем Геракла», все же спустилось в долину реки По. Таким образом, переход через Альпы занял у Ганнибала 15 дней. При этом он потерял почти половину армии и большую часть обоза. От Роны он двинулся во главе 38 000 пеших и 8000 конных воинов (по другим данным 40 000 пеших и 6000 конных). Если судить по надписи на колонне, установленной в Лацинии, на юге, там сказано, что до Италии вместе с Ганнибалом тогда добрались 12 000 африканской и 8000 испанской пехоты и не более 6000 всадников. Помимо погибших убыль дали еще и дезертиры. Конечно же, армия была истощена и измучена сверх меры. Ливий отмечал, что когда брат Ганнибала, Газдрубал, через 12 лет после самого Ганнибала совершал переход через Альпы, сделав это легче и быстрее, местные галльские и альпийские племена «не только дружелюбно приняли его, но и пошли вместе с ним на войну». Признание римского историка дорогого стоит. Понятно, что не так-то уж и любили Рим окружавшие его народы. Они только и ждали часа, чтоб расквитаться с ним за все унижения и обиды. Признания Ливия звучат весьма откровенно. Говоря о причинах конфликта между двумя могущественными державами того времени, он пишет: «Теперь, когда всем известно, что Италия двенадцатый год в огне, они (племена. — *Авт.*) хорошо знают, что Альпы — это просто дорога и что два могущественных города, отделенные друг от друга большими пространствами суши и моря, борются за власть и богатство».

Безусловно, Ганнибал прекрасно знал истинную цену верности покоренных народов. Когда отец, Гамилькар, говорил ему: «Заставьте землю сражаться на вашей стороне», Ганнибал внимательно выслушал эти советы и использовал их не только в плане фортификации, то

есть реализации в сражениях преимущества той или иной местности, но и в широком политическом смысле. Поэтому приказал своим военачальникам обратиться ко всем племенам, что населяли Италию и другие земли, со словами: «С этого дня люди других народов в (его) армии будут иметь одинаковые привилегии с карфагенянами. Все рабы, которые находятся здесь со своими хозяевами, получают свободу, а Ганнибал заплатит за них их хозяевам».

Переправа слонов Ганнибала через реку Рону

И таких случаев агитации известно было немало. По сути дела, обе стороны вели самую настоящую и интенсивную пропагандистскую кампанию, надеясь завоевать на свою сторону симпатии вовлеченных в конфликт народов. Часто успех в этом противостоянии был на стороне Ганнибала. Однажды 2000 галльских воинов, служивших в рядах римской армии, убежали из лагеря, убив нескольких военачальников и угнав лошадей. Они пришли к Ганнибалу, чтобы предложить ему свои услуги. Тот одарил дезертиров серебром, дал им мяса и вина и отослал по их деревням, чтобы они заявили всем, что такие же трофеи и честь может быть завоевана и другими, всеми теми, кто захочет прогнать ненавистных римлян с их земель.

Это был великий полководец. Его стойкость и мужество отмечают все (друзья и враги). По словам Юстина, Ганнибал, командовавший армией, состоявшей из различных племен, никогда не был жертвой обмана и предательства. Присущие ему недостатки, довольно часто встречающиеся на войне в целом (суровость, жестокость, вероломство, жадность), компен-

сируются похвалой карфагенскому вождю из авторитетных уст Цицерона, Лукиана, Ливия, Полибия и др. Полибий писал, что «столь велика и изумительна сила одного человека, одного ума», что Ганнибалом просто было нельзя не восхищаться. О нем, как и о карфагенских нравах, написал французский писатель Г. Флобер в замечательной повести «Саламбо». И даже Наполеон советовал всем полководцам взять за образец Ганнибала. Мы же должны более трезво оценивать эту личность. Истина дороже и цезарей, и ганнибалов.

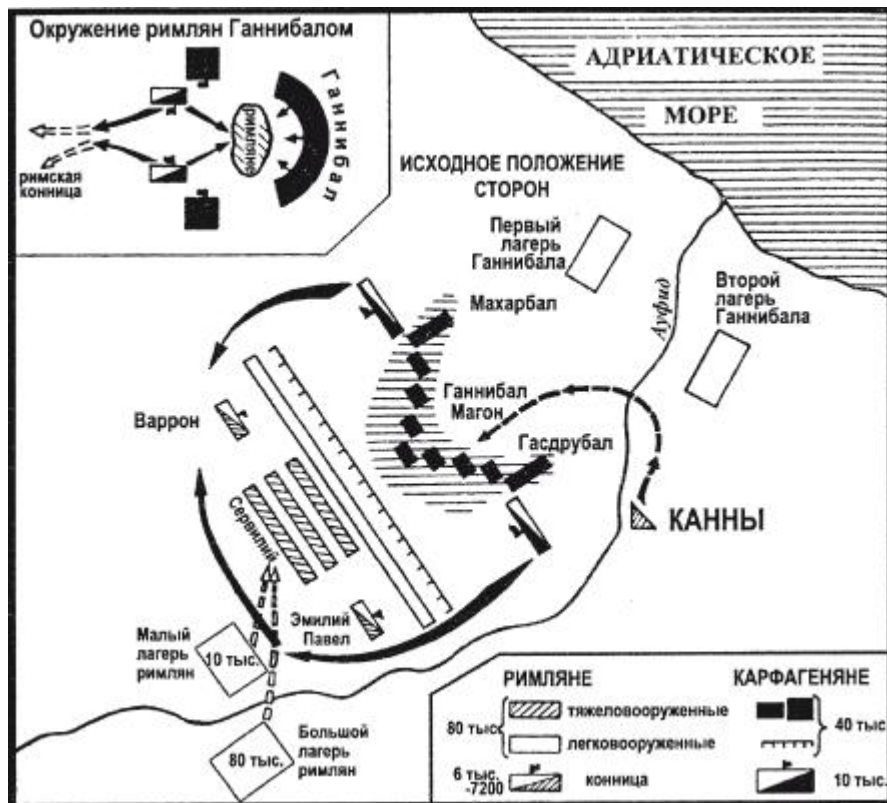

Схема битвы при Каннах

Хотя нельзя не признать значительности его военного таланта. Переход через болота Арно, когда его войско 4 дня и 3 ночи шло через болота по грудь в воде, переход через Альпы, громкие победы над римлянами стяжали ему в истории громкую славу. «Через Альпы люди перебирались и до Ганнибала – именно так, например, поступили около 400 года орды кельтов, хлынувших отсюда к Риму и докатившиеся до склонов Капитолия... Однако Ганнибал ведь не просто преодолел Альпийские горы – он провел через них многотысячную армию вместе с лошадьми, обозами, наконец, слонами! До него на такое не рискнул никто! Это был поступок, достойный Александра, да что там, превосходящий Александра и сопоставимый разве что с подвигами мифического Геракла! Начиная с Возрождения, когда невероятную популярность получили сочинения Тита Ливия, в особенности же его знаменитая «третья декада», рассказ о переходе Ганнибала через Альпы стал на долгие века настольной книгой каждого «школяра» и просто культурного человека. И вполне заслуженно».

Ганнибал обращается с речью к войскам

Что же делало столь сильной и непобедимой (на первых порах) армию этого полководца? Возможно, на стороне карфагенян был фактор внезапности, лучшая подготовка войск и их командиров, слабость первых римских полководцев (до Сципиона), тактическое превосходство, ненадежность союзников Рима, наличие инициативы. Видный теоретик военного искусства России начала XX в. А. А. Свечин писал о Ганнибале как о величайшем полководце истории: «Ганнибал захватил инициативу. Он располагал профессиональной, глубоко ему преданной армией; те же наемники, которые столько раз убивали своих карфагенских полководцев, оставались дисциплинированными и послушными Ганнибалу при всех обстоятельствах. Ганнибал – почти единственный из всех полководцев, которому не пришлось сталкиваться с солдатскими волнениями и бунтами. Его армия из старых африканских кадров, пополненная набором иберийцев (на Пиренейском полуострове), превышала 50 тысяч, образовывала отдельные тактические единицы, которые под руководством опытных генералов на поле сражения могли самостоятельно маневрировать. Тактическое превосходство армии Ганнибала над римской милицией (вначале) было несомненно, и оно еще усиливалось тем обстоятельством, что Ганнибал располагал безусловно превосходной конницей. Нумидийцы, союзники Ганнибала, доставили ему очень хорошую легкую конницу, а карфагенская тяжелая конница была способна не только наносить сильные удары, но представляла регулярную часть под командой офицеров, воспитанных еще Гамилькаром, и была настолько дисциплинирована, что не бросалась за добычей, а способна была к маневру на поле сражения по указанию полководца. Это были кирасиры древности».

Золотое кольцо из Карфагена. VI в. до н.э.

В 216 г. до н. э. в Апулии, в битве при Каннах, Ганнибал наголову разбил значительно превосходившую по численности армию римлян (50 тысяч пунийцев против 79 тысяч римлян). Ганнибал взял римлян в кольцо и уничтожил. «Концентрические действия против неприятеля не годятся для слабейшего», – говорил Клаузевиц. «Слабейший не должен совершать одновременно обход обоих флангов», – учил Наполеон. Но обладавший меньшей численностью Ганнибал действовал именно «концентрически», и не только обходил оба фланга, но одновременно заходил и с тыла. Победу Ганнибал одержал наперекор всем теориям (меньшими силами). По данным Полибия, в битве при Каннах погибло около 70 000 римлян. Вот как описывают эту классическую битву древности... С сердцем, полным ненависти, разъезжал Ганнибал по полю кровавой работы, поощряя ревностных и стыдя бездельных. Лишь несколько часов спустя солдаты прекращают избиение... Устав от бойни, пунийцы берут в плен 3000 человек. На малом пространстве лежали грудой 48 000 трупов. Римские военачальники Сервилий, Эмилий Павел были убиты, а Варрон бежал с группой всадников и небольшим количеством легковооруженных воинов. В Каннах, в обоих лагерях римлян в руки Ганнибала попали тысячи пленных. Карфагеняне потеряли лишь около 6000 человек (это были преимущественно иберийцы и галлы). Конечно, за 2000 лет оружие и способы ведения боя совершенно изменились. Войска ныне уже не идут врукопашную с короткими мечами, а стреляют друг в друга с расстояния в тысячи метров. Лук заменила скорострельная пушка, вместо пращи пулемет. Добивание неприятеля заменила капитуляция, хотя в самых общих чертах боевые действия остались без изменения. Бой на уничтожение, писал Шлиффен, «может быть дан и ныне по плану Ганнибала, составленному в незапамятные времена».

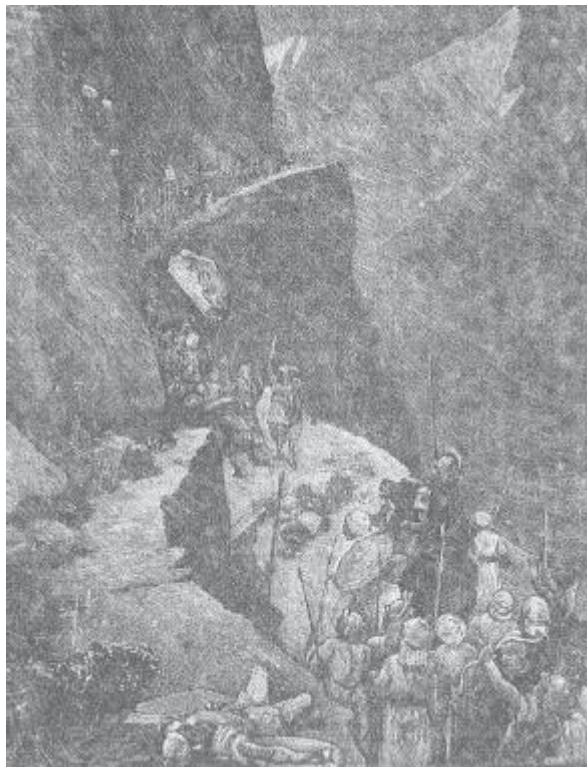
Нимфа Аретуза. Сиракузская монета. Ок. 413 г. до н.э.

Целью похода Ганнибала стало покорение Италии. Впрочем, тот не намерен был полностью уничтожить Рим. Он лишь стремился к тому, чтобы Рим признал его гегемонию над миром (*imperium*). Ганнибалу советовали идти к Риму и взять его, говоря, что уже через 5 дней он сможет пировать на Капитолии. Ганнибал медлил, отослав на родину как свидетельством его триумфа 6000 золотых всаднических и сенаторских колец убитых римлян. Начальник конницы Махарбал сказал ему: «Не всё дают боги одному человеку. Ты умеешь побеждать, Ганнибал; но вот пользоваться победой ты не умеешь». После битвы у Канн, где римляне были разбиты наголову, он стал ждать послов подобно тому, как Наполеон будет ждать послов с предложением мира от царя России. Но Рим не отреагировал на предложения, не сдался, заявив, что будет сражаться до тех пор, пока оккупанты будут оставаться на их земле. При этом Рим отказался выкупить и тех, кто оказался среди военнопленных. Мало того, так Торкват даже выступил в сенате с гневной речью, заклеив позором всех тех, кто сдался врагу. «Нам не нужны солдаты и офицеры, сдавшиеся врагу», – заявил сенат... Говорят, что Ганнибал пришел в неописуемую ярость, услышав гордый ответ Рима. Он приказал перебить всех пленных, запрудить их телами реку и по мертвым телам, как по мосту, переправил свое войско. Знатных же римлян заставил сражаться друг с другом, подобно гладиаторам, причем – братьев с братьями или отцов с сыновьями. Тут уместно вспомнить историю, рассказанную о посещении им в колонии Гадес храма Мелькарта, финикийского Геркулеса (тот якобы перешел Альпы первым). Когда Ганнибал принес жертвы и обеты богу, выслушал прорицателей и заснул, он увидел вещий сон. Снилось ему, что Мелькарт приказал идти в Италию. Бог посылает с ним таинственного проводника, который будет ему надежным помощником. Ганнибал должен идти вперед и не оборачиваться. Полководец выполнил предписание финикийского бога, но в один из моментов не смог удержаться от искушения – и оглянулся. Он увидел, что за ним ползет некое исполинское чудовище, обвитое змеями, изрыгающее огонь и сокрушающее всё на своем пути. Небо было затянуто грозowymi тучами, а из недр его сверкали молнии... «Что это?» – воскликнул потрясенный Ганнибал. Ответом ему были слова: «Опустошение Италии».

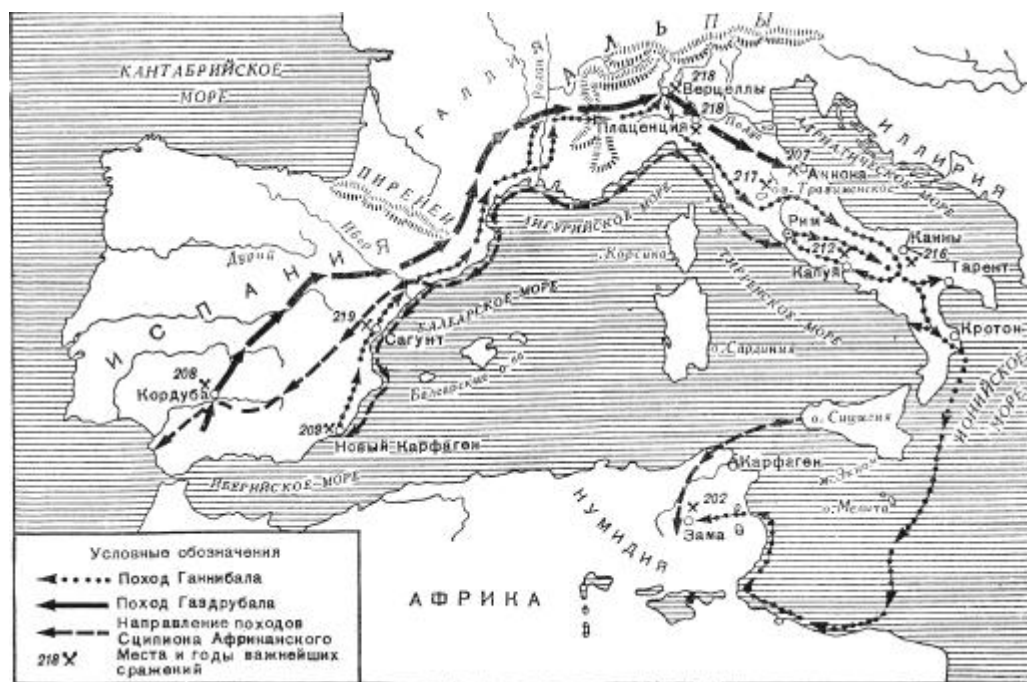
Спуск с перевала в Альпах

Несмотря на ряд громких побед Ганнибала, иные из союзников сохраняли верность римлянам. Эти города Италии оборонялись отчаянно. Среди таковых был и город Нола. Знатные римляне во главе с Марцеллом сражались мужественно, хотя чернь «только и думала, как бы отпасть к Ганнибалу». Римляне казнили более семидесяти человек из числа тех, кто склонялся к измене, конфисковали их имущество. Видимо, говоря о позициях ита-ликов в разгоравшемся конфликте, стоит сказать и о роли экономики... Рим к тому времени перешел на косвенное налогообложение, шла ли речь об имперских землях или крупных латифундиях. Колоны должны были отдавать треть урожая, тогда как две трети оставалось в их владении. К тому же они получали право владения участком земли вместе с прилега-ющим к нему домом, а также право продажи и передачи по наследству. А в это же время всюду на подвластных Карфагену территориях карфагенский сенат выжимал все соки из подвластных ему народов. В годы сицилийской кампании налоги с горожан выросли вдвое, и у крестьян отбирали половину урожая. Поэтому многие вовсе не торопились заменить относительно щадящую власть Рима на господство пунийцев, чья алчность не знала меры. Все это и объясняет смысл слов Полибия: «Невзирая на поражение римлян в двух битвах, до сих пор ни один из городов Италии не отложился от римлян и не перешел на сторону карфа-генян; все они оставались верными данным обязательствам, хотя жестко терпели от непри-ятеля». Пунийцы, являясь суровыми и надменными господами, облагали подданных огром-ной данью. Понятно, что те в ответ платили им ненавистью. Может быть, по этой причине пунийцы не смогли завоевать тех рынков, что фактически вошли в состав их державы. Пра-вители Карфагена проводили в отношении населения Италии политику «разделяй и власт-вуй», как делали по отношению к зависимому и рабскому населению самого Карфагена.

Переход войск Ганнибала через Альпы

В основе смертельной схватки лежали торговые интересы. Об истинных целях борьбы говорит и такой факт: победив и диктуя Карфагену условия мира, Рим потребовал от того перестать быть центром морской торговли и портом. Когда карфагеняне узнали об этом, послышались стенания и проклятия. Их ненависти, горю и отчаянию не было предела. Пылая злобой, они решили предать смерти всех бывших в городе италийцев. Их безумное поведение историки объясняют так: «Карфагеняне готовы были стерпеть все, даже рабство – сдались же они на милость римлян. Одного только они не могли стерпеть – потерю денег. А приказ римлян означал для них конец морской торговли, а значит, и богатств. Думать, что эти старые пираты и торгаши займутся земледелием, было просто смешно. Ради денег они завоевали Сицилию, ради денег они сражались с римлянами, ради денег они выдали им Ганнибала и теперь скорее готовы были все умереть, чем уступить свои деньги». Они решили драться, готовя оружие и катапульты. Александрийский грек Аппиан, сторонник римского владычества и монархии, вместе с тем довольно объективно описывал и историю Карфагена. Пунийцы осудили предателей и соглашателей, которые требовали передать врагу оружие, кораблей и боевых слонов. Карфагеняне заявили, что лучше уж «умереть вместе с родиной», когда та будет иметь оружие для битвы. К схватке готовились и стар и млад. Матери Карфагена, словно некие эриннии из античной трагедии, кидались к каждому встречному, побуждая его проявить мужество в битве. Они насмехались над теми трусами, что хотели предпочесть сдачу города мужественному сражению, напоминая о выдаче детей и предсказаниях. Это воздействовало на нерешительных. Все стали работать, превратив город в мастерские. День и ночь трудились мужчины и женщины, готовя оружие для решающей битвы.

Карта действий сторон во 2-й Пунической войне

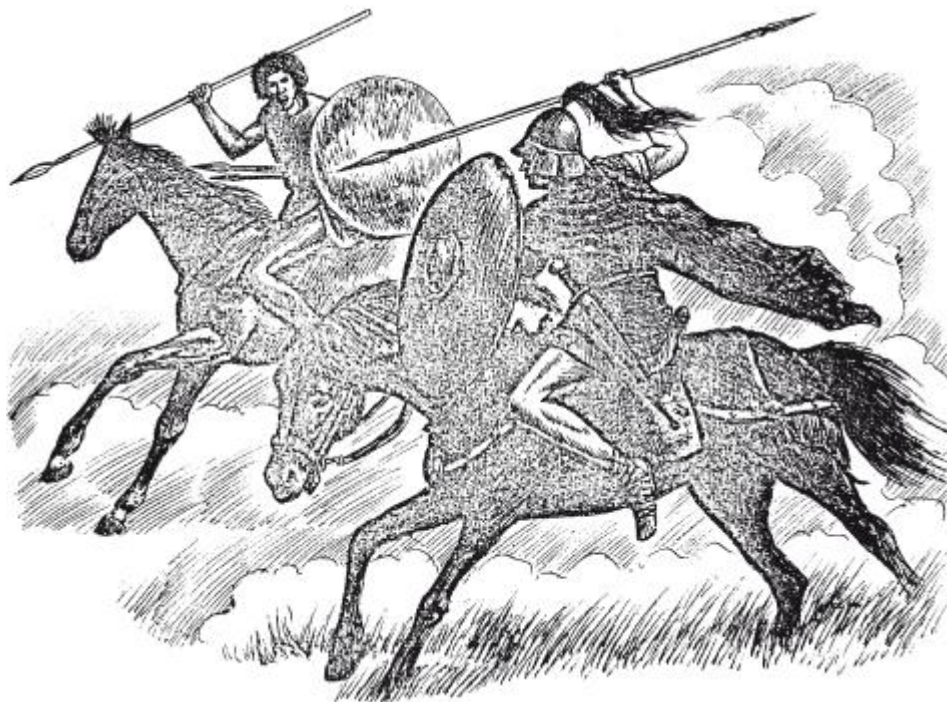
Все понимали, что в схватке гигантов, Рима и Карфагена, решался вопрос о «мировом господстве». Если в начале конфликта пунийцев с римлянами многие не ведали, ради чего весь сыр-бор, то по прошествии десятилетий смысл схватки стал ясен всем народам. Призом в схватке Ганнибала и Сципиона была власть над миром Средиземноморья. Постепенно римляне стали теснить карфагенскую державу. Причин тому немало. Во-первых, Рим защищал их земли против чужеземного агрессора. В отношении многих племен они и сами были агрессорами, но все же это был «свой» противник, более близкий к ним по языку и культуре, по вере и божествам. В ряде случаев это был спор, если угодно, двух соседских помещиков. Во-вторых, римское государственное устройство оказалось в ряде случаев надежнее карфагенской системы. Предпочтение должно быть отдано римскому государственному устройству перед карфагенским, ибо государство карфагенян каждый раз возлагало надежды сохранения свободы на чужие руки, на мужество наемников, а римское – на доблести собственных граждан и на помощь союзников. Полибий писал, что если римляне иногда терпят крушение вначале, зато в последующих битвах они восстанавливают свои силы вполне, а карфагеняне наоборот... «Отстаивая родину и детей, римляне никогда не могут охладеть в борьбе и ведут войну с неослабным рвением до конца, пока не одолеют врага». В-третьих, не добившись решающего перевеса, Ганнибал встал перед необходимостью вести войну в условиях недостатка ресурсов и слабости тылов. В длительной и ожесточенной военной кампании это чревато большими неприятностями. Причем неприятности могут прийти с любой стороны. Когда он, желая дать отдых войскам, разместил их на зимовку в процветающей, сытой и богатой Капуе, армия начала разлагаться... Тит Ливий пишет: «Большую часть зимы войско провело под кровлей. Солдаты давно притерпелись ко всем тяготам; хорошая жизнь была внове. И вот, тех, кого не могла осилить никакая беда, погубили удобства и неумеренные наслаждения – и тем стремительнее, что с непривычки к ним жадно ринулись и в них погрузились. Спать, пить, пировать с девками, ходить в бани и бездельничать вошло в привычку, и это с каждым днем незаметно подтачивало душевное и телесное здоровье. Кое-как еще держались памятью о прошлых победах. Знатоки военного дела считали, что Ганнибал совершил большую ошибку не после Канн, когда он не пошел на Рим, а именно сейчас: тогда можно было думать, что окончательная победа только отложена, сейчас силы победить были

отняты. Ганнибал вышел из Капуи словно с другим войском; от прежнего порядка ничего не осталось».

Трофей из римского оружия

Пунические войны велись с переменным успехом (264–146 гг. до н. э.). Даже подойдя к Риму, Ганнибал не смог взять столицы. Перед самым началом битвы, когда два войска стояли друг против друга, разразилась страшная буря, которая и на следующий день повторилась. Казалось, сами боги защищают Рим. И даже имея во главе столь талантливое, храброе и опытнейшее военачальника как Ганнибал, пунийцы не смогли одолеть римлян. Хотя имели самый мощный в то время военный флот в мире с самыми искусными капитанами и адмиралами.

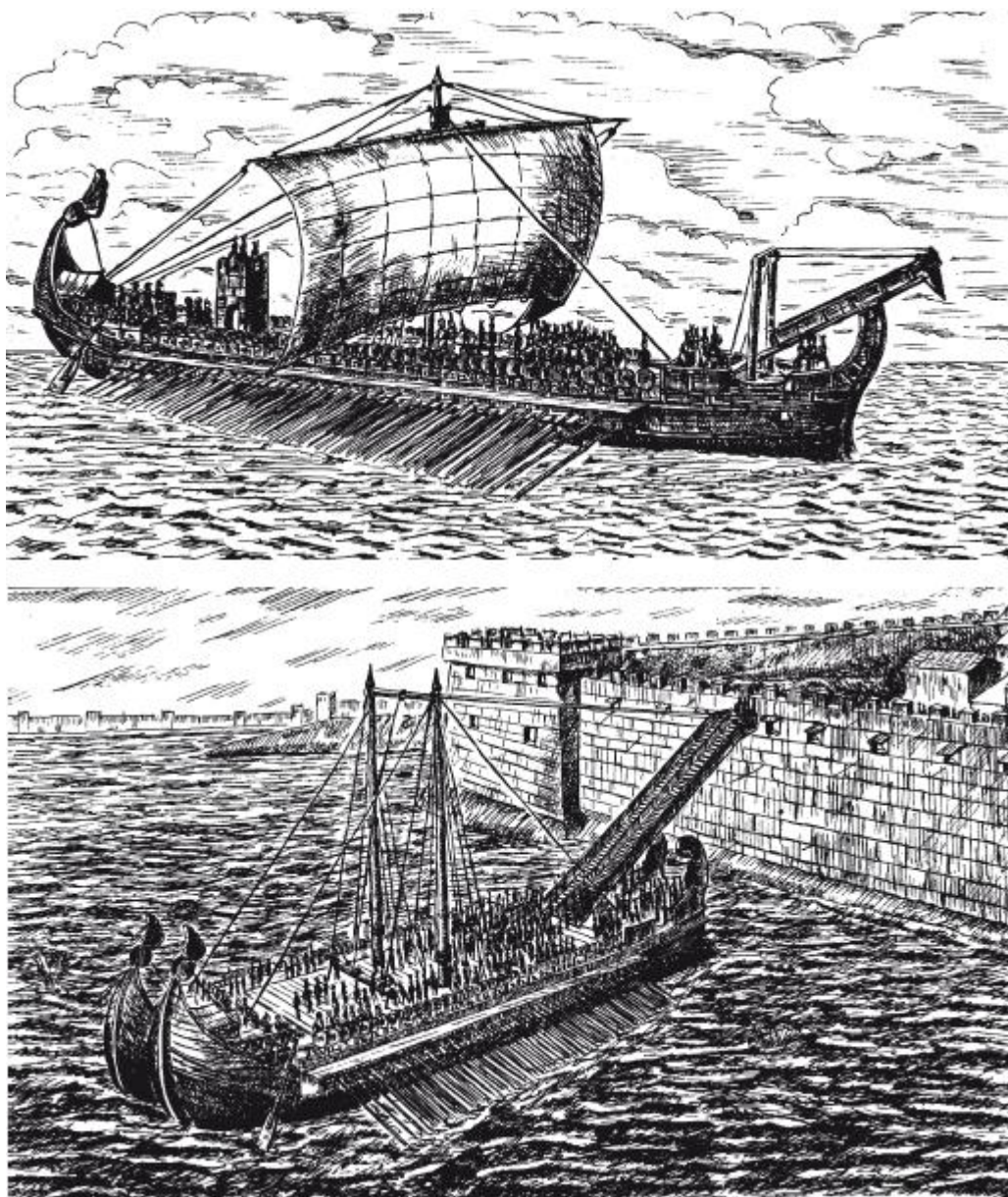
Нумидийский и римский всадники эпохи Пунических войн

Большое значение для общего итога битвы между Римом и Карфагеном имели морские сражения, поскольку обе сражающиеся стороны находились по разные стороны Средиземноморья. Эту сторону противостояния подробно представил С. Горьков в книге «Рим и Карфаген. Великая морская война». При сравнении потенциальных шансов воюющих держав можно предположить, что Карфаген, наследник превосходных мореходов-финикийцев, мировой торговец, окажется в преимущественном положении. Действительно, карфагеняне имели гораздо больший опыт в морском деле и превосходили римлян числом морских баз и их удобным расположением (это не только их базы в Африке, но и на Сицилии, в Сардинии и Корсике). Римский флот, можно сказать, только делал первые шаги. Первый поход римлян на Липарские острова (260 г. до н. э.) под командованием Гнея Корнелия закончился для них поражением. Его эскадра была заперта в гавани карфагенским полководцем Боодесом. Команда эскадры (в основном из греков) сбежала, а оробевший Гней, как сообщает Полибий, не нашел иного выхода как сдаться неприятелю.

Нумидийский всадник

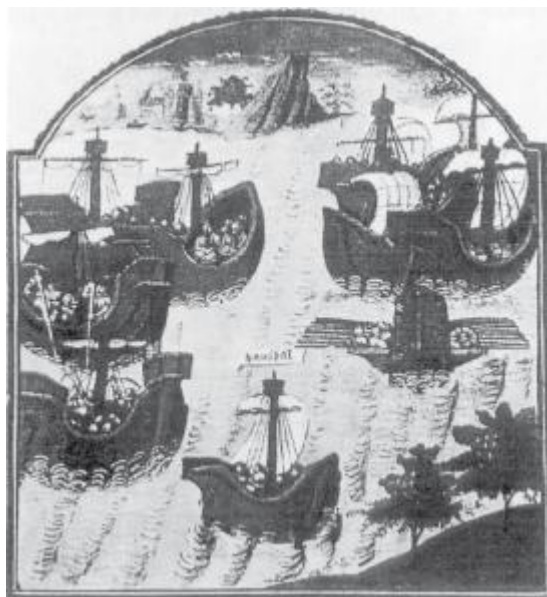
Однако римлян всегда отличало завидное качество, умение учиться на своих ошибках (по крайней мере в вопросах военных). И уже в первой серьезной битве у берегов северной Сицилии римляне сумели одолеть хваленых «морских волков» Карфагена. В ходе сражения при Милах (260 г. до н. э.), первого крупного морского столкновения двух сторон в 1-ю Пуническую войну, успех уже был на стороне римлян. Командование со стороны Карфагена осуществлял сам Ганнибал, а со стороны Рима – консул Гай Дуилий. Видимо, Ганнибал решил навязать Риму решающее морское сражение и уничтожить их флот. У карфагян было 130, у римлян – 120 кораблей, а может, и того менее – 100 кораблей. Суда римлян были тяжеловесными и неуклюжими, но более крупными и прочными. Карфагенская эскадра превосходила римлян скоростью и маневренностью, да и выучкой своих экипажей. Карфагеняне, как отмечает Полибий, на первом этапе сражения даже не считали нужным «соблюдать боевой порядок из-за презрения к неопытности римлян». Но такая недооценка сил противника дорого им обошлась. Римляне впервые применили специальное устройство – «ворон». Полибий писал: «Во время схватки суда каждый раз сцеплялись при помощи вышеописанных орудий, причем люди немедленно переправлялись по самому ворону и бой шел на палубах. Часть карфагян была истреблена. Другие в ужасе сдавались неприятелю, ибо морская битва обратилась в подобие сухопутной». Такой ход событий явно не был учтен Ганнибалом. Карфагеняне были в настоящем шоке.

Римские корабли – пентера и самбука

Римляне захватили и флагманский корабль Ганнибала, но полководец спасся, бежав с него в челноке. Авангард их был разгромлен. Основная масса пунийцев (100 кораблей) пыталась как-то окружить римлян, но безуспешно. Карфагеняне потеряли от 30 до 50 кораблей. О римских потерях точных сведений нет. Уже в этом сражении выявилось превосходство римлян в тактике, технике, но прежде всего в качестве abordажных команд («морской пехоты»). Впервые в истории военно-морского искусства произошло противоборство abordаж и тарана. Это была революция в военно-морском искусстве («эффект ворона»). Поражению карфагенян способствовал и просчет Ганнибала, разделившего силы при атаке и недооценившего противника. Победа позволила римлянам совершить в 259 г. до н. э. экспедиции на Корсику, Сардинию и другие острова (с Сардинии можно было получать хлеб, а с Корсики – корабельный лес). К тому же еще с 263 г. до н. э. по некоторым сведениям карфагеняне стали сосредотачивать большую часть своей армии на Сардинии с целью напасть на Рим. Если даже это и были слухи, но фактом являлось использование Сицилии как базы для карфагенских каперов, разорявших побережье Италии. И вновь победа досталась римлянам. В ходе экспедиций на Корсику, Сардинию, Липарские острова, Мальту римляне смогли лик-

видировать карфагенские военно-морские базы и создать там уже свои собственные базы. Важным фактором успеха римлян стала их способность перебрасывать крупные морские десанты. В ходе первых сражений проявился и талант римских адмиралов (Гая Дуилия). Инициатива на море перешла к Риму.

Корабль Ганнибала ускользает от римских судов

После битвы при Милах прошло 4 года. Римляне настолько уверились в своих силах, что решили предпринять высадку легионов в африканских владениях Карфагена. В случае успеха это позволило бы им разбить противника, и даже взять столицу, закончив войну в короткие сроки. Таков был их стратегический план. В ходе сражения при мысе Экном (256 г. до н. э.), около берегов Сицилии, римляне вновь разгромили флот пунийцев, захватив 64 корабля и уничтожив 30, тогда как сами они потеряли 24 корабля. В этом сражении вновь выявилась слабая подготовка пунийских экипажей, их нестойкость в битве, отсутствие у них должной зимовыручки. После этой битвы перед Римом впервые открылась заманчивая перспектива переноса театра сражений с пунийцами уже на африканский континент.

Абордажное сражение

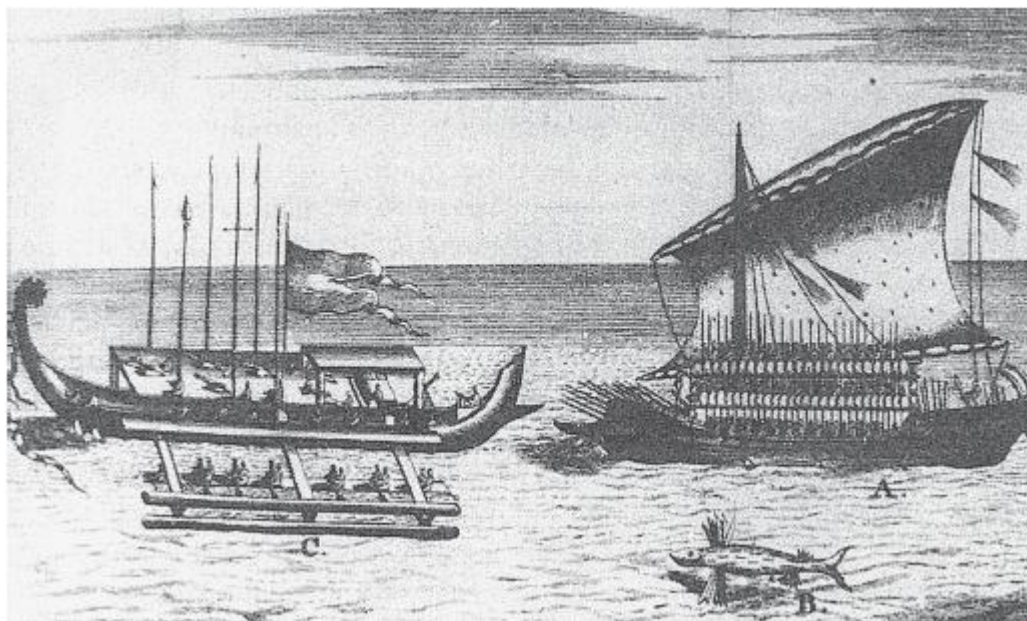
То, что битва с Карфагеном была для Рима трудной и требовала постоянного напряжения сил, свидетельствует морское сражение при Дрепануме (249 г. до н. э.). В той битве у римлян было преимущество. Их флот насчитывал 230 единиц, т. е. был больше, чем у карфагенян. В узкой гавани флот римлян оказался заперт в результате удачного маневра командующего пунийцев Артабала. Корабли римлян сбились в кучу. К тому же мелководье было причиной того, что римские суда часто оказывались на мели, садились кормой, оттеснялись к берегу или же разбивались о скалы. Римские потери составили 90 кораблей, большая часть которых была захвачена в плен. Консул Публий вынужден был отступить с 30 кораблями, что находились на левом фланге, – это все, что осталось от некогда грозного флота. В скором времени последует еще одно поражение поистине злосчастного Публия Клавдия Пульхра. Пунийцы у Лилибея напали на его эскадру из 110 кораблей. Часть судов карфагенский адмирал Карталон сжег, другие увлек с собой, что говорит в пользу версии, согласно которой римляне были застигнуты врасплох. Свидетельство Полибия о сожжении кораблей говорит о том, что впервые в 1-й Пунической войне были использованы какие-то зажигательные снаряды (или зажигательные смеси). Таким образом, римская блокада Лилибея, важного центра хранения припасов карфагенян, была ликвидирована. Видимо, свою роль в победе карфагенян сыграла и агентурная разведка. Уже в то время данные разведки во многом могли сыграть решающую роль в определении планов командования. Адмиралы Карфагена (Артабал, Карталон) на том этапе превосходили римлян. Так что в 1-й Пунической войне обе стороны имели как победы, так и поражения. Решающую роль с точки зрения противостояния сторон должны были сыграть сухопутные вооруженные силы и общий экономический и промышленный потенциал противников. Но римляне и флоту отводили более значительную, а по мнению некоторых, даже и решающую роль. Видимо, у них было больше кораблестроительных центров, что позволяло быстро восстанавливать флот и после катастрофических потерь.

Римский матрос и корабельный воин

Особо подчеркну, что римляне часто побеждали врага, несмотря на серьезные неудачи и даже тяжкие удары судьбы. После разгрома армии Регула огромный римский флот, эвакуировавший остатки экспедиционного корпуса из Африки, застигнут ужасной бурей. В итоге из 350 судов лишь 80 кораблей вернулось домой, погибли 70 тысяч гребцов и 25 тысяч сол-

дат. Через два года новая буря уничтожит еще 150 кораблей. В 249 г. до н. э. римлян постигла еще одна беда – 120 военных судов попали в шторм и почти все погибли. Казалось, Рим чем-то прогневал самого Посейдона. Но упорство народа достойно восхищения. Когда стало ясно, что без флота победы Риму не видать, флот уничтожен морем, мужи страны стали думать. Казна страны пуста. Что же делать? Тогда патриоты Рима, богачи, дали огромные деньги и на свои средства построили новый флот! В 241 г. до н. э. 200 боевых кораблей (с экипажем и 60 тысячами воинов) вновь вышли в море – и Victoria: разгромили в решающей битве флот пунийцев в битве у Эгатских островов. Эта победа во многом и предопределила исход войны на суше. Полагаю, этого никогда бы не сделали ни жадные пунийцы, ни тем более наши богачи, плуто-краты и иные вороватые морские чины и политики, развалившие флот России.

Корабли Древнего Рима

Флот обеспечил Риму господство на море, а это достигалось путем высокой численности римских эскадр (200 и более кораблей). У римлян всегда было больше военно-морских баз, что давало им возможность более гибкого маневра. Карфагенский же флот, по сравнению с 1-й Пунической войной, сократился количественно, что указывает на недостаток его финансирования и меньшие производственные мощности (по сравнению с Римом). Инициатива перешла к римлянам. Особое значение имели вопросы транспортировки войск. Ведь исход борьбы во 2-й Пунической войне в конце концов решался на суше. Легионы Рима успешно сражались и снабжались благодаря возможностям флота. В 146 г. до н. э. произошло последнее морское сражение – в 3-ю Пуническую войну, в водах в непосредственной близости от Карфагена. Соотношение сил было уже в пользу римлян. Сражение длилось один день и закончилось победой римлян.

Морская битва римлян и карфагенян

Видимо, стоит добавить, что без завоевания господства на море римляне не смогли бы окончательно одолеть могучий Карфаген, расположенную в Африке морскую державу. В этом плане показательна подготовка в 204 г. до н. э. экспедиции в Африку. Флот Рима был рассредоточен по нескольким гаваням. Сципион отдал приказ собраться всем кораблям и сухопутным частям в Лилибей. Тот должен был стать отправной точкой экспедиции. Ждали хорошей погоды. Моряки находились на кораблях в ожидании приказа. Античные авторы называют разные цифры численности собравшегося римского войска (пехота – от 10 000 до 35 000, конница – от 1600 до 2200 и более). И всю эту массу войск надо было погрузить на транспортные суда. Полагаю, это и сегодня было бы сложнейшей задачей (даже при наличии самого современного транспорта и техники). Достаточно упомянуть, что на римских кораблях находился запас пищи на 45 суток и вареных продуктов – на полмесяца. К осуществлению грандиозной операции привлекли около 400 транспортных кораблей. 40 военных кораблей должны были выполнять функции боевого охранения на море. Боевые корабли римлян были оснащены таранами. Все действия войск были четко расписаны и предусмотрены, чтобы не вышло путаницы. Грузовые суда на правом фланге должны были охраняться 20 военными кораблями, которыми командовал Сципион и его младший брат – Луций Сципион. На левом фланге располагались столько же военных кораблей под командой Гая Лелия, префекта флота, и квестора Марка Порция Катона. Военный корабль обозначался одним горящим фонарем, грузовой – двумя, а на корабле командующего ночью горело три фонаря (в качестве отличительного знака). Вероятно, флот римлян представлял собой весьма впечатляющее зрелище. Выстроенная в несколько кильватерных колонн римская армада растянулась как минимум на 5–6 км в длину. Не зря же посмотреть на это феерическое и величественное зрелище собрались тогда не только все жители Лилибея, но и посольства из городов всей Сицилии. Характерно, что историк Целий сообщает одну подробность этого события, выглядящую сказочным образом. Он уверяет, что от крика римских солдат и матросов птицы падали на землю, а на корабли взойшло столько людей, что, казалось, ни в Сицилии, ни в Италии никого не осталось. Блестяще организованная операция удалась. Флот Сципиона достиг берегов Африки и вскоре началась высадка войск у мыса Прекрасный. Это свидетельствовало о силе Рима и скором приближении развязки в битве с Карфагеном. Добавим, что по условиям мира, к которому римляне вынудили в 201 г. до н. э. Карфаген, тот выдал Риму

все свои военные корабли. Морское могущество великой державы было подорвано окончательно, и ее уничтожение было уже не за горами. Об этом нелишне вспомнить тем нашим правителям и флотоводцам, которые за последние 15 лет фактически уничтожили российский флот!

Римский рельеф с изображением транспортного судна

Порой у историков приходится встречать мнение, что Ганнибала от его победы отделяло лишь маленькое усилие. Казалось, сделай он одно усилие – и вот она в руках, желанная победа! Л. Гумилев говорит: «Вспомним трагедию Ганнибала, задыхающегося в неравной войне на пороге победы. После битвы при Каннах ему нужно было небольшое подкрепление, отряд пехоты, чтобы взять Рим и тем спасти Карфаген. Доводы, которыми оперировали в карфагенском сенате старейшин послы Ганнибала и сторонники фамилии Барка, были безукоризненны. Но желающий не слышать – не услышит, стремящийся не понять – не поймет. Старейшины Карфагена послали полководцу ответ: «Ты же побеждаешь, так зачем тебе еще войска?», чем обрекли на гибель своих внуков. А ведь нельзя сказать, что карфагенские правители были глупы или трусливы. Но влияние отсутствующего на них не распространялось. А когда побежденный Ганнибал вернулся в родной город, то оказалось, что его популярность столь велика, что (его) могучие соперники вынуждены были склониться перед ним, и только ультиматум Римского сената вынудил Ганнибала покинуть родину». Мнение поверхностное.

Легкие корабли римлян в походе

Дело заключалось отнюдь не «в небольшом подкреплении», не «в отряде пехоты», «не в одном полке» или даже целой армии, которой якобы не хватило тому или иному полководцу для его окончательной победы – в данном случае взять Рим. Конечно, решающую роль играли громадные людские ресурсы Рима. Ганнибал бил римлян не один раз, но им каждый раз удавалось восстанавливать свои силы и набирать новые войска. Полибий дает сведения, собранные сенатом в 226 г. до н. э. перед угрозой галльского вторжения. Согласно этим сведениям Рим смог бы выставить при необходимости 700 000 пеших воинов и 70 000 всадников. Из этого числа 150 000 пехотинцев и 26 000 всадников были из Самния, Лукании и Калабрии, то есть из мест, что Рим на время утратил после поражения в битве при Каннах. Хотя Ганнибал раз за разом разбивал войска римлян, те возникали вновь и вновь, словно феникс из пепла... При Требии он разбил войско знаменитого Сципиона (тогда римляне потеряли убитыми 20 000 человек). Правда, Сципион еще не оправился от раны, и командование перешло в руки второго консула, Семпрония. Ганнибал перебрался через Апеннины в 215 г. до н. э. и застал консула Фламиния врасплох. Переход был трудным, войска шли через болота. Большая часть вьючных животных пала. Великий полководец потерял глаз (лечиться было некогда, глаз вырезали с гноем). Ганнибал не стал ждать, пока соединятся войска двух римских консулов, – ударил по врагу. Не на высоте оказалась и римская разведка. Столкнувшись с воинами Ганнибала, легионеры отважно сражались, но после того как кельты отрезали им путь к отступлению, а консул Фламиний был убит, они отступили. На следующий день им пришлось сдаться. Римляне потеряли около пятнадцати тысяч и столько же их захватили в плен. Ганнибал оставил на поле сражения 1500 убитых (в основном кельтов).

Ганнибал – победитель. Статуя работы С. Шлоца

В 216 г. до н. э. консулами избраны были Варрон и Павл. При Каннах римляне решили дать Ганнибалу решающее сражение, собрав внушительную армию в 150 000 человек (16 легионов). То был самый кровавый день в истории Рима. На поле сражения остались лежать «командармы»: Павл, консулы Гемин и Регул, начальник конницы Минуций Руф, квесторы обоих консулов и 80 сенаторов. В итоге в трех катастрофах Рим потерял 100 000 человек. Отчаяние охватило Рим, вопли и стоны слышались всюду. Погруженные в мрачные думы, сенаторы не знали, что делать дальше. А толпа выместила злобу на двух весталках, которых обвинили в нарушении обета девственности. Одна покончила самоубийством, другую похоронили заживо. На скотном дворе сожгли живьем грека и гречанку, а также двух кельтов, мужчину и женщину. Но главное другое: Рим сжал зубы и решил сражаться до конца. Диктатор, каковым был избран Марцелл (претор и командующий флотом), объявил срочный набор в армию. Набору подлежали все мужчины старше 17 лет. Так создали два новых легиона. Сформировали и еще два легиона добровольцев (из рабов), пообещав им за доблестную службу по защите римского государства дать вольную. Освободили на тех же условиях и 6000 преступников. Сенат отказался вести с Ганнибалом переговоры о мире, отказался даже принять пленных римских солдат (хотя те готовы были и сами заплатить выкуп). Их продали греческим работоторговцам. Рим перешел к тактике выжидания, мелких стычек, изматывания противника. Возникла даже фраза: до разгрома при Каннах римские армии шли на битву, после Канн – на войну.

Фреска Д. Рипанда. Ганнибал в Италии. Рим

Ганнибал

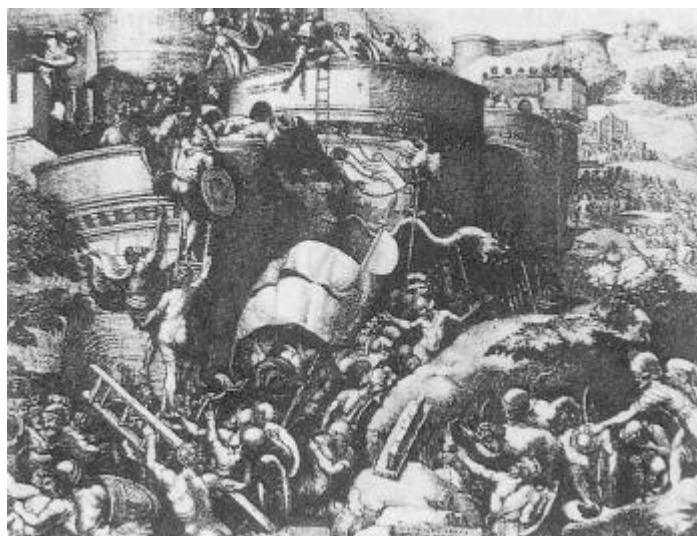
Знаменательно, что именно война против Карфагена, «первая мировая война» в истории, не только выдвинула Рим на первые роли в мировой политике, но явила миру такую величественную фигуру, как Публий Корнелий Сципион. Он станет известен миру как Публий Африканский (185–131 гг. до н. э.). В самом деле, это был достойный человек. Привлекают нас его человеческие качества. Он любил книги, поэзию, умную беседу с друзьями, любил долгие прогулки в лесу и по берегу моря, а также охоту. В то же время он терпеть не мог Форум и его политиков, их бесконечную и порой откровенно пустую болтовню. Суды же он ненавидел. Его душе была свойственна щедрость и удивительное равнодушие к богатствам. Когда в наследство от Сципиона Великого он получил огромное состояние (в драгоценностях), все эти «бирюльки» он отдал матери, а после ее смерти передал сестрам. Зятьям Сципиона, Тиберию Гракху, Назике, выплатил сразу всю сумму, хотя мог выплачивать и три года. Одним словом, это был щедрый и благородный человек. Публий Сципион имел железное здоровье, никогда не болел. В личной жизни был воздержан и чурался низких удовольствий. Так он сохранил здоровье и душевную крепость. Одевался просто и презирал любые украшения. Искусный воин, он и оружие любил простое, не дорогое. Будучи закален, зимой

и летом он носил тогу с короткими рукавами. Пищу ел простую. Другьям он позволял жить у него в доме, и те ни в чем не знали отказа.

Сципион Африканский

Таковы же были многие его друзья. Среди них выделялся умница и красавец, поклонник наук Лелий, прозванный за ученость Мудрым. Гораций применял к нему выражение «ласковая мудрость». Римское государство не породило никого более высоко просвещенного, чем Публий Африканский и Гай Лелий, которые открыто общались с образованнейшими людьми Греции (Цицерон). Дома они часто устраивали веселые обеды, «приправленные милой беседой». Эти беседы перемежались шутками, остротами, забавными историями и рассказами. Но, конечно, не эти умные беседы или забавы сделали из этого человека героя. По словам Плиния, Публий занял первенство в трех важных сферах человеческой жизни – он был лучший оратор, лучший император и лучший сенатор (то есть лучший полководец и государственный деятель). Соглашаясь с этим, наш автор добавляет: Сципион – единственный из людей Античности, а может быть, и «всей человеческой истории, о котором не сохранилось ни одной низкой сплетни, ни одного грязного слуха». В глазах римлян он стал живым идеалом, «совершенством», как называл его Полибий. Историк, который имел на руках семейные архивы Сципиона и побывал на полях сражений, говорил, что тот подобен прекрасной статуе, произведению великого мастера, где продумана и важна каждая, пусть и малая, деталь. Для Цицерона Публий был воплощением понятия *humanitas*, то есть квинтэссенция лучших человеческих качеств, ибо он в жизни «ничего не подумал, ничего не сделал и ничего не сказал, что не было бы достойно восхищения» (Патеркул). Эта великая личность – «солнце Рима».

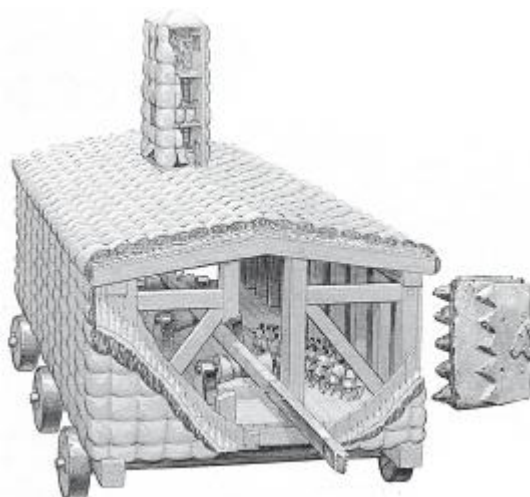
Гравюра Г. Пенца. Взятие Нового Карфагена

Скажем, вот Сципион берет штурмом Новый Карфаген (209 г. до н. э.). Город основан зятем Гамилькара и считался столицей баркидского «царства», занимая важные стратегические позиции. Фактически это был ключ ко всей Иберии. Его считали «крепостью-сейфом», вероятно, в силу неприступности и хранения тут огромных сокровищ пунийцев – груд золота и серебра. Сокровища свозились сюда со всей Испании, которую карфагеняне обирали почти 30 лет. Вызывает недоумение то, что город охранялся всего тысячей солдат. У Сципиона же было 25 тысяч пехотинцев и 2500 конников. Силы сторон были неравны. Схватка за город была отчаянной. Пунийцы сражались отважно, но, видя, что все захвачено врагом, вынуждены были сдаться. Пока происходила сдача, по всему городу избивали людей, не щадя никого из взрослых. Затем римляне занялись добычей. В их руки попало огромное количество военного снаряжения – катапульты, баллисты, скорпионы; а также 63 транспорта и 8 боевых кораблей, многие из них с грузом. Им досталось несметное количество золота, серебра: двести семьдесят золотых чаш; серебра в слитках или же в монетах восемнадцать тысяч триста фунтов, большое количество серебряной посуды и т. д. По сравнению со всем этим богатством, как признается римский историк Тит Ливий, сам по себе Новый Карфаген «стоил малого», хотя полагаю, что потеря стратегически важной крепости означала серьезный удар по планам Ганнибала.

Римские солдаты идут на штурм

Свободных людей мужского пола в Новом Карфагене было захвачено около 10 тысяч. Как поступил Сципион с захваченными в плен людьми? Граждан он отпустил, возвратил им город и имущество, то, что уцелело от войны и грабежа. Две тысячи ремесленников были объявлены рабами римского народа. Правда, их он обещал освободить, если те будут усердно изготавливать все, нужное для войны. Часть сильных рабов и неграждан Сципион отправил на суда, чтобы пополнить число гребцов римского флота. Умно и дальновидно поступил он с испанцами, находившимися в городе в качестве заложников, объявив, что позаботится о них как о детях союзников. Военачальник римлян успокоил их, сказав, что теперь они во власти римского народа. Рим же предпочитает благодетельствовать своим союзникам, а не устрашать народы. Лучше привязывать к себе доверием и добрым союзом, нежели держать людей в прискорбном рабстве. Он узнал, кто из какого племени или города, и послал к ним гонцов: пусть приходят за своими.

Таран, описанный Витрувием

Автор книги о Ганнибале французский историк С. Лансель, не говоря уже о Ливии, конечно, рисуют исключительно радужными красками образ Сципиона. Скажем, вот одна из

многочисленных историй такого рода. Как-то к римлянину, плача, обратилась знатная женщина племени илергетов. Она попросила у него защиты для молодых и красивых девушек Испании (от слишком назойливых римских солдат). Сципион сказал: «Ни я, ни один народ римский не допустим, чтобы было оскорблено то, что где-либо почитается святыней. Я еще внимательнее отнесусь к вам, уважая ваше достоинство и мужество: и в беде не забыли вы о чести свободной женщины». Как-то римские солдаты привели к нему редкой красоты молодую девушку. Куда бы та ни шла, все оборачивались, глядя ей вслед, – столь редкой красоты была эта девушка. Расспросив ее о ее родине и родителях, узнав, что она просватана за кельтиберского знатного юношу, он тут же пригласил к себе ее родителей и жениха. А узнав, что юноша страстно влюблен в свою невесту, Сципион обратился не к родителям, а к нему с тщательно обдуманной речью. То была речь опытного дипломата: «Я говорю с тобой, как юноша с юношей, – не будем стесняться друг друга. Когда наши солдаты привели ко мне твою взятую в плен невесту и я узнал, что она тебе по сердцу, – а этому поверишь, взглянув на нее, – то, не будь я поглощен делами государства и если можно было бы мне насладиться радостями юной, брачной и законной любви и дать себе волю, я пожелал бы твою невесту со всем пылом возлюбленного, – но сейчас я, насколько могу, только покровительствую твоей любви. С невестой твоей обращались у меня так же почтительно, как обращались бы в доме ее родителей или у твоего тестя. Я оберегал ее для тебя, чтобы нетронутой вручить ее тебе как дар, достойный меня и тебя. И за этот подарок я выговариваю себе только одно: будь другом римскому народу». Слова эти глубоко растрогали юношу. Родители невесты также отреагировали подобающим образом: принесли много золота в качестве выкупа и попросили Сципиона принять в дар.

Дж. Б. Тьеполо. Великодушие Сципиона

Но тот велел сложить золото к своим ногам, а затем пригласил юношу Аллуция и заявил: «Сверх приданого, которое ты получишь от тестя, вот тебе мой свадебный подарок». И велел взять это золото. Понятно, восхищенный юноша после возвращения домой стал восхвалять землякам Сципиона, говоря: с неба явился богоподобный юноша, побеждающий всех не только оружием, и быть может даже не столько оружием, но удивительной добротой и благодеянием. И пусть эта легенда носит явно мифологическо-агитационный характер, она все же символична. Пунийцы проигрывали в сравнении с Римом: они коварно убили послов Рима, напав на них из засады, убили полководца римлян Регула, когда тот сдержал слово и вернулся в Карфаген. Рим же старался соблюдать договора, чаще проявлял гуман-

ность, справедливость, благородство в отношении врагов. В этом пытается убедить Полибий, и, читая его талантливую исповедь, веришь.

Пунийская крепость близ Карфагена

Конечно, благой образ Сципиона, представленный Полибием, можно объяснить и близкими отношениями между историком и семейством Сципионов. На деле все стороны, как мы вам показали, не останавливались перед самыми крайними мерами, рассчитывая утратить противника. При этом римляне не уступали ни в жестокости, ни в коварстве пунийцам. Так, когда римский полководец Марк Клавдий Нерон разбил в сражении войско брата Ганнибала, Гасдрубала, он тут же повел себя как варвар: отрезал ему голову и швырнул к аванпостам лагеря Ганнибала. Так же поступали сражавшиеся против пунийцев на стороне римлян рабы (видимо, кельтского происхождения). Они отрезали головы поверженных противников и, держа под мышкой сей кровавый «сувенир», продолжали бой. Говорят, что иные римляне, стремясь во что бы то ни стало одолеть противника, отказывались даже от самого ценного украшения мужчины – отрезали себе бороду, чтобы враг не смог их схватить за нее в рукопашном бою. Все ради одного – ради победы!

Оставив в стороне иные идиллические описания, признаем все же, что в лице Сципиона Африканского Рим действительно обрел гениального полководца. Он «постиг тайну тактического превосходства карфагенян». И ему удалось разбить великого пунийца во многом потому, что армия Рима стала более маневренной и гибкой. Сципион изменил боевой порядок, объединив 3 манипулы в когорты (батальон). Он сделал так, что все подразделения (гастаты, принципы, триарии) стали в равной мере боеспособны и активны. Появилась вторая линия боевого порядка. Конечно, Сципион – военный диктатор. Некий сенатор верно сказал о нем: «Он поддерживает дисциплину в армии в стиле монарха» (Фабий Кунктатор). Сципион любил греческую литературу и философию, брал в качестве примера для подражания лучшие образцы культуры Греции и Рима, старался усвоить их, отбросив грубость и узость раннего Рима. Подходы Сципиона следует усвоить и нам. Вожди России должны знать и ценить дореволюционную русскую культуру, вместе с тем относясь с уважением к мировой культуре, значительным достижениям СССР.

Тойнби назвал это противостояние двух великих держав «единой Пунической войной, разделенной на два периода». Начавшееся в 264 г. до н. э. противоборство Рима и Карфагена

закончилось битвой при Заме. В битве при Заме (201 г. до н. э.), что находится от Карфагена в пяти днях пути, Сципион наконец-то одолел великого пунийца, непобедимого Ганнибала. Это сражение было последним сражением 2-й Пунической войны. Битва была яростной. «Лучший эллин того времени», Полибий, который сам сражался бок о бок с римлянами, писал: «Никогда еще не было столь испытанных в бою войск, столь счастливых и искусных в военном деле полководцев, никогда еще не сулила судьба борющимся столь ценных наград. Победителю предстояло получить власть... над всеми дотоле известными нам странами мира». Карфаген сражался за сохранение власти над Африкой (хотя и не только), римляне же – за мировую империю. Рати Ганнибала («мешанина наций и языков»), состоявшие из наемников, дезертиров и рабов, вначале сражались мужественно. Много смешалось здесь языков «разноземных народов» (Гомер). Но вскоре не выдержали римского напора и побежали. К тому же в ходе самой битвы выяснилось, что карфагеняне бросили на произвол судьбы ближайших союзников. Римлян пало 1,5 тысячи, карфагенян – около 10 тысяч, почти столько же воинов римляне смогли взять в плен. Победа досталась римлянам не только благодаря мужеству воинов, но благодаря качеству оружия, умелой военной тактике – манипулы римлян легко маневрировали. Но главным условием побед Рима было все же превосходство римских войск в дисциплине.

Ж. Ромен. Атака слонов Ганнибала в битве при Заме. Лувр

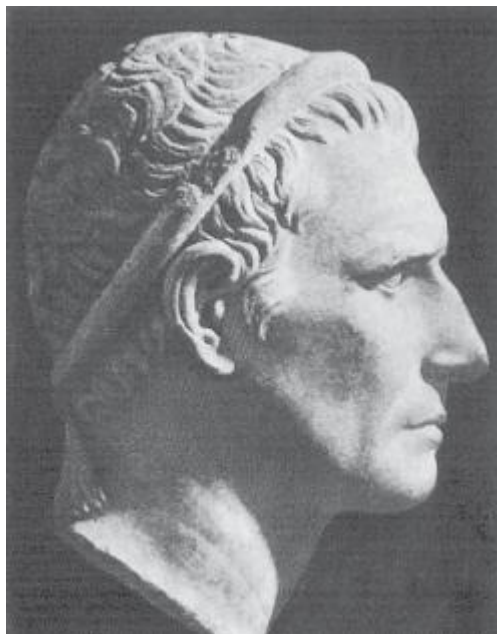
Тит Ливий пишет: «Африканцы и карфагеняне, занимавшие вторую линию, не помогали своим отступавшим союзникам, более того, и сами начали отходить, испугавшись, как бы римляне, перебив на передовой упорно сопротивлявшихся, не добрались до них. Тогда сражавшиеся на первой линии вдруг повернулись лицом к своим: одни пытались найти прибежище во второй линии, а другие, поняв, что их сначала оставили без помощи, а теперь отгоняют, стали избивать своих, не принимавших их к себе. Шли как бы два перемешанных между собой сражения: карфагенянам приходилось биться одновременно с неприятелем и со своими». Так карфагеняне предали своих союзников. Победа Рима была полной. Тот стал еще сильнее, а Карфаген в итоге многолетних битв на суше и на море лишился всех шансов на мировое лидерство.

Следует назвать еще одну причину (возможно, самую важную), что склонила чашу весов в пользу Рима. Известно, что в таких кровопролитных битвах многое решают резервы. Ко времени схватки с Карфагеном римляне и италийцы, несмотря на противоречия и обиды, уже составляли единую нацию. Хотя латинские союзники Рима часто и жаловались на то, что основная тяжесть войны и страданий ложится на их плечи и их земли (и это была чистая правда), хотя Ганнибал и старался подкупить их, отпуская пленных домой без выкупа, тогда как римляне ссылали таковых за пределы Италии – в Сицилию, все же большинство колоний упорно продолжало поддерживать Рим в смертельной схватке. Впрочем, в 209 г. до н. э., когда исход битвы был еще не вполне ясен, 12 из 30 римских колоний отказались предоставлять деньги и новобранцев Риму. Причем, ни угрозы, ни уговоры римских сенаторов не подействовали на послов. К величайшему облегчению римлян скоро выяснилось, что 18 колоний все-таки готовы выставить столько воинов для продолжения битвы с Карфагеном, сколько будет необходимо. Это был момент истины... Он означал, что не прошли даром годы сотрудничества и братства по оружию. По мнению современников и наших историков, именно поддержка 18 колоний борьбы римлян против пунийцев в конечном счете и принесла победу Риму (Е. Родионов). С тех пор колонии-друзья удостоивались всяческих похвал и льгот, тогда как 12 колониям-отказникам был устроен Римом настоящий бойкот. Общение и даже упоминание о них было запрещено. Их статус в дальнейшем считался пониженным. Хотя замечу, что ни одна из них не стала призывать на свою защиту пунийцев. Знаменательный факт, который говорит о том, что все жители Италии по-прежнему видели свою судьбу и свое будущее в составе Римской Республики. История древнего Рима подсказывает и нам некоторые параллели... Разве граждане Советского Союза и бывшей России не чувствуют себя по сей день частями единого великого целого?! Разве сотни лет жизни в одном могучем государстве уже забыты нашими народами и ничего не стоят?! Понятно, что эту священную память не убить и не вытравить никакой пропагандой, не убить никакими щедрыми посулами и обманами (обещаниями включить их в «единую Европу» и т. п.). Даже если политические элиты тех или иных стран при этом будут купаться в золоте, поступающем из подвалов «нового Карфагена» – США! Надо слышать этот зов народов и внимать ему! Иначе народы просто уничтожат политические «элиты», действующие вразрез с историей и задачами государств. И будут абсолютно правы!

Сципион

Сципион изменил судьбу Рима. Он вышел на арену истории, когда власть Рима не простиралась даже на всю Италию. Когда же он уходил, Рим стал не только хозяином всего средиземноморского мира, власть его простерлась на все страны Европы, на Восток, Африку, Малую Азию. При этом он не стремился создать деспотическую империю, хотя территориальные приобретения и играли весьма существенную роль. Великое будущее Рима он видел на пути создания мощного имперского «ядра», представляющего конфедерацию народов и стран во главе с Римом. Среди этих стран Рим должен был обладать безусловным политическим, военным авторитетом и коммерческой гегемонией. Харт так пишет о Сципионе: «Труды Цезаря вымостили путь к упадку и падению власти Рима; труды (же) Сципиона сделали возможным мировое сообщество независимых государств, признающих верховенство Рима, но сохраняющих независимые внутренние органы, необходимые для питания и продолжения жизни политического тела. Владей его наследники хоть каплей мудрости и дальновидности Сципиона, Римская империя могла бы принять курс, аналогичный курсу современной Британской империи, и, путем создания кольца полунезависимых и здоровых буферных государств вокруг сердца римской власти, варварские вторжения были бы отражены, ход истории изменился бы, и прогресс цивилизации избежал бы тысячелетнего пребывания в коме». Нам показалось, что эти слова во многом верны – и не только для Рима, ресурсы которого и тогда были все же весьма ограничены, сколько для современной и будущей России, которая имеет иное, более естественное геополитическое окружение стран, бывших ее частью.

Антиох III Великий

Вернувшись в Карфаген (после тридцатишестилетнего отсутствия), Ганнибал заявил сенату, что проиграл не сражение, а всю войну, и надо добиваться мира. Роль полководцев в истории Карфагена была велика. Они обладали верховной исполнительной властью, хотя высшей властью и считалось народное собрание. Их борьба против олигархов вызывала у плебса симпатии. Ведь не только своими военными успехами и полководческими талантами обязан Ганнибал той славой, что сопутствует ему в веках. Он был популярен у народа благодаря тем суровым мерам, которые принял против толстосумов Карфагена. Ганнибал, писал Ливий, снискал расположение плебса и ненависть большей части «принцепсов» и аристократии. Осуществленная Ганнибалом реформа общественного строя ограничила всевластие олигархии и усиливала в карфагенской «конституции» действие демократических элемен-

тов. Позитивный характер его акций не вызывал сомнений, хотя были издержки (появились демагоги типа Гасдрубала). Накануне 3-й Пунической войны массы уже играли довольно важную роль в политической жизни тогдашнего мира.

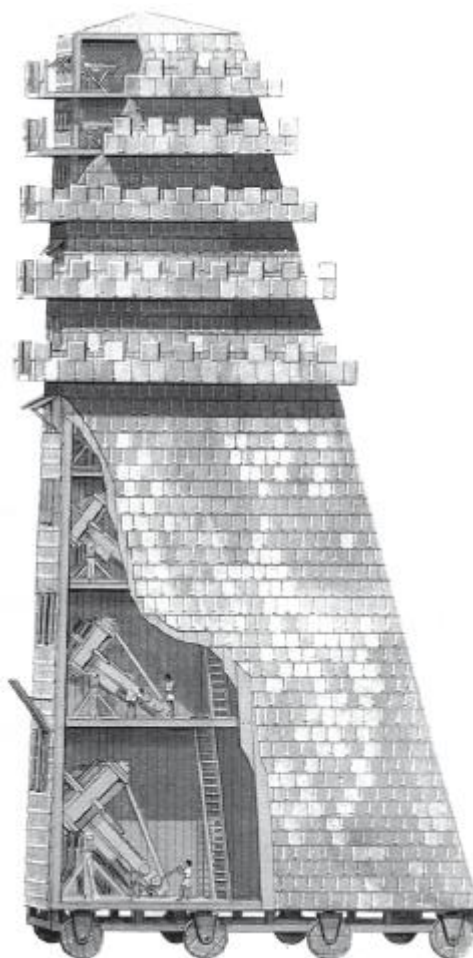
Что же касается дальнейшей судьбы Ганнибала, то он более трех десятилетий еще непримиримо сражался против Римской империи. Потерпев ряд поражений, полководец уехал из Карфагена и направился ко двору Антиоха III, рассчитывая поднять против Рима Восток... Ганнибал благополучно добрался до Тира – там, у основателей Карфагена, он был принят как прославленный соотечественник, со всеми возможными почестями. И уже оттуда через несколько дней отплыл в Антиохию, где узнал, что царь Антиох двинулся в Азию. Ганнибал встретился с его сыном, но не мешкая поплыл дальше, нагнав царя Антиоха в Эфесе. «Тот все еще колебался и не мог отважиться на войну с Римом, прибытие Ганнибала сыграло немалую роль в принятии им окончательного решения». Ганнибал посоветовал ему вести войну на землях самого Рима, ибо только так можно было победить империю. Нет никаких сомнений, что Ганнибал был из той же породы солдат-завоевателей и авантюристов, что и Александр Македонский, хотя в этом ряду ставил себя выше Александра. Жажда славы и мирового господства двигала им. Ради этого он сжег 400 городов Италии, погубил в сражениях 300 тысяч человек.

Ганнибал в годы изгнания. Бюст из Капуи

Впрочем, все страны и цари сражались за власть и богатства. Когда Ганнибал увидел огромную армию Антиоха, разукрашенную золотыми и серебряными значками и дорогим оружием, то на вопрос Антиоха «Не считаешь ли ты, что все это достаточно для римлян?» он довольно ехидно заметил: «Да, вполне достаточно для римлян всего этого... Они очень жадны». Но и его собственная жадность была ничуть не меньшей. Старый вояка никак не мог успокоиться, хотя и, по словам Плутарха, «уподобился старой птице, потерявшей оперение и неспособной летать». В дальнейшем он побывал в Армении, где основал город Арташат на Араксе, затем объявился на Крите, а закончил жизнь, находясь у царя Прусии, в Вифинии, где его и решили выдать Риму. Не дожидаясь позора, 60-летний воин принял яд, сказав: «Избавим римлян от их давней заботы, раз уж им невтерпёж дожидаться смерти старика». Его похоронили на берегу Босфора, в Либиссе. Лаконичная надпись на саркофаге гласит: «Ганнибал здесь погребен».

Стоит подчеркнуть, что Ганнибал проявил себя не только как выдающийся полководец, но и как государственный деятель после того, как Большой Совет назначил его суффе-том – высшим должностным лицом Карфагена. После победы римлян в битве при Заме Рим продиктовал карфагенянам условия мира: выдача дезертиров, пленников и обращенных в рабство; выдача всех слонов и запрет на обучение новых; выдача всех военных кораблей за исключением 10 трирем; запрет на ведение любых военных действий Карфагеном без разрешения Рима; признание царем Нумидии Масинисса; поставка хлеба и денег для союзных Риму армий; наконец, выплата в качестве контрибуции 10 тыс. талантов серебра Риму в течение 50 лет, а также отправка в Рим 100 заложников (отобранных Сципионом лично). В конце концов мир заключили через 40 лет после окончания Первой Пунической войны. Пунийцы выполнили все условия, хотя и попытались обмануть римлян во время выплат первых репараций. Предки иудеев тяжелее всего расставались с деньгами, в итоге, присланное ими из Карфагена в Рим серебро на четверть состояло из примесей. Ганнибал тут же провел специальное расследование. Выяснилось, что «рыльце в пушку» у Совета судей. И тогда он предпринял самые решительные действия, чтобы искоренить взятки и коррупцию. Он доказал, что при сильной власти можно честно выплачивать репарации и при этом не допускать роста цен и повышения налогов. Две с лишним тысячи лет спустя мы не можем похвастаться такими же успехами. Может дело в том, что у высшей власти в России не было того авторитета, что у Ганнибала. Благодаря его жесткой и твердой политике в отношении олигархов положение Карфагена в области финансов улучшилось, несмотря на выплату репараций Риму. Увы, все его усилия по защите родины не были по достоинству оценены согражданами. Более того, Ганнибалу пришлось бежать из страны. Большой Совет объявил его вне закона, конфисковав все оставленное им имущество. В последние годы жизни Ганнибал выступил на стороне владыки Сирии, Антиоха. Однако даже его талант военачальника не помог Антиоху и тот был разбит римлянами. После поражения Антиоха Ганнибал направился в Армению, к царю Арташесу I, где выступил экспертом по градостроительству. Он предложил возводить город квадратами, объяснив все преимущества прямоугольной планировки строительства. На таких принципах и был построен город Арташат, столица Армении.

Штурмовая башня

Ливий так представил последние дни Ганнибала: «Когда впоследствии Антиох был побежден и Ганнибал бежал отсюда и блуждал по Вифинии, Фламинин, отправленный к Прусию (Прусий I, царь Вифинии. – В. М.) в качестве посла по другому вопросу, не получив раньше от Ганнибала никакой обиды, не имея и от римлян такого поручения, так как после покорения Карфагена он уже не мог быть страшным для римлян, при посредстве Прусии добился того, чтобы Ганнибал погиб от яда». Понятно желание Ливия попытаться снять с римлян подозрение в убийстве, но ближе к истине Корнелий Непот, который заявляет прямо, что за смертью Ганнибала в 182 г. до н. э., конечно же, стояли римляне.

До нас так и не дошли точные портреты этого великого карфагенянина. Есть монеты с изображениями африканских слонов, но нет монет с изображением головы Ганнибала. Нет уже и следов его походов, кроме мемориальной плиты из бронзы в итальянском храме. Но это один из самых запоминающихся образов во всемирной истории. Римляне долго будут вспоминать о нем со смесью страха и уважения. И во времена Ювенала детей пугали словами: «Ганнибал у ворот!».

Интересно, что в тот же самый год умер и Сципион Африканский, и тоже в изгнании. Два самых выдающихся противника и величайших полководца были отвергнуты родиной. В Риме Сципиона Африканского обвинили в том, что он якобы присвоил общественные деньги, и мир с Карфагеном заключил исключительно ради своей выгоды. Вызванный в суд, он явился, принес достоверные документы, доказывавшие его полную невиновность. Оскорбленный недоверием сограждан, Сципион счел ниже своего достоинства показывать

их в суде и предпочел удалиться в свое деревенское поместье. Перед смертью он повелел выбить на могильном камне слова: «Моя неблагодарная страна не получит моих костей».

Римские солдаты

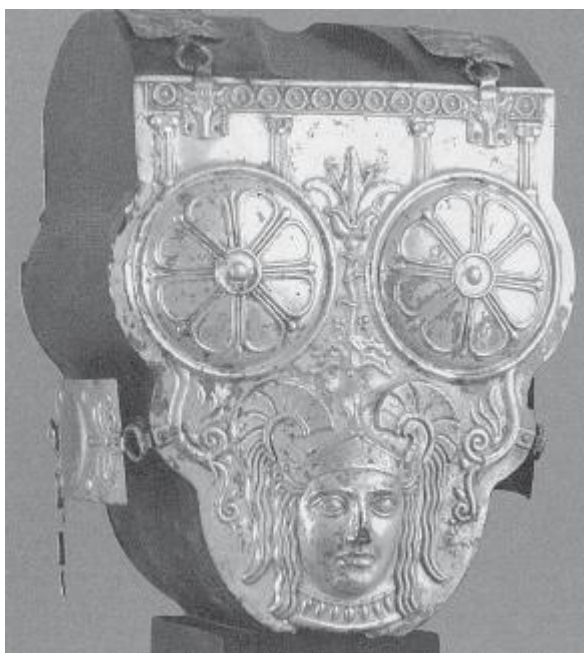
Минует еще полвека, прежде чем римляне осадили Карфаген (149 г. до н. э.). Победа Рима и поражение Карфагена были предопределены прежде всего преимуществом первого и недостатком второго в людских ресурсах. По утверждению Полибия, Рим и его итальянские союзники за время войны смогли выставить в общей сложности 700 тысяч пехотинцев и 70 тысяч всадников. Карфаген не имел таких возможностей. Служившие в пунийской армии ливийцы, нумидийцы, иберы и галлы значительно уступали в численности италикам. Они не могли поставлять Ганнибалу сравнимого количества солдат. Не помогали ни военный гений их вождя, Ганнибала, ни выучка карфагенских профессиональных воинов, ни даже ненависть к Риму отдельных союзнических племен. К тому же римляне и сами искусно пользовались разногласиями между пунийцами и африканцами. В итоге нумидийский царь Массанасса в 150 г. до н. э., выступив против пунийцев, смог разбить их (лишь меньшая часть 58-тысячной армии Гасдрубала сумела дойти до Карфагена и спастись). В такой затяжной борьбе не на жизнь, а на смерть – известна фраза Катона, которую он все время повторял: «Карфаген должен быть разрушен», – все решает военно-экономический потенциал противников. А он, конечно же, был значительно более мощным у римлян. Да, карфагеняне в той последней битве проявляли чудеса самоотверженности и мужества. После того как римляне забрали у них все вооружение (200 000 комплектов вооружения и 2 тысячи катапульта) и взяли 300 заложников, представлявших самые знатные семьи города, казалось, карфагеняне не смогут сопротивляться. Когда римляне потребовали покинуть город и поселиться вдали от моря (т. е. перестать жить тем, чем они всегда жили – торговлей), Карфаген перебил своих аристократов, сторонников мира с Римом (на любых условиях), и стал готовиться к решающей схватке. Командующим вновь назначили Гасдрубала, забив скамейками насмерть прежнего главковерха. Жители стали ежедневно изготавливать 140 щитов, 300 мечей, 1000 стрел для катапульта, 500 дротиков и копий, несколько десятков катапульта. Срочно строились и боевые корабли, для чего использовались деревянные балки зданий, медь из переплавленных статуй. Женщины отдавали свои волосы – для плетения канатов – и золотые украшения – на

покупку оружия и продовольствия. Карфаген сражался с мужеством обреченного. Но мужество защитников только отсрочило финал трагедии.

Бой в Карфагене

В конце концов, город с двухметровыми стенами взяли штурмом (146 г. до н. э.). После долгих лет осады битвы, а также болезни и голод унесли жизни тысяч карфагенян, но те продолжали сражаться. Римлянам все же удалось ворваться в город. В храме бога огня стояла позолоченная статуя Решефа. Воины стали сдирать позолоченные пластины с фигуры божества весом примерно в тысячу талантов. На улицах шла страшная резня – из 700 тысяч жителей уцелело около полусотни. В Бирсе (холм с кремлем, куда бежали 55 тысяч жителей и воинов) разыгрались последние сцены этой 6-дневной трагедии. Картину битвы оставил Аппиан.

Панцирь из гробницы в Ксур-эс-Сад. Тунис. Музей Бардо

«Все было полно стонов, плача, криков и всевозможных страданий, так как одних убивали в рукопашном бою, других еще сбрасывали вниз с крыш на землю, причем иные падали на прямо поднятые копы, всякого рода пики и мечи. Но никто ничего не поджигал из-за находившихся на крышах, пока к Бирсе не подошел Сципион. И тогда он сразу поджег все три узкие улицы, ведущие к Бирсе, а другим приказал, как только сгорит какая-либо часть,

очищать там путь, чтобы удобнее могло проходить постоянно сменяемое войско. И тут представлялось зрелище других ужасов, так как огонь сжигал все и перекидывался с дома на дом, а воины не понемногу разбирали дома, но, навалившись все разом, обрушивали их целиком. От этого происходил еще больший грохот, и вместе с камнями падали на середину улицы вперемешку и мертвые и живые, большей частью старики, дети и женщины, которые укрывались в потайных местах домов; одни из них раненые, другие полубожженные испускали отчаянные крики. Другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, ломали руки и ноги и разбивались насмерть. Но это не было для них концом мучений. Воины, расчищавшие улицы от камней, топорами, секирами и крючьями убрали упавшее и освобождали дорогу для проходящих войск; одни из них топорами и секирами, другие остриями крючьев перебрасывали и мертвых и еще живых в ямы, таща их, как бревна и камни, или переворачивая их железными орудиями: человеческое тело было мусором, наполнявшим рвы. Одни из выбрасываемых падали вниз головой, и их ноги, торчавшие из земли, еще долго содрогались; другие падали ногами вниз, и головы их торчали над землею, так что лошади, пробегая, разбивали им лица и черепа, не потому, что всадники этого хотели, но из-за спешки. По этой же причине так делали и сборщики камней. Трудность войны и ожидание близкой победы, спешка в передвижении войск, крики глашатаев и трубные сигналы, возбуждавшие всех, трибуны и центурионы, пробегавшие мимо со своими отрядами, сменяя друг друга, – все это делало всех из-за спешки безумными и равнодушными к тому, что они видели». Когда конец был близок, полководец пунийцев Гасдрубал, палач римских пленных, поклявшийся умереть, но не сдаться, трусливо бежал и пал в ноги Сципиона, умоляя того сохранить ему жизнь. В храме Эшмуна он оставил жену и своих маленьких сыновей. Сципион показал предателя последним защитникам храма. Те прокляли своего бывшего вождя и в отчаянной отваге сами подожгли храм. Жена Гасдрубала у него на глазах зарезала сыновей, столкнула детей в пламя и последовала за ними, прокляв мужа-предателя. Сенат Рима принял решение – проклятый Карфаген сжечь. Город-соперник горел 16 дней... По обуглившимся развалинам провели плугом борозду – знак проклятия и забвения. Но подлому Гасдрубалу сохраняют жизнь и даже позволяют провести остаток дней в Италии. С тех пор Запад, любимое дитя Рима, кажется, готов приглубить всех чужих предателей.

Вид военного порта в Карфагене

Несомненно, Карфаген был жестоким и беспощадным агрессором. Взяв город Селинунт (409 г. до н. э.), пунийцы поголовно вырезали около 16 тысяч человек, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков; город Гимеры сровняли с землей, убив 3000 пленников, принеся их в жертву духу полководца Гамилькара. В его труде о Тите Ливии Макиавелли, сравнивая поведение Сципиона и Ганнибала, традиционно отмечает «излишнюю доброту» первого и жестокость второго. Он говорит о «чувстве ужаса, внушаемого его особою» (Ганнибалом), но отмечает, что тот и другой получали одинаковые результаты различным поведением. Римляне уничтожили агрессивную цивилизацию – Карфаген. Хуже и страшнее ли она римской? Говоря о карфагенянах, Кареев отмечал, что те слыли народом *жестоким и жадным*, а их *вероломство* вошло у римлян даже в поговорку («fides punica», т. е. «пуническая верность»). Но точно так же, если еще не хуже, выглядели римляне в глазах угнетенных и покоренных народов. Полагаю, оба противника стояли друг друга. В 214 г. до н. э. в Сицилии, пытаясь повлиять на жителей Сиракуз, дабы они перешли на сторону Рима, известный полководец римлян Марцелл и претор Пульхр взяли штурмом и разграбили сицилийский город Леонтины. При этом две тысячи сторонников Карфагена были биты плетью и обез-

главлены. Марцелл устроил резню среди граждан Генны. Закономерной реакцией сицилийцев была лютая ненависть к Риму. В непримиримой схватке Рима и Карфагена у последнего было немало союзников среди городов и земель Италии. Таковыми стали Сиракузы, Тарент и Капуя – давние и упорнейшие враги Рима.

Бог Бес

Боги таковы, каковы люди, которым они служат. И все же надо признать: нравы Карфагена были дикими и варварскими, а боги отличались невиданной свирепостью. Молохавсепожирателя услаждали самые страшные мучения. Он требовал человеческих жертв. Карфагеняне верили, что эти жертвы очистят и спасут Карфаген. Ежегодно в жертву Ваалу-Хаммону сжигали человека, отдавая ему самых красивых пленных. Каждая семья (и знатная семья) должна была отдать ему своего первенца – мальчика. Карфагеняне приносили в жертву сто детей, публично выбранных из числа семей первой знати. У них имелась медная статуя бога Кроноса. Она протягивала свои полые руки, наклоненные к земле таким образом, что «помещенный на них ребенок скатывается и летит в чрево, полное огня». Больше было бедных детей. Их сжигали заживо в медной статуе Ваала. Обычай исчез в бывшей метрополии, Тире, но карфагеняне продолжали следовать заветам, установленным пророком Моисеем. Евреи и их наследники составляли основу правящей элиты и знати Карфагена. Сегодня ни одна из так называемых развитых цивилизаций не отдает детей знати, их бесценные чада, в жертву Молоху войны, голода и нищеты. Это остается уделом плебса и толпы.

Финикийская богиня плодородия. Угарит

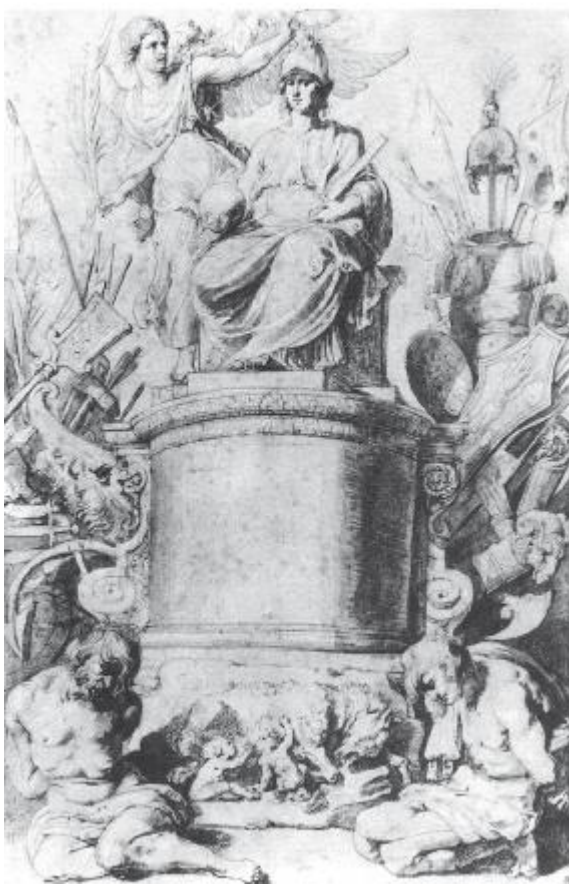
Вот как описал Флобер страшный ритуал принесения жертвы карфагенскому Молоху... Идола перевезли на Камонскую площадь, выбив кусок стены в храме Молоха. Идол передвигался, пятась назад, скользя на валах; плечи его были выше стен. По улицам распространился запах благовоний. Раскрылись двери всех храмов, и в них появились скинии богов на колесницах или на носилках, которые несли жрецы. То были ханаанские Ваалы, двойники верховного Ваала. Они должны были преклониться перед его силой и уничтожиться в его блеске. В шатре Мелькарта (Мелькарта Тирийского) из тонкой пурпуровой ткани сокрыто было керосиновое пламя; на шатре Камона гиацинтового цвета высился фаллос из слоновой кости, окаймленный венцом из драгоценных камней; за занавесками Эшмуна, эфирно-голубого цвета, спал пифон, свернувшись в круг; боги Патэки, которых жрецы несли на руках, похожи были на больших спеленутых детей... Затем следовали все низшие формы божества: Ваал-Самен, бог небесных пространств; Ваал-Пеор, бог священных высот; Ваал-Зебуб, бог разврата, и все боги соседних стран и родственных племен: Ярбал ливийский, Адрамелек халдейский, Киюн сирийский; Деркетто с лицом девственницы ползла на плавниках... Жрецы Ваала несли на высоких шестах металлические звезды разных цветов... Тут представлены все светила, начиная с черного Неба, духа Меркурия, до Рагаба, изображавшего созвездие Крокодила. Жрецы Цереры несли в корзинах маленькие хлебы, воспроизводившие женский половой орган; другие жрецы шли со своими фетишами, своими амулетами; появились забытые идолы; взяты были даже мистические эмблемы кораблей. Казалось, что весь Карфаген хотел сосредоточиться на мысли о смерти и разрушении. Богачи и старейшины надели самые пышные свои драгоценности. Алмазы сверкали на их черных одеждах и слишком широкие кольца падали с похудевших рук. Ничто не могло быть мрачнее, чем эти безмолвные люди, у которых серьги ударялись о бледные щеки, а золотые тиары сжимали их лоб.

Молох, пожирающий жертву

В тот день все были под властью муж-ского начала. Молох, как и мужчины, был жесток. Жрецы Молоха, упитанные мясом жертв, облеченные в пурпур, как цари, разожгли между ногами колосса костер из алоэ, кедра и лавров. Длинные крылья Молоха погрузились в огонь. Мази, которыми его натерли, текли по его медному телу, точно капли пота. Вдоль

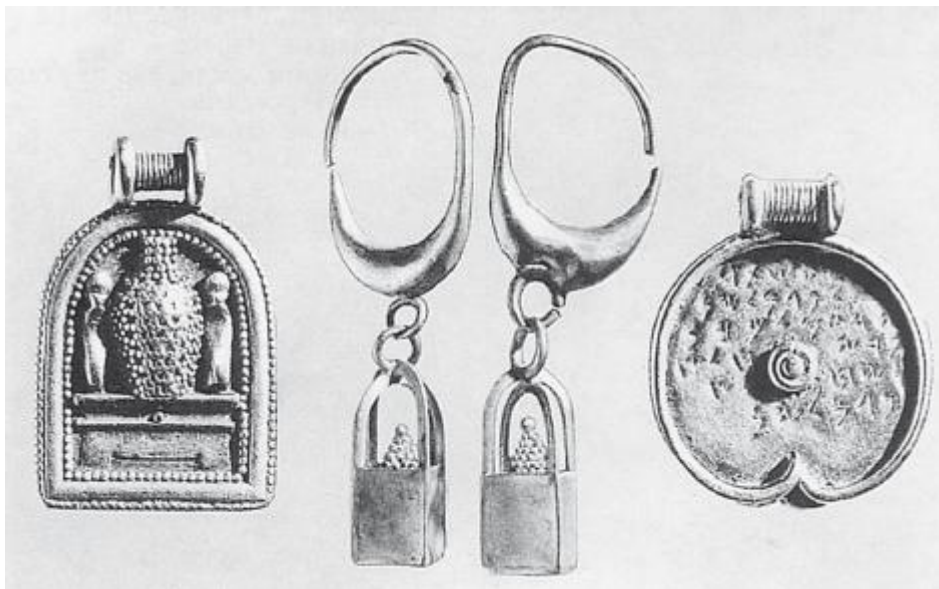
круглой плиты, на которую он упирался ногами, стоял недвижный ряд детей, закутанных в черные покрывала. Несоразмерно длинные руки бога спускались к ним ладонями, точно собираясь схватить этот венец и унести его в небо. Богатые, старейшины, женщины – вся толпа теснилась за жрецами и на террасах домов. Многие лишились чувств. Другие точно окаменели в экстазе. Беспредельная тревога тяжело ложилась на грудь. Последние возгласы один за другим затихли. Карфагенский народ был охвачен жадой ужаса. Наконец верховный жрец Молоха провел левой рукой по лицам детей под покрывалами, вырывая у каждого прядь волос на лбу и бросая ее в огонь. Жрецы в красных плащах запели священный гимн: «Слава тебе, Солнце! Царь двух поясов земли, творец, сам себя породивший, отец и мать, отец и сын, бог и богиня, богиня и бог!..» Голоса их потерялись в грохоте музыкальных инструментов, которые зазвучали все сразу, чтобы заглушить крики жертв... Рабы, служители храмов, открыли длинными крючками семь отделений, расположенных одно над другим по всему телу Ваала (Флобер).

Победители и побежденные

В самое верхнее отделение положили муку; во второе – двух голубей; в третье – обезьяну; в четвертое – барана; в пятое – овцу. А так как для шестого не оказалось быка, то туда положили дубленую шкуру, взятую из храма. Седьмое отделение осталось открытым. Прежде чем что-либо предпринять, нужно было испробовать, как действуют руки идола. Тонкие цепочки, начинавшиеся у пальцев, шли к плечам и спускались сзади; когда их тянули книзу, раскрытые руки Молоха поднимались до высоты локтей и, сходясь, прижимались к животу. Их несколько раз привели в движение короткими, прерывистыми толчками. Инструменты смолкли. Пламя бушевало. Жрецы Молоха ходили по широкой плите, всматриваясь в толпу. Нужна была жертва отдельного человека, совершенно добровольная, так как считалось, что она увлечет за собою других. Но никто пока не появлялся... В ограду впу-

стили обреченных, которые лежали в стороне, распростершись на земле. Им бросили связку страшных железных орудий, и каждый из них обязан был сам избрать себе пытку. Они вонзали себе вертела в грудь, рассекали щеки, надевали на головы терновые венцы. Потом схватились за руки и, окружая детей, образовали так второй большой круг. Круг то сжимался, то расширялся... Мало-помалу люди проникали в проходы и доходили до конца.

Золотые украшения из Карфагена. VII—VI вв. до н.э.

Они стали бросать в огонь жемчуга, золотые сосуды, чаши, факелы, все свои богатства. Дары становились все более щедрыми и многочисленными. Наконец некий шатающийся человек с бледным, безобразно искаженным от ужаса лицом толкнул вперед ребенка. В руках колосса очутилась маленькая черная ноша – и она тут же исчезла в темном отверстии. Жрецы наклонились над краем большой плиты, и вновь раздалось пение, славящее радость смерти и воскресение в вечности. Жертвы поднимались медленно. А так как дым восходил высокими клубами, то казалось, будто они исчезали в облаке. Ни одна не шевелилась; ибо все были связаны по рукам и по ногам. Под темными покрывалами они ничего не видели, и их нельзя было узнать... Медные руки жуткого идола двигались все быстрее. Каждый раз, когда на них клали ребенка, жрецы Молоха простирали к жертве руки, чтобы взвалить на нее преступления народа, и громко кричали: «Это не люди, а быки!» Толпа кругом ревела: «Быки! Быки!» Благочестивый люд кричал: «Ешь, властитель!» Вот так и мы преступления нашего поколения взваливаем на младенцев!

Учитывая вышесказанное, а главное то, что большими творческими деяниями пунийцы себя не прославили, видимо, в какой-то мере можно и согласиться с выводом авторов «Истории человечества», что писали сто лет назад: «Несмотря на большие богатства и значительные средства, Карфаген не завоевал себе особенных заслуг перед лицом культуры». Виной тому суровое олигархическо-аристократическое правление, культы, требовавшие жертвоприношений людей, а также торгово-посреднический характер этой цивилизации. И тем не менее заслуг пунийцев в культуре отрицать не стоит. Позитивное влияние на местные племена они, безусловно, оказали, что выразилось в строительстве городов, создании портов, в развитии промышленности и кораблестроения, в росте культуры.

И все ж Карфаген должен был уступить Риму. Причину этого отметил Цицерон в труде «О государстве». Там есть слова, многое объясняющие читателю: если бы предки римлян «не ставили блага государства превыше всего», Риму не удалось бы спастись от нашествия галлов, а также избавиться от ужаса, который внушал им Карфаген. Стоило бы обратить

внимание нынешних военных структур России на следующую фразу Цицерона, где сказано о том, что дабы «раздавить гадину», Сципион Африканский перенес войну на вражеские земли, в их города, отведя угрозу «от ворот нашего города». Сей метод неплохо бы перенять и нам. А то уж больно много расплодилось независимых бандитов, решивших, что о нас можно вытирать ноги. Так сделал Ганнибал, перенеся театр военных действий в Испанию и Италию, то есть на земли, близлежащие к Риму. Такой же тактики придерживались все великие полководцы, желавшие остановить врага. Правда, и такая тактика – не панацея. Известно немало случаев, когда те, кто начинал с вторжения на чужую территорию, в итоге терпел сокрушительные поражения.

Портрет Сципиона на монете из Канузия

После побед Рима развалины Карфагена стали той первой ступенью, с которой началось возведение мирового владычества империи. Два наиболее известных, грозных противника – Карфаген и Македонская держава – вынуждены были уступить место Риму. Война 200 г. до н. э. против Филиппа знаменовала собой первый «акт зарождения римского империализма». Со смертью Ганнибала, что умер в один год со Сципионом (183), после сокрушения Карфагена, примерно к 120 г. до н. э., происходит завершение триумфа Рима. Исходной точкой постоянного отныне процесса завоевания Римом всего западного мира, писал Ланселе, сопровождавшегося установлением его политического господства, в результате чего Рим по отношению к Западу стал тем же, чем была Греция по отношению к эллинистическому Востоку, послужили именно события, последовавшие за окончанием 2-й Пунической войны. В эти годы свершился и поворот в римском национальном сознании. С расширением государства римляне стали воспринимать себя как империю, как культурную доминанту, что равна или даже превосходила Грецию и Карфаген. Пожалуй, первыми это почувствуют на себе женщины, самый тонкий барометр настроений. Во всяком случае, уже в 195 г. до н. э. при консульстве Л. Флакка и Катона отменили закон трибуна Оппия, что 20 годами ранее требовал от римских женщин ограничить тягу к роскоши (им запрещалось носить золотые украшения, пышные наряды и разъезжать в конных экипажах). В начале II в. до н. э. в Рим сплошным потоком потекли потоки богатств из Испании, Греции, Малой Азии, а затем из Карфагена. Рим становился мировой империей. Так что если культура античной и средневековой Западной Европы в конечном счете оказалась латинской, а не карфагенской, то произошло это потому, что римляне одолели своего грозного противника и уничтожили его.

Во многом благодаря Сципиону Рим пришел к периоду длительного прочного господства (на протяжении последующих пятисот лет). Поэтому часто говорят о великом триумфе Сципиона Африканского, чья роль в истории превосходит роль и значение Александра

Македонского. Сравнивая эти две фигуры, историк отмечал: «Достижения Александра, быть может, превышали сципионовские по масштабу – на самом деле не так уж сильно, ибо если Александр установил империю от Дуная до Инда, которая развалилась после его смерти, то Сципион построил для Рима империю, которая простиралась от Атлантики до Черного моря и гор Тавра, – империю, которая выстояла и выросла. И там, где Александр строил на фундаменте, заложенном Филиппом, Сципион вышел на сцену в момент, когда самый фундамент римской власти в Италии был потрясен чужеземным врагом». Фигура Сципиона на многих производила впечатление, подобное явлению величественного, бессмертного божества. Говорят, что одной из причин было то, что с тех пор как он облекся в тогу, стал политиком, не было дня, чтобы он не ходил на Капитолий (когда был в Риме) и не сидел там долгое время в одиночестве и безмолвии, словно беседуя с богами. Что же до клеветы, сопутствующей великим, вспомним одну историю. Завистники Сципиона, среди которых главной фигурой был «ревнитель старины» Катон, как-то устроили над ним судилище, требуя отчета о деньгах, что якобы получил брат Сципиона от царя Антиоха. В тот день сам Сципион явился на суд и заявил народу Рима: «Я вспоминаю, квириты, что сегодня тот день, в который я победил пунийца Ганнибала, смертельного врага нашего государства... Я одержал вам эту победу и заключил мир, на который не было никакой надежды. Так не будем же неблагодарны к богам. Я думаю, оставим этого бездельника (и клеветника. – *В. М.*) и пойдем прямо на Капитолий и воздадим благодарность Юпитеру Всеблагому и Величайшему». Сказав так, он повернулся и спокойно ушел. И вся толпа, все собрание в восторге пошло за ним. А нам подумалось: придет час, и потомки ведь спросят вас: «Те, кого вы клеймите, победили в великой войне, а вы, что сделали вы? Жили подачками с богатых столов вчерашних побежденных?»

Ж.-О.-Д. Энгр. Сон Оссиана

Многие видели в нем бога... По этой причине поэт Энний, его друг, поместил Публия Африканского «не только в храм, но на небо», поместил смертного на небо вместе с Энеем,

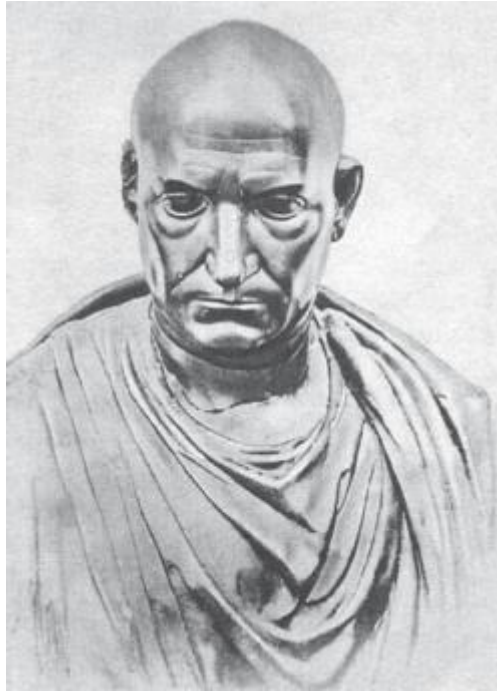
Ромулом, Геркулесом, сказав, что Геркулес почитается в числе богов, как Сципион, Публий Африканский. Другой римлянин, Цицерон, закончил свою книгу «Государство» видением Сципиона, который предстает в «Сне Сципиона» (по аналогии со сном Энния). Сципион говорит: «Итак, если ты захочешь смотреть ввысь и обозревать эти обители и вечное жилище, то не прислушивайся к толкам черни и не связывай осуществления своих надежд с наградами, получаемыми от людей; сама доблесть, достоинствами своими, должна тебя увлекать на путь истинной славы; что говорят о тебе другие, о том пусть думают они сами; говорить они во всяком случае будут. Однако все их толки ограничены тесными пределами тех стран, которые ты видишь, и никогда не бывают долговечными, к кому бы они ни относились; они оказываются похороненными со смертью людей, а от забвения потомками гаснут». И далее тот же Сципион говорит слушателю, который готов трудиться во имя славы его родины: «Да, дерзай и запомни: не ты смертен, а твое тело. Ибо ты не то, что передает твой образ; нет, разум каждого – это и есть человек, а не тот внешний вид его, на который возможно указать пальцем. Знай же, ты – бог, коль скоро бог – тот, кто живет, кто чувствует, кто помнит, кто предвидит, кто повелевает, управляет и движет телом, которое ему дано, так же, как этим вот миром движет высшее божество». Бренным же нашим телом движет жизненный дух.

Сципион Эмилиан, внук Публия Африканского и наследник его великой славы, приехав в Африку, идя по стопам деда, также увидел сон, когда к нему с небес спускается сам Сципион, ставший богом. Они вместе взмывают ввысь, туда, где музыка сфер, гармония вселенной, где сияют лучи славы и слышится неземная музыка. «Сон Сципиона» произвел неизгладимое художественное воздействие на умы потомков: Макробий его комментировал, Данте ему подражал, Петрарка перелагал в «Африке», Боттичелли рисовал, а Энгр копировал («Сон Оссиана»). Писатель Гофман, прочтя ребенком это произведение, вспоминал: «Я, помню, убежал иной раз в светлые лунные ночи из дому и прислушивался, не донесет ли ветер до меня отголоска тех чудных звуков». Так Сципион в сознании всех последующих веков остался как «житель звездного неба, небренной земли».

Рафаэль. Сон рыцаря (слева – Добродетель, справа – Наслаждение)

Мы же полагаем, что истинное величие Сципиона в том, что он ценил людей по человеческим качествам – вне зависимости от их рождения, национальности или принадлежности к той или иной партии. Тит Ливий отмечал, что он сумел разгадать тайну власти и славы, и не только выигрывал страшные войны, но добился куда большего – смог оставаться уважаемым и невредимым даже среди самых настоящих варваров. Однажды обитавшие неподалеку варвары приблизились к его дому. Когда же солдаты Сципиона преградили им путь, вперед вышел один из них и стал умолять охрану дать им возможность увидеть этого великого и благородного человека, позволить познакомиться с его трудами и мыслями. И тогда Сципион понял, что он добился гораздо большего, чем военных побед: оказалось, что он нужен своим людям.

Сципион Африканский Старший

Однако спустимся вновь на землю, на землю Рима. С высшей точки развития, как известно, всегда начинается обратный путь, ибо за восхождением обычно следует или падение, или медленный спуск. Рим достиг вершины, на которой пребывал некоторое время, после чего в обществе подспудно стали действовать силы разрушения. Богатые хотели воспользоваться богатством, дети тех, чье имя было овеяно славой, уже не стремились к свершениям и подвигам. Эта тенденция с каждым годом стала ощущаться в Риме все сильнее и сильнее. Падение Карфагена предшествовало падению Рима. То будет трагическая и мрачная страница. Мне показалось, что это восхождение Рима можно сравнить с тем, как бурно растут цветы на могилах, обильно вскормленных трупами и кровью. Не случайно все римские историки, как один, обходят стороной картину описания разрушения и уничтожения Карфагена, как английские историки обходят стороной картину грабежа Индии, немецкие историки – чудовищную панораму грабежа, убийства России, а американцы – свои изуверства во Вьетнаме или Корее. Ливий, Дион Кассий, Дионисий Галикарнасский, Диодор Сицилийский, Полибий умолчали о том, чего нельзя не заметить, о чем нельзя не сказать и что вопиет со страниц.

Н. Пуссен. Великодушие Сципиона

Так почему же судьба была так жестока к Карфагену? Почему он исчез с лица земли? Ведь не исчезли же Рим, Иерусалим, Афины, или Каир? Вопросом этим задаются и наши историки. Они считают, что Карфаген был уничтожен при «каких-то особых обстоятельствах, не имеющих precedентов в летописях прошлого» (П. Чихачев). Разумеется, вовсе не таинственное веление провидения снесло с лица земли этот знаменитый город. Римляне отомстили за свой страх. Историк говорит о том, как Ганнибал, имея гораздо меньшую армию, чем у римлян, сумел разбить римлян в трех регулярных сражениях, причем все «эти подвиги были совершены не против изнеженных воинов Азии, а против самых мужественных солдат мира, которых Ганнибал держал под угрозой в течение шестнадцати лет, проведенных им в Италии, где он занял лучшие провинции». Римляне не простят этого пунийцам никогда. Они решили уничтожить Карфаген и повели себя при этом как безжалостные варвары. Кстати, с ними их победители так не поступят, когда придет час краха империи: «Спустя шесть веков после разрушения знаменитого финикийского города правитель Карфагена вандал Гейзерих, завоевавший Рим и грабивший его в течение 14 дней, перевез в Карфаген немало сокровищ, отобранных им у богачей вечного города. К его чести за тотальным ограблением Рима вандалами не последовало разрушения прекрасных и многочисленных памятников Рима, существующих и поныне, тогда как варварская рука римлян превратила весь Карфаген в прах». Это утверждает Орозий, который, вероятно, черпал все свои сведения из источников, уже утраченных в настоящее время. Ведь сей историк, ученик Блаженного Августина, сообщает, что, разрушив Карфаген, римляне не только стерли с лица земли все здания, но даже обратили в пыль камни, из которых они были построены («*Omni murali lapide in pulverem comminuto*»).

Руины древнего Карфагена. Современный вид

Так что великий Рим поднялся на костях Карфагена и других поработанных народов. О том, как после победы над пунийцами стала меняться жизнь в Риме, писал один из историков: «Могуществу римлян открыл путь старший Сципион, а их изнеженности – младший: ведь избавившись от страха перед Карфагеном, устранив соперника по владычеству над миром, они перешли от доблести к порокам не постепенно, а стремительно и неудержимо; старый порядок был оставлен, внедрен новый; граждане обратились от бодрствования к дреме, от воинских упражнений к удовольствиям, от дел – к праздности». Когда такое случается с могущественной державой, которая стала править большей частью мира, опираясь на силу, но при этом с каждым годом становясь слабее, такое состояние дел не может длиться вечно. Жребий ею брошен – и он зачастую оказывается трагичен. Когда у Империи нет соперников, она вскоре начинает выгрызать себе внутренности. Так же и современная Россия, попавшая в руки слабых и безвольных политиков, будет обречена, если не найдет в себе силы и не вернет облика могучей страны. Недруги не простят ей былых страхов, и камни столиц будут обращены в пыль!

Карфаген. Общий вид сегодня

Правда в дальнейшем, словно пытаясь искупить невольную вину перед некогда грозным и опасным соперником, римляне попытаются вдохнуть жизнь в города Северной Африки. Особенно в эпоху правления Северов (конец II-начало III вв. н. э.) они перенесли дух и характер римского урбанизма на эти земли. В отличие от пунического Карфагена с его древневосточным колоритом в Римской Африке стали создаваться типично римские постройки – дома, арки, театры, акведуки... Автор фундаментальной монографии об искусстве стран Магриба Т. Каптерева пишет: «Следует представить себе, что города Римской Африки были не только плотно застроены, но и отличались яркой красочностью, множеством мозаик, цветной штукатурки, мраморных статуй. Африканцы развивали то, что в римском искусстве было зрелищным и патетическим, оставаясь безучастными к его холодной и напыщенной риторике. Истинно патетическое начало вносили в облик городов и многочисленные выбитые в камне посвятельные надписи, само начертание которых пленяет строгой тектоникой, интеллектуальной красотой, ритмом. «...Медь торжественной латыни поет на плитах как труба», – писал А. Блок, восхищенный живой выразительностью древних надписей Равенны». Бесспорно, города эти жили напряженной жизнью, полной радостей и социальных контрастов. Однако то была уже другая, и скорее римская жизнь.

Рex Romana и греческое образование и воспитание

Итак, свершилось – римский мир, *Рex Romana*, стал фактом. Что представлял собой этот мир? Старые и новые историки пытаются представить его как некий гуманный, совершенный тип мирового устройства. «Римляне, – писал Полибий, – покорили своей власти весь известный мир, а не какие-нибудь его части, и подняли свое могущество на такую высоту, которая немыслима была для предков и не будет превзойдена потомками». Действительно, римляне сокрушат самые могущественные державы – Карфаген, Македонию, царство Селевкидов. Покорят они и многие азиатские царства, и античную Грецию. Аппиан писал в «Римской истории»: «Ни одна держава, вплоть до наших дней, никогда нигде не достигала таких размеров и не имела такого длительного существования. Ведь даже владения эллинов, если кто-либо соединил бы воедино владения афинян, лакедемонян и фиванцев, властвовавших одни за другими, начиная с похода Дария, откуда начался особенно блестящий период их деятельности, вплоть до гегемонии Филиппа, сына Аминты, над Элладой, не могли бы показаться столь обширными, как владения римлян... И вообще эллинское могущество, хотя они со всей страстью и боролись за гегемонию, нигде не выходило прочно за пределы Эллады, хотя они проявляли выдающуюся доблесть, отстаивая независимость своей страны. Со времен же Филиппа, ...и Александра, сына Филиппа, как мне кажется, они и вовсе действовали дурно и недостойно самих себя». Завоевав Грецию, римляне превратили ее в рядовую провинцию – Ахею.

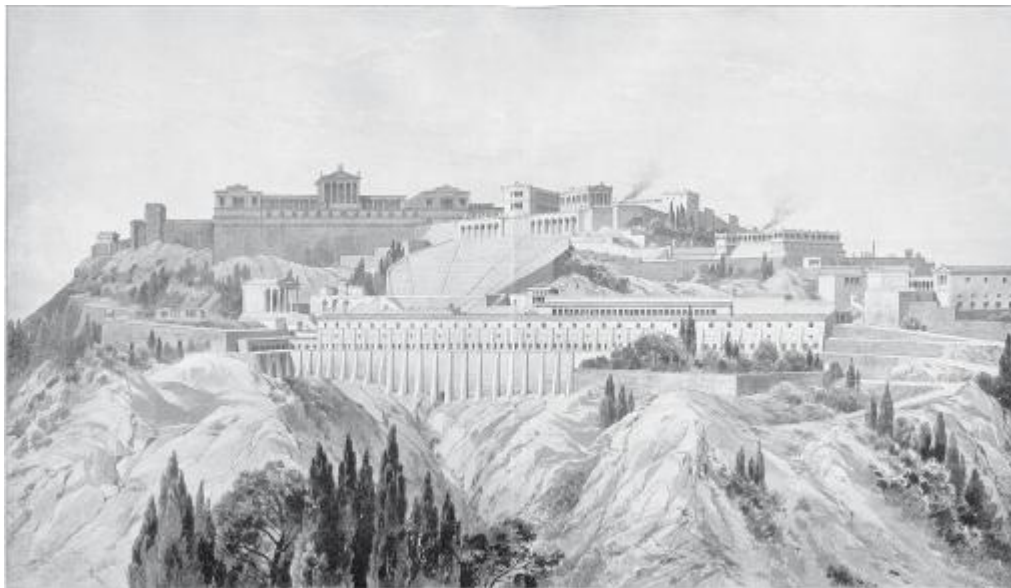

Дж. Вазари. Персей освобождает Андромеду

Рим воплотил мечту о глобальном Гегемоне, словно ставил целью выполнение миссии Зевса на Земле. А потому, победив Филиппа Македонского, римляне предоставили Греции свободу, сохраняя присутствие их гарнизонов в Коринфе, Деметриаде, Халкиде. Греция получила свободу, хотя и лишь как сателлит. Учитывая ее сложное международное положение, решение в общем-то было оправдано. Но греки стали громогласно возмущаться и требовать, чтобы с них «сняли оковы». Греки-этолийцы утверждали, что римский император Тит снял с них оковы, но тут же набросил веревку на шею. Тит решил вывести войска. Говорят, когда во время Истмийских игр неожиданно толпе заявили, что отныне Греция

свободна, что римский сенат и император возвращают им желанную независимость, как и право жить по отеческим законам, а заодно освобождают Ахейю от постоя войск и податей, родился неимоверный взрыв энтузиазма, выразившийся в страшном крике. Даже вороны попадали замертво... Римляне проявили дипломатическую мудрость, сохранив за побежденными внутреннюю свободу. Они не покушались ни на конституции, ни на законы, не назначали ей наместников и не лишили ни одного из наследственных царей власти. Отнятые территории не переходили в полную собственность Рима. Конечно, у некоторых близких к римлянам по культуре народов это вызывало своего рода эйфорию.

Учитывая, что римляне вели себя вполне корректно, соблюдая известный такт, греческая аристократия согласна была обслуживать имперские цели Рима (раз уж не было другого выхода). Говорят, что и Пергам стал мощным государством, а Ливия выросла в размерах. Конечно, в известном смысле жить под властью одного господина (Рима) спокойнее и безопаснее, чем находиться в процессе постоянных войн всех против всех. Когда споры решает один вселенский судья, хотя бы тот же Рим, неизбежно воцаряется больший порядок. Рим прекратил войну Пергама и Вифинии, предоставил автономию Греции, вырвал Ливию из когтей Карфагена, потребовал от Антиоха Эпифана прекратить войну против Египта. Он требовал от других ограничить силу их армий и флота. Все это так... Но почему, во имя чего? Вовсе не потому, что римляне, по словам настроенного к ним дружески и союзнически Полибия, как некие исключительные люди, были «одарены возвышенною душой и благородными чувствами», и не потому, что соболезнают всем несчастным и «спешат услужить всякому, кто прибегает к ним за покровительством». Они думали только о том, чтобы *в первую очередь услужить самим себе*. Обычно вместо дани побежденные народы должны были выплачивать Риму контрибуцию, рассчитанную на десятки лет. Чтобы выплаты были надежными и стабильными, нужен был мир. Всем известно, что воюющие стороны вынуждены тратить на войну огромные средства. И война за свободу Греции велась не из каких-то гуманных побуждений. Нет, с завоеванием Греции открывалась дорога ко всей Азии, к богатейшим и непокоренным странам мира.

Акрополь в Пергаме. Реконструкция

Римские политики, не стесняясь, прямо говорили о целях подобной экспансии. Римский консул заявил своему войску: «Вам надлежит помнить, что воюете вы не только за свободу Греции, хотя и это было бы величайшей честью, – вы освобождаете от этолийцев и Антиоха страну, ранее освобожденную от Филиппа. Вашей наградой станет не только

то, что находится в царском лагере, в добычу достанется и все снаряжение, которое там со дня на день ожидают из Эфеса. А затем римскому господству откроются Азия, Сирия и все богатейшие царства, простирающиеся вплоть до восхода солнца. А после что нам помешает от Гадеса до Красного моря раздвинуть границы римской державы вплоть до Океана, что окаймляет земной круг? И весь род людской станет чтить имя римлян вслед за именами богов! Да будут души ваши достойны подобной награды, чтобы завтра с божественной помощью мы славно сразились в решительной битве». Да и судьбу Пергама нельзя рассматривать вне связи с тем, что последний бездетный пергамский царь завещал свои владения Риму. Согласитесь, образ благородной и справедливой империи не вырисовывается.

Позволим себе с долей скепсиса взглянуть на утверждение даже известнейшего историка. «Римляне, – писал Плутарх, – заслужили не только похвалу, но приобрели всеобщее доверие и огромное влияние – и по справедливости. Римских магистратов не только охотно принимали, но и сами приглашали их, им вверяли судьбу не только народы и города – даже цари, обиженные другими царями, искали защиты у римлян, так что в скором времени... все стало им подвластно». Даже вечно недовольные, воинственные иудеи, прослышав о славных римлянах, об их щедрости и благородстве, об отсутствии у них якобы зависти и ревности, решили довериться их власти – и стали искать их покровительства и защиты. И все же мы уверены: Плутарх скорее всего принимает желаемое за действительное.

Геракл борется со львом. Римская копия

В свою очередь, многие цари и подчиненные Риму державы не «лишились клыков и ногтей». Они просто спрятали их на время в силу обстоятельств, вот и все. Достаточно вспомнить восстание Ахейского союза против римлян (146 г. до н. э.). Хотя ахейцев и называли последними героями Эллады, оно было быстро подавлено. Более жизненна и реалистична картина, описывающая, как у дверей сената в Риме до открытия толпятся цари, уни-

женно добиваясь приема римских властей. Иные из подвластных царей вползали туда в рабском наряде и на четвереньках. Греция, ставшая вассалом Рима, узнала, что означает быть под пятой могущественной империи. Сюда зачастили посольства, состоящие из сенаторов. Рим фактически заставлял темпераментных южан действовать строго по указке, менял границы, обучал войска, готовил элиту, решал внутренние вопросы, ставил или изгонял вождей политических партий, оплачивая услуги. Вам ничто это не напоминает?!

Столь щадяще-милостивое поведение римлян в отношении греков объясняется их культурным влиянием. Что же происходило тогда на небосводе культуры? Одни (Шпенглер, Тойнби и Сорокин) склонны воспринимать эпоху Рима как закат культурного эллинского цикла, как «угасание творческой потенции эллинского духа». Другие говорят о «непрерывности в образованности Запада» (Ясперс). Правильнее было бы вести речь о новом и важном витке в развитии науки и культуры. Такой взгляд ближе к истине. Ведь у господства Рима была своя логика. Не стоит разрывать формулу «*singuli et universi*», ибо индивидуальное начало так же живет в коллективном, как и коллективное – в индивидуальном. Хотя наивно представлять Рим лишь как триумф «коллективного мира» над «индивидуальным» греческим миром.

Портрет римского мальчика. Эрмитаж

Италия и ранее была очень тесно связана с Микенской Грецией. Показательна попытка сближения судеб двух выдающихся мужей Греции и Рима (по формуле драматурга Энния, Эней был внуком Ромула). Колонизация сблизила культуры и нравы двух соседних регионов еще более. Римляне знакомятся с греческим образом жизни (книги, библиотеки, предметы одежды и роскоши, ученые рабы-греки). Проявлению интереса к Греции способствовала и миграция греческих интеллигентов. В 240 г. до н. э. римляне впервые познакомились с комедиями и трагедиями, написанными хотя и на латыни, но на основе греческих аналогов. Грек-вольноотпущенник Андроник перевел на латынь «Одиссею» Гомера. Он же написал по поручению жрецов первую латинскую хоровую песнь. Особенно популярны были греческие мифы. Греческие герои становятся римскими. Таков Геракл. Как и подобает истинному герою, он спасает людей от бед и чудовищ. Деяния его явились демонстрацией безграничных возможностей героического духа. Его считают своим предком многие народы. Профиль бородатого Геракла чеканили на монетах в глубокой древности разные древние государства. Его можно увидеть на полустатерах Дикеи, выпускавшихся еще в VI в. до н. э., на моне-

тах македонского царя Аминты III (389–364 гг. до н. э.). Схожие образы содержат монеты Филиппа II и Александра Македонского. На свой лад и вкус изобразят Геракла и римляне. Солдатский император Коммод выпустил монеты с изображением Геракла со своим профилем. Образ Геракла среди изображений героев, найденных в Галлии (на инталиях), составлял четверть всех прочих. Так что не будем доводить культ Геракла до апогея и абсурда. В Рим проникают научные понятия и категории (диалектика, классификация предметов, понятий, этические нормы). Лукулл привез с Востока сферу с движениями Луны, Солнца и звезд. Известны и труды Теренция Варрона, плодовитого оратора и ученого, затронувшего едва ли не все области наук, известных в Греции и Риме. По мере роста богатств римское общество стало все больше нуждаться в просвещенной обслуге из греков (врачи, учителя, историки, чтецы, секретари и т. д.). Вспомним хотя бы судьбу воина и историка, грека Полибия, взятого Римом в заложники и прославившего его.

Ритуальное чтение и жертвоприношение. Вилла Мистерий

Нельзя не упомянуть о роли греческого образования в воспитании римлян. От первых двух веков римской истории нет никаких свидетельств, касающихся обучения детей. По словам историков, первые упоминания о школе относятся к 449 г. до н. э. В больших и малых городах Италии появляются школы, которые посещают дети из лучших семейств. Как скажет Диоген: «Наука и образование для юношей служат целомудрием, для старцев – утешением, для бедных – богатством, для богатых – украшением». Некоторое представление о том, как римляне воспитывали детей, могут дать сведения, полученные от Катона Старшего. Тот взял на себя все заботы по воспитанию сына: руководил физическими упражнениями, учил, как владеть оружием, плавать, учил грамоте и праву и т. д. С этой целью он сам написал для себя учебное пособие, которое помогло ему воспитывать и учить сына. Катон Старший считал, что в обязанности отца входит сделать из сына гражданина и доблестного солдата, и вообще научить его достойной жизни. То была сугубо практическая система воспитания, и она приносила свои плоды. Сын всегда был при нем, участь правилам поведения, речи, манерам. Ранний Рим воспитывал в строгости и чистоте своих детей. Будучи цензором, Катон исключил из сената Мавлия за то, что тот среди бела дня поцеловал жену в присутствии дочери. Увы, пройдет не так много времени, и римские семьи будут представлять собой очаги порока. Однако к моменту схватки с Карфагеном римская молодежь была воспитана и выучена, к счастью, в должном ключе... Она была мужественна, дисциплинирована, патриотична, закалена, верна долгу – и готова к битве. Во всяком случае, хотелось бы, чтобы российская молодежь была подобна ей. «Кто не учит сына ремеслу, учит воровству». (Талмуд)

Начиная с эпохи Пунических войн стала меняться и система воспитания. По мере побед и накопления значительного богатства в некоторых римских семьях, у многих появилась возможность нанять частного учителя. Возникают частные школы, которые вначале носят название *ludus* (от лат. игра). Каждый желающий мог стать учителем, сняв небольшое помещение и устроив там школу. Первое время государство вообще не имело никакого отношения к школам. Каждый учился на свой страх и риск. В начальных школах обучали читать, писать и считать. Учителя начальных классов принадлежали к низшему классу общества. Нередко это были вольноотпущенники или рабы. Был такой раб и у Катона Старшего, хотя он предпочел учить сына самостоятельно. А вот в других семьях обучение поручалось рабам, которых называли презрительно «грамотей» или «педагог». Писать дети учились с помощью стилия (заостренной палочки) на воощенных дощечках. Счету обучались, считая на пальцах, а потом производили несложные действия на тех же дощечках. Уровень образования был, конечно, не очень высок, но грамотой все владели. Историк Полибий вспоминал, как пароль передавался римским воинам в письменной форме.

Правда, инициатива создания школ в Риме принадлежала тогда не государству, которое устранилось от выполнения столь многотрудной задачи, но частным лицам. Посещение школ не было строго обязательным. Хотя уже в V в. до н. э. встречаются наименования неких училищ, возникших неподалеку от Форума. По словам Ливия, обычным явлением городской жизни стал и гул голосов «в школах грамоты». Римская школа долгое время оставалась частною: изучали там латынь и счет (считали на пальцах или с помощью абака – счетной доски). Мальчики учились вместе с девочками. Курс начальных наук заканчивался уже к 11–12 годам. О том, что уровень познаний «грамотеев» был не очень высок, свидетельствуют и многие надписи, найденные на стенах разрушенной Помпеи.

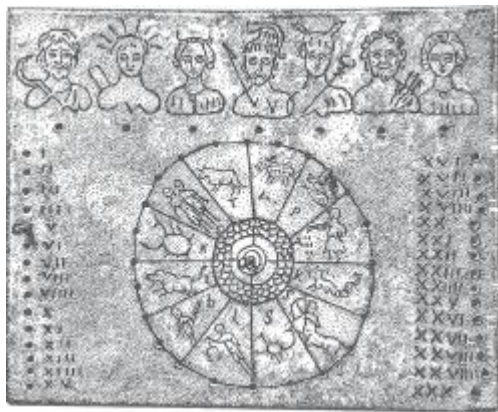
Памятник Неволеи Тихе. Помпеи

Уроки проходили на открытом воздухе. Тем более что учиться в школах-лачугах было не очень-то и удобно. Помимо грамоты тут давались некоторые отрывки из законов. Цицерон вспоминал, как он выучивал наизусть законы Двенадцати таблиц. Ребенок, окончивший начальную школу, в 12–13 лет переходил к грамматике, а в 16 лет поступал в школу риторика. Помещение грамматика было более комфортабельно. Стены заведения могли украшать бюсты знаменитых писателей и философов, барельефы со сценами из Гомера и, возможно, даже и географические карты. В школу мог тогда зайти кто угодно, ибо детям ничто не угрожало. Поэтому там всегда было много народа.

Постепенно Эллада берет культурный реванш. Растет интерес к изучению греческого языка. Без знания греческого уже немислим культурный человек. Римские анналисты Фабий Пиктор, Цинций Алимент пишут труды по-гречески. Во II в. до н. э. большинство сенаторов владеет греческим языком. Сципион Эмилиан и все члены его кружка бегло говорят по-гречески. Публий Красс даже изучает греческие диалекты. Свободно владеет греческим языком Цицерон. Многие на нем говорят: консулы и вожди Помпей, Цезарь, Марк Антоний, Август. И даже свою последнюю в жизни фразу, обращенную им к Бруту, Цезарь произнес по-гречески: «И ты, дитя моё...» Греческие гувернеры и преподаватели философии заполнили римские дома. Возник новый прибыльный рынок знаний. В дальнейшем зарождается и система высшего образования. В высших слоях общества появляется невиданный интерес к философии, литературе, истории, поэзии Греции. Например, Цезарь встретил известие о гибели Тиберия Гракха стихом Гомера. Последняя фраза Помпея, за минуты до его гибели – цитата из Софокла, которую он обращает к жене и сыну. Молодежь из знатных семей все чаще едет для изучения греческой философии, риторики, языка в Афины или на Родос. Овидий скажет: «Учение переходит в нравы». Образованная часть римского общества впитывала знания греков. Гораций напишет:

В Риме воспитан я был, и мне
 довелось научиться,
 Сколько наделал вреда ахейцам
 Ахилл, рассердившись.
 Дали развития мне еще больше
 благие Афины, —
 Так что способен я стал отличать
 от кривого прямое,
 Истину-правду искать среди
 Академа-героя.

Должность педагога возникла в Риме не сразу. Вначале эта миссия полностью возлагалась на отцов семейств. Осознание необходимости систематического обучения и воспитания привело к появлению в состоятельных семьях домашних учителей. Стала выделяться и особая категория людей из числа грамотных и достаточно образованных рабов (*servi litterarii*), становившихся педагогами (или дословно – «детоводами»). Наемные учителя чаще всего выбирались из числа оседлых чужеземцев, что в целом указывает на невысокую привлекательность труда педагогов. Им даже не разрешали именовать себя «учителем» (полатыни «профессором»); но называли «школьным надзирателем» или же «начальником школы» (*magister ludi*). Платили учителям начальных школ гроши (из этих сумм он должен был еще и выделить средства для того, чтобы снять помещение для школы). Поэтому порой такие школы устраивались просто на улице, так как для их открытия никаких разрешений не требовалось. Начинались уроки рано (еще до петухов), шли весь день, а заканчивались поздно. Девочки и мальчики обучались совместно. Так как книги были дороги, в начальной школе использовали тексты, записанные под диктовку учителя. В лучшем положении были «грамматики» и риторы средних и высших школ, пользовавшиеся привилегиями императора.

Календарь со сменными штырями из Рима

В школе грамматика главным предметом была литература и поэзия. Студенты знакомились по переводам с произведениями греческой литературы (Гомер, Плавт, Теренций, Гесиод, Менандр, Эзоп). Историей часто пренебрегали. Оттого и не разглядели будущего. Хотя считалось престижным выучить наизусть несколько фраз или отрывков из Тита Ливия, Саллюстия, Вергилия, Горация, Овидия, Лукана, Стация и т. д. Что же касается собственно риторики, имелись риторы латинские и греческие, то есть появилась своего рода специализация. Чтобы подвигнуть юношей к изучению ораторского искусства, устраивались состязания между молодыми ораторами, и победителей награждали триумфом. Преподавание точных и естественных наук находилось на очень низком уровне. Цицерон говорил, что геометрия сводилась к искусству измерять, поскольку изучали скорее ремесло землемера, чем науку геометра. Астрономию изучали как поэтический вид. К искусству относились в высшей степени пренебрежительно. Лишь в редких случаях детей обучали искусствам (да и то в силу необходимости). Так, Фабий Пиктор отдал сына учиться живописи, поскольку его сын был немой и отец хотел как-то скрасить ему жизнь. К музыке, танцам римляне вообще относились с презрением. И даже занятия гимнастикой не приветствовались. Нагота казалась римлянам в высшей степени безнравственной, возмутительной. На палестры римляне взирали как на школы праздности и разврата, что странно для нации воинов. Сенека говорил, что занятия тут составлены из масла и грязи. Таковы были вначале римские нравы.

Состязания борцов

В отличие от греков, более обращавших внимание на воспитание гражданина и человека, римляне делали больший акцент на практические навыки. Римляне старались приобщить потомство к труду земледельца, торговца, ремесленника. Хотя Сенека и скажет: «Учимся не для жизни, а для школы», понимали, что без трудового воспитания у нации нет будущего. Катон наставлял:

Если имеешь детей, а богатств
не имеешь, – старайся
Делу детей научить, чтоб могли
с нищетою бороться.

У римлян даже слово «обучение» мысленно отделялось от слова «воспитание». Цицерон говорил: «Отечество родило нас и воспитало с тем, чтобы мы отдали все силы своего духа, таланта и знаний его благу: поэтому мы должны изучать те науки, которыми мы можем принести пользу государству; в этом высшая мудрость и доблесть». На тех же позициях стоит Плиний Младший: «Кто же будет настолько терпелив, что захочет учиться тому, чего не сможет применить на деле?» Об этой прагматической стороне характера обучения у римлян писал и Гораций:

Грекам Муза дала гений высокий,
изящное слово
Кроме величия, славы не алчут
они награждения;
Римлян же дети учатся вечно
с трудом и усильем,
На сто частей как делить асс
без всякой ошибки.

В школах поддерживалась суровая, а порой и жестокая дисциплина. В порядке вещей были брань и побои, которыми осыпали учеников учителя, эти сеятели разумного и вечного. Тем от них крепко доставалось. Поэт Гораций вспоминал, что во время обучения в школе единственное, что запечатлелось в его сознании, была щедрость учителя на удары. О том, насколько безрадостным и мрачным было пребывание в стенах школы, говорит признание Августина. Вспоминая школьные годы, он говорил (возможно, преувеличивая), что всякий, кому предоставят выбор между смертью и возвращением в школу, выберет смерть. Не все стремились к знаниям. Широко распространены были равнодушие и лень. Некоторые старались увильнуть от занятий, прогуливали уроки. Придумывались различные болезни (натирали глаза оливковым маслом, пили настойку из тмина и т. п.). На уроках дети не слушали педагогов и болтали. Тут же следовало наказание. К помощи кнута прибегали чаще, чем к помощи стило. Учили детей при помощи розг и палок (лат. *per baculinum*). Поэт Марциал даже назвал розгу «скипетром педагога» (*ferula*). С тех пор закрепилось выражение «пройти сквозь лозу учителя», что означало окончить курс школы. Хотя Сократ сказал: «Когда слово не бьет, то и палка не поможет».

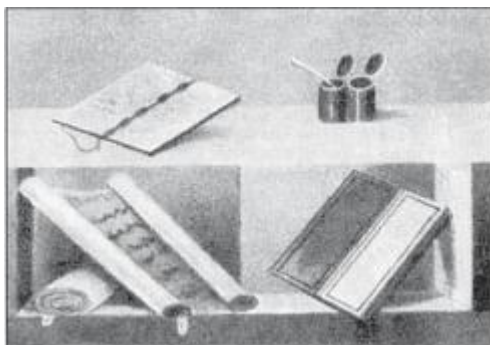
Урок. Учитель в середине

Мудрые всепонимающие учителя – миф, навеянный очевидной склонностью мышления к стереотипам, воспринимающим античность как «золотой век». Дабы стряхнуть это наваждение, вспомним одну из эпиграмм Марциала, где автор говорит: «В них сама жизнь говорит: это я». В другой он же жалуется; «Проклятый школьный учитель, ненавистный и мальчикам и девочкам! Еще не пели петухи, а из твоей школы уже несется твое свирепое ворчанье и звуки ударов». При чем трость использовалась для легких наказаний. В серьезных случаях на зад школьника обрушивались розги или ремень. На помпейской фреске показано, как помощник учителя с видимым удовольствием сечет ученика под строгим взглядом учителя. Такое воспитание приносило свои плоды. Воспитание и образование осуществлялось лицами, коих Гревс верно называл «просветителями поневоле». В «Книге зрелищ» Марциал говорит учителю:

Учитель школьный, сжался
над толпой юной.
Когда ты кудряшами осажден будешь,
И милым будет для всех них
твой стол детский,
Ни математик ловкий, ни писец скорый
Не будет окружен таким, как ты,
кругом.
Сияют дни, когда восходит Лев
знойный
И ниве желтой зреть дает июль
жаркий:
Ременной плети из шершавых
кож скифских,
Какой жестоко бит келенец был
Марсий,
И беспощадной феруле – жезлу
дядек —
До самых Ид октябрьских дай
поспать крепко:
Здоровье – вот ученье

для детей летом.

Реакция бедных учителей объяснима. Ну какой из раба «образованец»?! Живя подачками, достававшимися с барского стола, получая за труд мизерные деньги, учителя и не могли относиться к занятиям с вдохновением. Положение учителя средней школы («грамматики») было лучше, чем у учителя начальной школы. Они больше получали, их допускали в знатные семьи. И все-таки даже Цицерон невысоко ставил труд педагога. Многие из них имели слабую квалификацию. Профессия учителя не пользовалась популярностью. Сюда часто попадали случайные люди. Учителя находились в жесткой зависимости от хозяина и их отпрысков. Как правило, профессиональную нишу заполнили учителя-выходцы из Греции. Были достойные, гуманные и добрые учителя, подобные Филокалу («любителю прекрасного»), о котором говорит надгробная надпись эпохи Августа. Тот был ко всем благожелателен, ни в чем никому не отказывал и никого не обидел.

Свитки, дощечки и чернильница с пером

Свое участие в воспитании юношества принимали поэты, писатели, историки. К поэзии отношение римлян в целом было уважительным. В «Нравственных письмах к Луцилию» Сенека писал, что греки и римляне дают детям заучивать наизусть изречения (то, что греки называют «хриями»). Их особенно легко воспринимает детская душа, еще не способная вместить более сложное и глубокое видение и понимание жизни. Просвещенным людям стыдно «срывать цветочки изречений, опираясь, как на посох, на немногие расхожие мысли, и жить заученным на память». Они должны стоять на своих собственных ногах, а не только запоминать чужое. Философ советует «не упираться глазами в образец и не оглядываться всякий раз на учителя». Хотя, конечно, бывали и исключения.

А. Тадема. Чтение Гомера

Скажем, Катон подчеркивал, что в старые времена поэзия «была не в чести», а тот, кто ею увлекался или обнаруживал склонность к пирушкам, того называли бездельником. Платон также считал поэзию вредной, а мифы безнравственными. Свою позицию Платон объяснял тем, что поэзия далека от истинного бытия и порождает в головах иллюзорный мир. Согласитесь, что это довольно странный упрек со стороны первого идеалиста мира, породившего утопические видения, весьма далекие от реальности. Но вот ученик Платона, Аристотель, эта «самая универсальная голова», как говорил о нем Ф. Энгельс, напротив, считал поэзию не только исключительно полезной, но в каком-то смысле даже более высоким родом искусства, чем философия или та же история. В своей «Поэтике» он разделяет их функции, отмечая, что задача поэта – говорить вовсе «не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости». Историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли оно, или в прозе), – нет, продолжает Аристотель, различаются они более тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть. Поэтому, на его взгляд, «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном». Нам следует запомнить это определение Аристотеля, ибо мы постарались, насколько это было в наших силах, объединить историю и поэзию.

Поэзия доступнее массе, нежели серьезные, но порой весьма трудные для понимания научные работы. Гений римской комедии Тит Макций Плавт (254–184 гг. до н. э.) влачил в Риме жалкое существование, выступая учителем римской толпы. В его комедиях действуют хитроумные рабы, мастеровые, учителя, сводники, гетеры. Темы эти получают развитие в пьесах Шекспира, Мольера, Брехта. Плавт сравнил процесс образования и воспитания молодых людей со строительством дома. Его надо содержать в полном порядке на протяжении всей жизни («Привидение»):

Вот что сказал я о доме.
А теперь хочу я вам
Разъяснить, какое сходство
есть у человека с ним.
Во-первых, родители – вот кто
строитель,
Они для детей воздвигают фундамент.
Выводят, старательно ставят
все скрепы
На всеобщее благо, народу в пример.
Ни сил не жалеют своих, ни достатка.
Расход не в расход для себя полагают,
Отделка – ученье наукам, законам,
Труды, издержки снова.
А все затем, чтоб дети их могли
служить в пример другим.
Когда ж идти на службу им военную,
кого-нибудь
Опорой из родни дают.
Тогда из рук строительных выходят,
а прослужат год,
То видно уж на опыте, постройка

хороша ль была?
Так-то вот я и сам дельным был,
честным был
До тех пор, как в руках был
своих мастеров,
А потом, только лишь стал своим
жить умом,
Я вконец тотчас же погубил
весь их труд.
Лень пришла. Мне она сделалась бурей,
И ее тот приход мне принес
град и дождь...
Погиб фундамент, и никто
не может больше мне помочь.
В сердце боль: знаю я, чем я стал,
чем я был:
Молодых всех людей, как гимнаст,
превзошел.
Диск, копье, бег, езда —
было все мне легко.
Так я жил хорошо.
Образцом моя служила твердость,
бережливость всем,
Люди лучшие желали у меня
учиться им.
А теперь уже ничто я,
и по собственной вине.

Римляне взяли у греков многое в науках и методах обучения. Математику изучали, по словам Цицерона, лишь в той мере, насколько это необходимо для ведения счета. Астрономию учили лишь в целях применения в мореплавании и земледелии, а обучение музыкальному искусству считалось и вовсе делом едва ли приличным. Сципион Африканский возмущался: «Сыновей и дочерей нашей знати обучают лживым и постыдным искусствам: они с плясунами, музыкантами и певцами ходят в школы комедиантов. Я не поверил своим глазам, но сам увидел, как в танцевальной школе 500 мальчиков и девочек, в том числе один 12-летний отрок, отплясывали такой танец, на который самый презренный раб не решился бы без стыда». Образование носило в Риме, как отмечалось, сугубо утилитарный характер. Но по мере того как шло становление системы обучения, росли потребности людей и в духовной сфере. Ведь чем выше запросы общества, тем лучше должно быть образование.

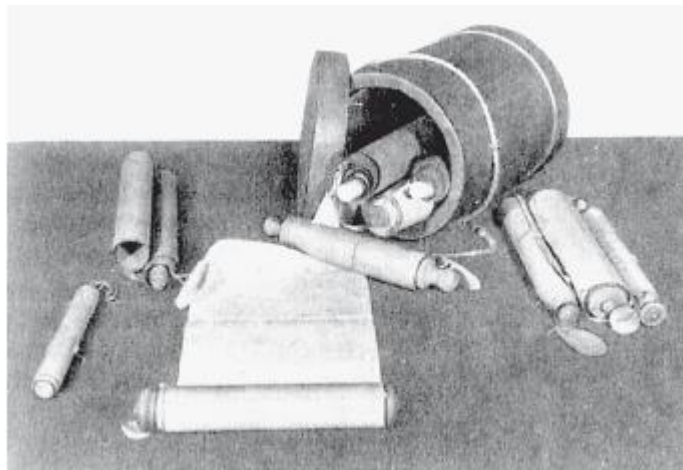
Сыновья Агриппы и Юлии: Луций и Гай

Скажем, победивший эллинов Луций Эмилий Павел, поставивший Грецию под контроль Рима, был и одним из первых, кто признал роль и значение эллинской культуры и образования. Его дети стали воспитываться на греческий лад, а за ним последовали и другие. Кратес Милосский, посол царя Аттала, читал лекции по грамматике на греческом языке (145 г. до н. э.). В конце 2-й пунической войны из южной Италии прибыл в Рим и полугрек Энний, ставший там одним из видных поэтов. Увлечение греческим языком среди римлян оказалось столь велико, что когда через десять лет греческие философы Карнеад, Критолай и Диоген, не владевшие латынью, прибыли в Рим в качестве послов, многие из молодых римлян могли слушать и понимать их лекции. Греческого посла, не владевшего латынью, в годы правления Суллы понимали без переводчика. Делаются переводы «Одиссеи» Гомера, драм Еврипида и т. д. Разумеется, ученые своими трудами способствуют внедрению латыни. Первым римским филологом стал Луций Элий Стиллон Преконин (род. в 150 г. до н. э.), учитель Варрона и Цицерона. Марк Теренций Варрон пишет сочинение «О латинском языке» («De lingua latina»).

Мальчик с голубем и буллой на шее

Образование не исчерпывалось только официальной школой. Плоды мудрости и знаний собирали повсюду. Нередко на это занятие уходила вся жизнь. Однако учение само по себе крайне редко становилось целью и смыслом бытия. «Наши соотечественники, желавшие прославиться мудростью, – писал Цицерон, – всегда стремились полностью охватить все, что можно было изучить в нашем отечестве». А также и за его пределами – в Египте, Сирии, Иудее, Месопотамии. Культура распространяется вглубь и вширь среди римских граждан. Теперь уже просвещенный римлянин не скажет подобно Луцилию (II в. до н. э.): «Мой конь, мой конюх, мой плащ, моя палатка полезнее, чем философ». Растет число латинских учебников, развивается литература. На лекциях, по примеру Кратеса, читают не только Гомера, но и труды отечественных писателей: «Пуническую войну» Невия, «Хронику» Энния, стихотворения Луцилия. Возникло важное культурное явление – публичная лекция. В какой мере все это способствовало развитию образования? Очевидно, в немалой. Хотя формально эти лекции не были преподаванием для юношества, но они хорошо подготовляли юношество к чтению и пониманию классической латинской литературы. Таким образом, обозначился складывающийся образец гуманитарного высшего образования. Заметно вырос интерес к поэзии, литературе, историческому прошлому римлян.

Книжные свитки

По мере того как культура римлян, да и вообще многих латинян, росла, они потянулись к книгам... Уже во II—I вв. до н. э. в Риме появились первые частные библиотеки. Обычно книги доставались полководцам вместе с награбленными сокровищами. Луций Эмилий Павел после победы над македонцами перевез в Рим книжное собрание македонского царя Персея. Сулла отправил из Афин в Рим часть библиотеки Аристотеля, принадлежавшую Апелликону с острова Теос. Появились и публичные библиотеки. Такую библиотеку вздумал создать еще Цезарь, поручив это дело Марку Теренцию Варрону. Смерть его помешала тогда строительству. Несколько десятилетий спустя к проекту Цезаря вернулся Азиний Поллион, который и основал такую библиотеку при храме Свободы на римском Форуме. Октавиан Август открыл свою библиотеку на Палатине при храме Аполлона в 28 г. до н. э., хотя та сильно пострадала при пожаре Рима (64 г.). И хотя библиотеки часто горели, все же к царствованию Константина в Риме насчитывалось 28 библиотек. Существовали библиотеки и в иных городах.

Двустворчатый «книжный шкаф» для папирусов

Политики, полководцы, сенаторы и даже императоры стали, что называется, «пописывать». Будущий император Клавдий I в юности написал на латинском языке свою биографию, а также ряд сочинений на греческом – карфагенскую историю и историю этрусков. Но чтобы что-то написать, прежде надо было немало прочесть, а для чтения необходимы книги. Книги же содержатся, как известно, в библиотеках. Витрувий отмечает огромную

значимость библиотеки для лиц, занимающихся государственными, научными или литературными делами: «Кроме того, их библиотеки, картинные галереи и базилики должны сооружаться с пышностью, в которой они не уступят общественным постройкам...» О своей библиотеке писал и Плиний Младший. Богатые библиотеки имели в Риме Марк Теренций Варрон, известный ученый-энциклопедист, а также Лукулл, прославившийся не только роскошными приемами, но и весьма ценным и обширным собранием книг.

С. В. Балакович. Катулл читает свои стихи

Литература, разумеется, потребовала немалых усилий и по развитию издательского дела (перепись стихов, трагедий, комедий, басен и т. д.). Известностью в Риме пользовался Спурий Кларан, поставлявший сенату и читавший на публике трагедии Энния («римского Гомера»), стихотворения Катулла, лирику. Иным поэтам платили за рифмоплетство вполне прилично (груды серебра). Особенно популярен был Катулл, нравившийся одинаково знати и простонародью. Правда, чаще уделом поэтов оставалась почти неприкрытая бедность. Катулл, бесстрашный Катулл, бичевавший своими политическими эпиграммами даже Цезаря, писал друзьям:

Мой Фабулл! Накормлю тебя отлично
В дни ближайшие, если бог поможет.
Только сам озаботься угощением,
И вином, и хорошенькой девчонкой,
И весельем, и острыми словами.
Озаботься всем этим, и отлично
Угостишься, дружок! А у Катулла
В кошельке загнездилась паутина...

А. Карраччи. Адонис находит Венеру

Тогда в Риме вошло в моду собирание редких книг. За ними охотились, их бережно хранили, любовно переписывали. Цицерон сообщает в письме Аттику, что получил от некоего Петта множество книг, и в другом письме приглашает того в свое поместье, желая похвастаться своим богатством: «Увидишь удивительный перечень моих книг, составленный Тираннионом...» В библиотеке были как латинские, так и греческие книги. Как и в поздние времена, для иных богачей собрания книг становились предметом накопительства, символом престижа, чтобы пускать пыль в глаза. Таких людей высмеивали Сенека, Лукиан, Ювенал. Ведь представители бедной «римской интеллигенции» не имели средств для покупки книг. Эту столь типичную для всех времен ситуацию и описал Ювенал:

Старый ларь бережет сочинения
греков на свитках
(Мыши-невежды грызут эти
дивные стихотворенья).
Кодр не имел ничего...

Предпринимаются усилия в направлении создания специальной литературы для детей. Марк Порций Катон, известный оратор, бывший консулом и цензором (184 г. до н. э.), пишет первую римскую историю на латинском языке, создает первую энциклопедию и детскую историю для сына (в них собраны сведения по истории, военному делу, медицине, сельскому хозяйству). Катон прославился тем, что оберегал молодежь от дурных обычаев (попоек, разгула, роскоши). Он говорил, что достойным не к лицу походить на попугаев. Он ввел налоги на роскошь. Кстати, досталось от него и некоторым академикам, во главе с «идеологом»

Карнеадом, соблазнявших молодежь дурными мыслями. Китайцы верно говорят: «Воспитание бывает часто личиною, пригодною для того, чтобы скрыть безобразие...»

Антонио Канова. Амур и Психея

Искусство воспитывало в молодежи чувство гордости за свое отечество. В Риме оно служило как воспитанию нравов, так и удовлетворению тщеславия. Это правило демонстрировали оба древних народа – греки и римляне. «Искусство смягчает нравы», – гласил афоризм.

Ф. А. Бруни. Вакханка и Амур. Русский музей

Глядя на древнюю историю, этого не замечаешь, но то, что оно тешило тщеславие и честолюбие сильных мира сего, сомнений нет. Так, римские патриции особенно высоко ценили право оставлять потомкам свое изображение (*jus imaginum*). Поэтому до нас дошло такое огромное количество скульптур, портретов и гемм. С ростом римского могущества, с притоком все новых богатств Рим стал отстраиваться и разрастаться. Из Греции пришли в архитектуру совершенные художественные скульптуры и фриз. В последние века республики вспыхнула строительная лихорадка. Императоры и вожди ее всячески поощряли. Красс, Цезарь, Помпей воздвигают пышные здания. Богачи и знатные люди стараются перещеголять друг друга. Дом Цицерона стоил 100 тысяч, дом Клодия – 740 тысяч сестерций. Появляется роскошный дворец Августа. При Августе Рим из кирпичного города становится мраморным. Растет и общее число частных домов. Стали создаваться многоэтажные здания (*insulae*) в 3–4 и даже более этажей. Каждый этаж имел особый вход и лестницу. Так, поэт Марциал, чтобы попасть в свою квартиру, должен был подниматься по трем лестницам. Окна в домах были небольшими, а покои освещались через небольшие отверстия. Дома согревались каминами с помощью теплого воздуха, поступавшего через проложенные в стенах трубы. При этом дым выходил через окна и отверстия в кровле. Пол в домах состоял из смеси земли, извести, камня. И лишь в дальнейшем возникает мраморный пол. На нем изображались цветы, ветви деревьев, животные и даже целые сцены из истории. Примечательна одна из подобных половых мозаик, найденная в 1831 году. На ней изображен эпизод битвы Александра Македонского. Другой образец подобной красочной мозаики – «Капитолийские голуби». Над внешним, передним входом в дом обычно находилась надпись «*Salve*» («Здравствуй») и висел молоток или колокольчик.

Античная мозаика. Голубки

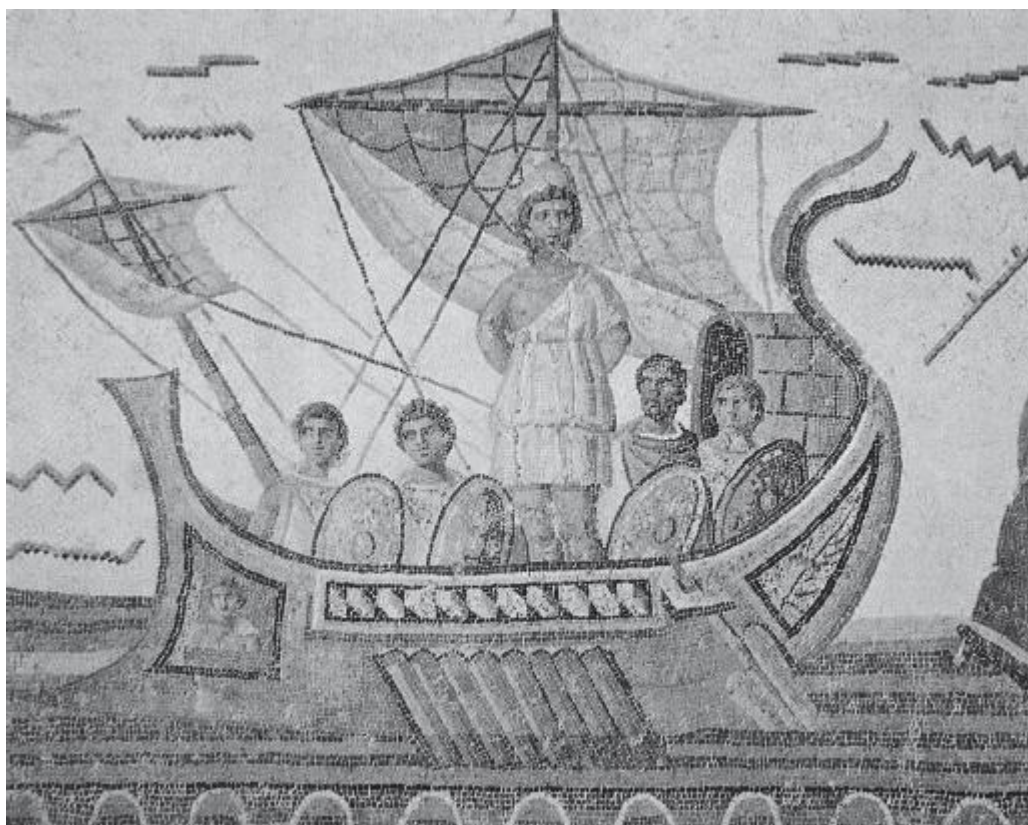
Искусство и тогда не могло оставаться вне политики, активно участвуя в споре и схватках. В бурную эпоху гражданских войн оно являлось острейшим оружием в политической борьбе. П. Яль образно охарактеризовал художественную жизнь Рима как «войну картин и статуй!». Тот, кто узурпировал власть или рвался к ней, пытались поставить деятелей искусств на службу своим амбициям. В то же время за «опасные» книги и портреты и тогда иных порой преследовали и высылали. Цицерон приводит текст такого указа: «Всякий, кто, храня у себя изображения мятежника и врага отечества, тем самым чтит его, недостоин оставаться в числе граждан». Плутарх рассказывал, как юный Цезарь, заигрывавший с популярными, ночью принес на Капитолий уничтоженные Суллой и вновь им изготовленные статуи Мария. Огромная толпа собралась у них утром. Это была подлинная политическая демонстрация, объектом которой стали портреты погибшего вождя демократов.

Геракл преклоняет колена перед богами Олимпа

Взаимоотношения греков и римлян были весьма далеки от идиллии. Во многих отношениях Рим представлял собой полнейшую противоположность Греции. Если греки с самого начала являли собой пеструю массу свободных, а потому в высшей степени независимых и самодостаточных государств-полисов, то римляне являлись более тесным полити-

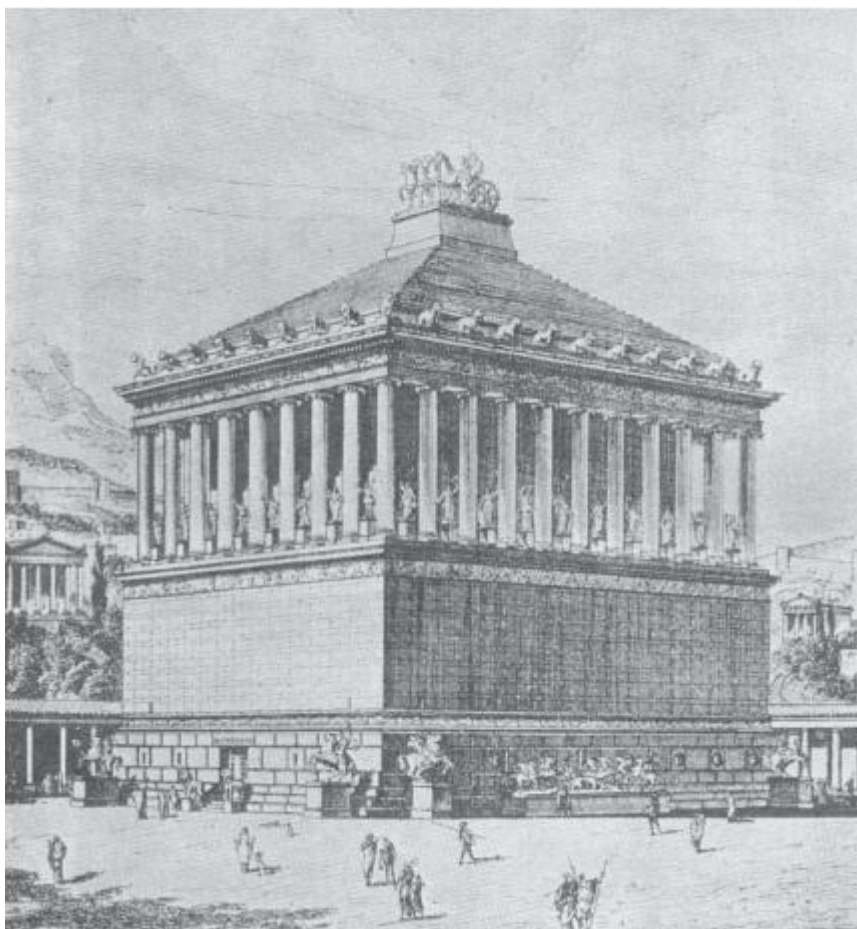
ческим объединением. Г. Дельбрюк отмечал: «Раздробленные греческие государства либо сохраняли в своем государственном строе нечто косное, застойное (как Спарта), и до нас не дошло о них никаких достоверных известий; или же их кидало от одного коренного переворота к другому, так что, например, для Афин Аристотель насчитывает 11 сменявших друг друга различных образов правления». К тому же Рим во всех потрясениях все-таки следовал неуклонной линии развития. Даже при переходе от монархии к республике, совершившемся революционным путем, сохранилась в значительных чертах основная сущность прежнего государственного строя. Римляне были более привычны (в первые столетия их истории) к более суровым условиям не только обитания, но и службы. Известно, что в Афинах на каждого гоплита (тяжеловооруженного воина) приходился один легковооруженный, а в Риме это соотношение составляло один к трем. В Афинах сопровождающим воина выступал раб, а в Риме эту функцию выполнял гражданин, подлежавший воинской повинности. Рим был скорее, чем Греция, приспособлен к ведению долгих и изнурительных боевых действий. Народ его был воспитан в военном духе. Экономические основы римского государства были лучше приспособлены к существованию на грани войны и мира. Поэтому Греция побеждала в культуре, тогда как Рим оказывался победителем во всех решающих сражениях и битвах.

Одиссей пускается в путь

Разница в типах и идеалах вела к тому, что часть римлян относилась к грекам настороженно. Иные из них считали греческих врачей отравителями, а риториков – краснобаями, сбивающими с толку порядочных людей, философов же – людьми бесполезными для республики. Когда во-след Цицерону кричали «грек» и «философ», это у римской толпы считалось обидным и почти бранным словом. Случалось, что философов и риториков высылали из Рима, а их школы закрывали, как чуждые традициям и установлениям предков. Крайнее эллинофильство резко осуждалось. Политик Катон при всяком удобном случае высмеивал и резко бранил греков, видя в их образовании семена гибели для Рима. Ведь греки учили утонченности в ущерб простоте нравов, изнеженности в ущерб закаленности и здоровью,

словесной эквилибристике в ущерб простоте мысли. Греки, по его твердому убеждению, всех развратили своей литературой. Они же испортили и римские нравы. Будучи цензором, он наложил на богатые платья и драгоценности пошлину, в десять раз превышающую их стоимость. По его настоянию из Рима изгнали эпикурейцев Фалиска и Алкея. Вышел и указ сената о закрытии всех театров и изгнании всех риториков. Когда римляне заинтересовались диалектикой, Катон выслал из города греческих послов, ставших преподавать в Риме «зловредную риторику» (в 155 г. до н. э.). Похоже, в позднюю эпоху в тогу Катона решил облечься и Фридрих Ницше. Он восклицал: «Грекам я не обязан подобными по силе впечатлениями; и, говорю это прямо, они не *могут* быть для нас тем, чем являются римляне. *Учатся* не у греков – их порода слишком чужда нам, она также слишком текуча, чтобы действовать императивно, действовать «классически». Кто учился когда-либо писать у грека! Кто учился этому когда-либо *без* римлян!».

Мавзолей в Галикарнасе

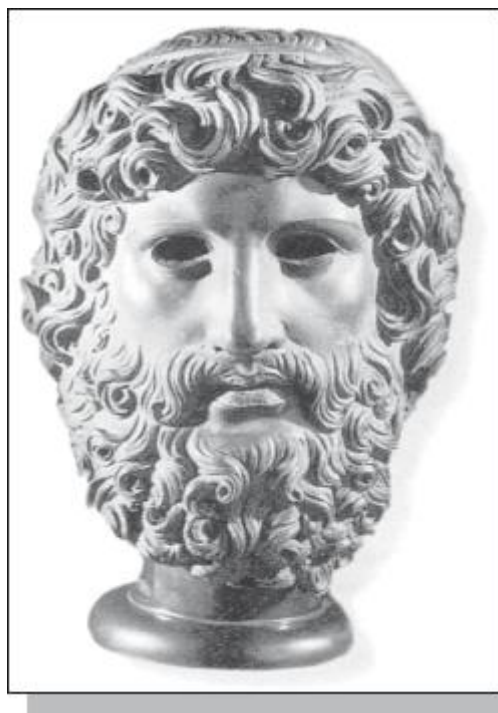
Древние говорили: «Пока молод, сердцем чистым словам внимай и вверяйся мудрейшим». Жизнь каждого строго индивидуальна. Время вносит коррективы и планы. Те, кто не смогли выйти из-под опеки предшественников, терпели поражение. Они будут повторять чужие слова, оставаясь переписчиками и пересказчиками чужих мыслей. Истина открыта для всех, но не всем она доступна. Воспитанные в духе опеки и рабского служения люди никогда не достигнут великих целей. Мудрость веков предостерегала против чрезмерного упования на чужой опыт. Каждый из великих народов, греки и римляне, внесли ценный вклад в культуру.

Глава 2. Власть диктаторов и императоров

Одной из интереснейших проблем в истории древнего мира является решение вопроса о том, как и в силу каких причин римское государство, построенное на основах античного народоправства, то есть свободного гражданского строя, и просуществовавшее на этих основах ряд столетий, в результате процесса, длившегося всего несколько десятилетий, оказывается в руках носителей абсолютистской власти и притом не преходяще, как это наблюдается в ряде греческих городов-государств, а длительно. Раз появившись и укрепившись, Римская империя, все более и более выявляющая свое абсолютистское лицо, существует непрерывно ряд столетий, погибая только вместе с гибелью римского государства или, вернее сказать, переживая эту гибель и возрождаясь в новой обстановке и при новых условиях.

М. И. Ростовцев. Рождение Римской империи.

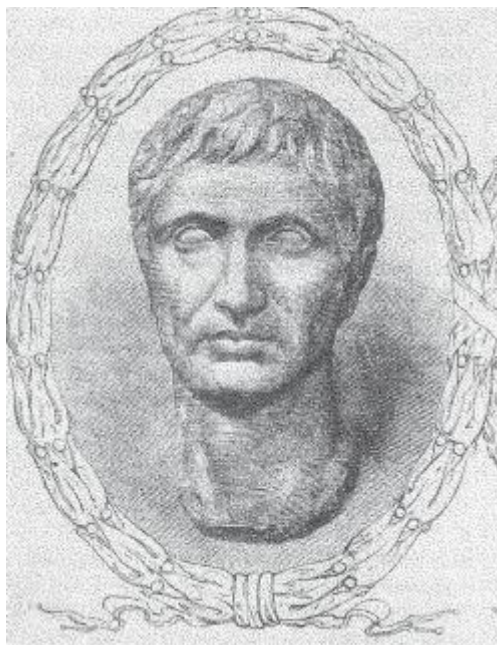
Путь к диктатуре: Сулла, Помпей, Цезарь, Брут

Если Карлейль прав хотя бы частично и история мира это действительно биография великих людей, то историку, писателю, а уж тем более политику или государственному мужу не обойтись без обращения к именам Суллы и Цезаря, хотя нас (да и вас) собственная жизнь волнует куда «больше, чем жизнь Юлия Цезаря».

Сулла – молот, что нанес первый весьма ощутимый удар против Республики... Говорят, он был человеком огромной физической силы. Хотя он и не получил систематического образования, отличался высокой культурой, писал сочинения по естественной истории и якобы знал 22 языка. События, приведшие его на вершину власти, развивались так. Римский сенат поручил оптимату вести войну против Митридата. Он разгромил войска противника в битвах за Афины и при Херонее. В первом случае римляне не встретили особого сопротивления.

Когда же во время переговоров греки стали напоминать ему о славном прошлом Афин, он рассердился и выгнал послов, заявив, что римляне пришли побеждать, а не слушать уроки по истории. В городе его солдаты вели себя как варвары. Ведь Сулла предоставил им полное право грабить и убивать. Солдаты грабили все, что попадалось под руку. Многих афинян просто задушили. Многие покончили жизнь самоубийством. Сулла присвоил богатства из сокровищницы Парфенона (60 золотых и 600 серебряных талантов), увез в Рим колонны храма Юпитера Олимпийского. Еще худшей участи подвергся захваченный Пирей. Этим дело не ограничилось. От жестокости и жадности Суллы пострадали Делос, Дельфы, Олимпия. Он буквально стер с лица земли целый ряд городов. «С похода Суллы в Грецию началось ее падение и уменьшение ее народонаселения, – открыто писал Г. Финлей. – Опустошения, произведенные им в Аттике, до такой степени уничтожили там всякую собственность, что Афины с тех пор утратили не только свое политическое, но и торговое значение. Раса афинских граждан была почти совсем истреблена, а права гражданства перешли к новому населению, состоявшему из массы разнородных поселенцев». Хотя Сулла оставил Афинам как союзному государству свободу и автономию, но это была лишь призрачная свобода. С тех пор Греция исчезла как самостоятельная национальная сила, став добычей тиранов и пиратов. Отныне ее судьба решалась Римом и Востоком.

Диктатор Сулла

О том, как действовал Сулла, писал и Аппиан... Когда его войска ворвались в Афины, началось ужасное и безжалостное избиение: «Ни бежать они не могли вследствие истощения, ни пощады не оказывалось ни детям, ни женщинам. Сулла приказал всех попадавшихся на пути избивать, в гневе за их поспешный и нелепый переход на сторону варваров и раздраженный их неумеренными оскорблениями. Очень многие, услышав об этом приказе, сами бросались к убийцам, чтобы они скорее выполнили свое дело. Лишь у немногих хватило сил добежать до Акрополя. Сулле удалось остановить пожар города, он отдал его на разграбление войску. И римские воины во многих домах находили человеческое мясо, приготовленное для еды. На следующий день Сулла продал рабов. Гражданам, которые в течение прошлой ночи не успели быть убитыми, – их было очень мало, – он объявил, что дарует свободу, но право голосования, камешками ли, поднятием ли рук, он отнимает, так как они воевали с ним, но их потомкам обещал вернуть это право. Так в полной мере беды постигли Афины.

Сулла поставил гарнизон в Акрополе, так как Аристион и бежавшие сюда вместе с ним под гнетом голода и жажды в скором времени сдались. Из них Аристиона и его свиту, равно и тех, которые несли какую-либо официальную должность и совершили что-либо против того, что было ранее установлено, когда Эллада была завоевана римлянами, – этих Сулла наказал смертью; других же он пощадил и установил для всех них законы, близкие к тем, которые раньше были определены им римлянами. Из Акрополя было вывезено золота около сорока футов, а серебра – около шестисот. Но эти события в Акрополе произошли несколько позднее» (Аппиан Александрийский). Но Сулла говорил, что прекратил разграбление Афин, сказав, что «милует живых ради мертвых».

Митридат VI Евпатор, царь Понта

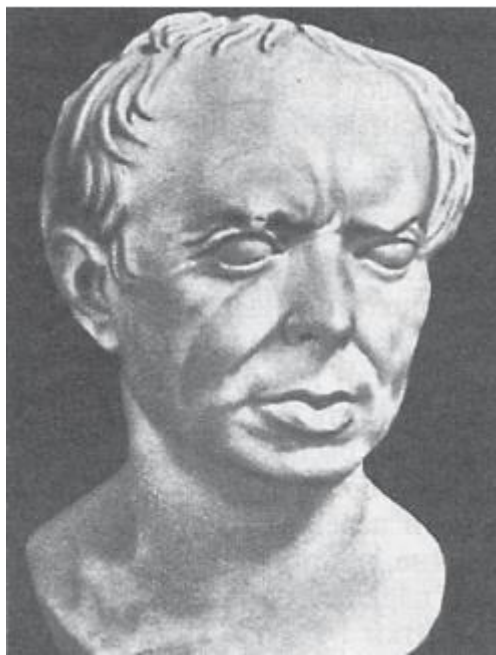
Удачливый военачальник, успешно закончивший войну против Митридата, царя Понта, и заключивший с ним Дарданский мир (85 г. до н. э.), он был подготовлен к роли диктатора. Сулла уничтожил 200 тысяч воинов Митридата. В глазах римлян это был типичный восточный деспот, весьма жестокий и коварный. Он приказал убить тетрархов Галатии, своих верных друзей. Пригласил на банкет с женами и детьми и всех их уничтожил. Итальянцы он убивал повсюду, несмотря ни на возраст, ни на пол. При оценке этой очередной схватки Рима с Азией надо учесть, что Митридат в глазах многих обитателей Малой Азии выступал в роли освободителя, ибо освобождал подвластные Риму территории и города. Когда же он стал терпеть поражения, те вновь становились зависимыми от Рима. Рабы должны были вернуться к ненавистным римским хозяевам. Борьба с ним стала для Суллы важной ступенью на пути к венцу императора. В результате побед Суллы были созданы еще 44 фискальных округа, для разверстки и получения налогов. Союзники Рима – Хиос, Лиция, Магнесия, Родос и другие – объявлены свободными и исключены из каких-либо фискальных и военных обязательств. Ряд городов получили почетные грамоты. К диктатуре Суллы подталкивала не только война с Митридатом VI Евпатором (120—63 гг. до н. э.), но и политическая обстановка в самом Риме. Суллу оскорбило то, что его, победителя Митридата, ждал не триумф, как следовало бы предполагать, а преследование со стороны сената Рима. Тот осмелился поставить его вне закона. Диктаторы появляются в том случае, когда социальные силы в обществе разделены или расколоты столь глубоко, что не в состоянии выполнить

ключевые задачи нации и государства. В схожих условиях произошло и призвание Цинцинната к власти диктатора.

Дж. Б. Тьеполо. Призвание Цинцинната к власти диктатора

История превращения Суллы в диктатора довольно тривиальна. Победы дали ему власть и поддержку войска. Так он стал «солдатским императором». Этим титулом солдаты приветствовали вождя-победителя на полях сражений. Нравы тогда были жестокими и соответствовали времени. Для празднования триумфа надо было убить в сражении не менее 5 тысяч врагов. По подсчетам Р. Вернера, за период с 435 г. по 350 г. до н. э. из 19 назначенных из-за внешней войны диктаторов 11 справляли триумф. В воздухе носилась идея диктатуры. Власть в столице из-за непрекращающихся гражданских смут и убийств пошатнулась. Не останавливаясь перед чудовищными преступлениями, претенденты на власть рвали друг у друга собственность, деньги, земли и посты. Путем проскрипций тогда делались огромные состояния. Сулла был умелым демагогом. Формально он вроде бы даже ратовал за демократию. Состав сената увеличил с 300 до 600 членов. На деле это был оплот олигархов и плутократов (как и Ельцин в России). Сулла фактически уничтожил опору реальной народной демократии, ограничив права народных трибунов. Он создал себе опору в лице 10 тысяч рабов (корнелиев).

Гай Марий – полководец Рима

Дав свободу этим элементам, он манипулировал ими, как манипулировал Ельцин коррумпированным чиновничеством и полууголовным сбродом. В конце концов он восстановил олигархическую республику, на деле выступая в роли монарха при этом строе. Что же касается господ сенаторов, то они исполняли при нем роль говорящих и голосующих статистов. Российский правовед и социолог Б. А. Кистяковский писал: «Со времени Суллы сенат оказался обладателем государственной власти, но лишился авторитета; «он имел право приказывать, но его приказания не имели силы». Ему были противопоставлены авторитеты или заговорщиков и революционеров, как Катилина и Спартак, или новых повелителей, как Красс, Помпей и Юлий Цезарь. Наконец, после возникновения принципата римский сенат утратил и авторитет, и власть, которые оба перешли к императорам. Но в правление неспособных императоров к сенату снова возвращалась тень былого авторитета». Примерно в таком же духе складывалась судьба сената и в России.

Сцены из римской жизни

Естественно, при нем крупные собственники вконец распоясались... Соперник Суллы Марий выстроил роскошную виллу в Кампании. Власти открыто занимались спекуляциями, вовлекая в сей бизнес своих детей и родственников. Дочь Суллы Корнелия купила виллу Мария за 75 000 денариев и продала ее за более чем 500 000 денариев. По данным тех, кто смог пережить семь лет гражданской войны, властью было роздано около 2,5 миллиарда сестерциев. В Италии брали всё, что плохо лежит (точно как у нас, в России). Марк Лициний Красс обладал 200 миллионами сестерциев, однако не желал считать себя богачом на том основании, что не мог содержать армию на годовой доход. Страну грабили те, что пришел к власти на волне народных чаяний и надежд. В Риме марианцы пытались сопротивляться, но офицерам и солдатам надоела власть демократов в столице. Явившиеся в армию их парламентарии были растерзаны солдатами на месте. Ненависть к былой власти была всеобщей.

Ее никто не хотел защищать. В ходе гражданской войны произошел передел собственности среди римской аристократии. Это, так сказать, «материальная подкладка» любой гражданской войны и любых реформ.

Знаменосец с портретом императора и воин с орлом

Одержав ряд побед в Азии и Греции, Сулла вернулся в Италию. Он ввел режим нескрытого террора. По некоторым данным, при нем перебили 90 сенаторов и 2600 всадников. Приближенные Суллы, его солдаты и вольноотпущенники, устроили кровавый передел имуществ казненных (таким путем многие из них стали богатыми). Целые города были отданы им на разграбление. И Сулла стал первым, кто составлял списки приговоренных к смерти, назначал подарки тем, кто их убьет, деньги – кто донесет, наказания – тем, кто приговоренных укроет. В 82 г. до н. э. впервые был принят закон, по которому Суллу назначили диктатором с неограниченными полномочиями на неопределенное время. Такого Рим еще не видел. Поэтому он сумел так легко прибрать Рим к рукам. Республика погибла. «Как только потребность в общем для всех законе и праве исчезает из сердца народа, на место закона и права становится отдельный человек. Поэтому люди не замечают тирании даже тогда, когда она уже наступила». Тирания Суллы, это надо учесть, стала ответом на другую тиранию. Марий-младший хотел бежать из Пренесте, где укрывался, но, узнав, что все выходы охраняются, предпочел покончить собой. Когда находящемуся в Риме Сулле принесли голову молодого «демократа» Мария, тот произнес по-гречески: «Надо сначала научиться грести, прежде чем держать руль» (Ф. Инар). Стоило бы это сказать в XX в. и «головам демократов» в России, тогда мы ныне не стали бы жертвой стольких трагедий.

Представления на Колизее

В столице диктатор устроил всё по своему желанию. Не было и речи о каких-либо законах, голосованиях и выборах по жребию. Римляне «от страха дрожали, попрятались, безмолвствовали», воздвигли конную статую с надписью: «Статуя Корнелия Суллы, счастливого императора». Это был тиран «не по избранию, а по силе и мощи». Чтобы оправдать свою диктатуру в глазах народа, он заявил собранию, что, по мнению его, Суллы, для Рима в настоящее время было бы полезно диктаторское правление, хотя этот обычай и прекратился 400 лет тому назад. Диктатура эта должна существовать до тех пор, пока римская держава, потрясенная междоусобицами, распрями и войнами, не укрепитя. И чтобы у народного собрания не было сомнений в отношении того, кто же должен быть этим диктатором, он прямо заявил, что, по его мнению, именно он, Сулла, в настоящее время будет наиболее полезен для Рима. После долгого периода власти царей, а затем консульской демократии (в течение 100 олимпиад Римом управляли по году консулы) Рим вновь испытал царскую власть. Многие называли власть Суллы общепризнанной тиранией. О том, что на деле представляла собой его власть, ни у кого не было сомнений: он истребил более 100 000, убил и изгнал многих. С тех пор то, что можно было бы назвать *Terror Antiquus*, стало обычной практикой Рима.

В Риме это была первая успешная попытка захвата власти с помощью армии, вооруженным путем. Создан кровавый прецедент, который и стал популярен в дальнейшем. Как бы там ни было, Сулла пользовался огромным авторитетом у солдат. В 79 г. до н. э. он неожиданно добровольно уступил власть. Аппиан считал, что диктатор пресытился войнами, властью и Римом, а потому и уступил власть. Такая власть не могла держаться долго. В 78 г. до н. э. он умер, и говорят, был страшен даже после своей смерти. Полагаю, даже противников он удерживал не только террором.

Кто такой Сулла? Одни клеймят его, видя в нем «кровавую руку олигархов». Моммзен, говоря о роли твердой руки, называл его «оплотом олигархов», что не совсем верно, ибо он почему-то ставит на одну доску олигархов и пролетариев. Он пишет: «Став самым абсолютным властелином, Сулла вместе с тем всегда твердо стоял на почве формального права;

он обуздал ультрареакционную партию и уничтожил гракховские учреждения, которые в течение сорока лет ограничивали олигархию, т. е. капиталистов и столичный пролетариат, а затем и зазнавшихся военных в своем собственном штабе. Сулла создал для олигархии самое независимое положение, он отдал в ее руки в качестве послушного орудия государственные должности, отдал в распоряжение олигархии законодательство, суды, высшую военную и финансовую власть, создал для нее своего рода телохранителей в лице освобожденных рабов и своего рода армию в лице военных колонистов. А когда дело было завершено, творец уступил место своему творению». Олигархия – дьявольское творение. Однако со времен Суллы многие вожди станут опираться не на деньги, а на армию как на главную силу. В то же время Моммзен отмечал полнейшее отсутствие в нем политического эгоизма и почему-то ставил его на одну доску с Вашингтоном (пример явно неудачный, ибо Вашингтон, как и все политики Америки, крайне честолюбивы).

Другие видели в нем борца с несправедливостью, бюрократией, даже чуть ли не народного мстителя (возможно не без оснований). Инар пишет: «Следовательно, объявляя задолго до окончательной победы то, что он рассчитывает отомстить за всех те, кто был жертвой марианских жестокостей, а также отомстить за Республику, подвергшуюся их лихоимству, Сулла в некотором роде заранее взял на себя возможность повышенного наблюдения за операциями по очистке: он был Мститель, и многие древние авторы свидетельствовали о реальности этой пропаганды. Когда Сулла, победитель, приказал убить Дамасиппа и весь сброд, увеличивший свое состояние на несчастьях Республики, был ли кто-нибудь, кто не приветствовал эту меру? Говорили, что они преступники, что эти мятежники, чьи опасные действия не прекращали тревожить государство, заслуживали смерти. И действительно, радикализация марианского режима в 83 и 82 годах напомнила всем, кто забыл, что он устанавливался на трупах...»

Сулла – личность чрезвычайно яркая и неординарная. В культурном плане он был образованный человек (превосходно знал греческую литературу, философию). Когда один бездарный поэт преподнес ему стихотворный панегирик, он велел дать ему денег с одним условием, чтобы он впредь никогда больше не писал стихов. Как его оценивать? Дело не в том, был ли он холодным и расчетливым честолюбцем (да в политике иных, пожалуй, и не бывает), а вот важнее то, что он привнес в общество, что в нем изменил, как повлиял на судьбы Рима и историческое развитие ойкумены. Понимая всю спорность подобного вердикта, мы склонны считать, что Сулла выступил детонатором накапливавшейся годами народной ненависти к сенату, олигархам и аристократам... Сулла презирал не государственные учреждения, и не людей, а коррумпированных римских чиновников, зажавшихся богачей и правителей. Остерман так пишет о действиях Суллы: «Пожалуй, придется даже признать, что именно это спокойное поправление общепринятых нравственных основ общественных взаимоотношений явилось наиболее серьезным вкладом Суллы в эволюцию общественно-политической жизни Рима. Действительно, впервые в его истории доноительство и убийство политических противников с такой циничной откровенностью оплачивалось наличными деньгами. С неведомым до той поры бесстыдством имущество жертв тут же продавалось с молотка. А гнусное зрелище окровавленных голов, наваленных кучей на плитах римского форума! И, наконец, проскрипции – дьявольское изобретение, породившее отвратительную охоту на людей. А вокруг всего этого – бесчинство разнузданной солдатни, стихия насилия, разбоя, грабежей и убийства граждан, вовсе не причастных к политической борьбе. Да, после Суллы уже все было возможно! Через сорок лет проскрипции будут повторены Октавианом и Антонием в еще более отвратительном виде». Здесь многое верно схвачено и отмечено (в отношении тех, кто стал его жертвой), хотя ничего не говорится о тех, кто в свою очередь были жертвой чуть более мелких тиранов и кровопийц.

Разве не так же нынешние «мудрецы» ломают голову над феноменом Сталина? Ведь он также презирал общепринятые нормы буржуазной «морали», впрочем, как и многих политиков-коллег. В нем также возобладало сатанинское начало, но дело свое он знал: политическая элита боялась его, как огня, и работала как бешеная.

Понятно, что традиционная буржуазная историография (в лице ее корифеев) не могла простить Сулле жестокого обращения с привилегированными кругами римского общества (сенаторами, патрициями и богачами). Вольтер в «Письмах Меммия к Цицерону» (1771), в воображаемых эпистолах якобы обращенных к Цицерону, наряду с признанием заслуг Лукреция и призыва к материализму утверждает: «После Суллы Рим должен был возбуждать жалость мира, бичом которого он являлся. Мы плавали в собственной крови. По всему тому, что я вижу и слышу, я предчувствую: Цезарь вскоре будет убит... И что увидел и создал в течение всей своей жизни сам Цезарь? Он видел и творил несчастных». Так зарождался цезаризм.

Римские легионеры

Историк Аппиан (ок. 85/100—163/180), автор знаменитых «Гражданских войн», для которого демократия — «слово красивое, но всегда бесполезное», отметил, что после того как римляне в течение 100 олимпиад пользовались демократией, то есть управлялись консулами как годовичными представителями государства, они познали царя или тирана в лице Суллы. Но то был царь или тиран «не по избранию, а по силе и мощи». Ранее мы сказали, что в глазах простого народа слово «тиран» часто звучало как сладкая музыка. Как так?! Не верите? Поверить действительно трудно, особенно если учесть, что в победоносной гражданской войне было истреблено более 100 000 «цветущего населения». Он убил и изгнал 90 сенаторов, до 15 консулов, да еще 2600 так называемых всадников. Причем у многих он конфисковал их имущество, а тела многих из них просто выбросил из могил! Но дело в том, что *многие из них были ненавистны народу. Народ желал их смерти.* Невозможно понять феномен Суллы, если не знать, что он даровал свободу 10 000 молодым крепким рабам, ранее

принадлежавшим как раз тем самым убитым римлянам. Мало того – включил их в состав народного собрания! *Кто был ничем – тот стал всем!* Он наделил солдат 23 легионов, служивших в его армии, большим количеством земли в городах, частью еще не подвергшейся переделу, частью отнятой в виде штрафа от города. После всего этого он вдруг добровольно сложил с себя власть, отставил своих телохранителей и преспокойно появлялся везде один, без охраны. Можете себе представить появление одного Сталина?!

Колизей. Современный вид

Близилась эра Цезаря, одного из самых прославленных деятелей Рима. Цезарь (100 – 44 гг. до н. э.) – интереснейшая и, бесспорно, знаковая личность, потомок древнего рода, одной из наиболее знатных семей Лация. Он сам возводил свою родословную к героям «Или-

ады» и царям Рима. Цезарь – истинный сын того времени. В молодости, как и подобает юношам, он вкусил «от чаши модных наслаждений и пену и осадок». Занятия литературой чередовал с любовными интрижками, овладевал искусством поэзии. Неплохо ездил верхом и фехтовал. Умеренно попивал вино. Интересовался астрономией и естественными науками. И что естественно – женщинами... Будучи авантюристом и человеком холодного рассудка, он никому не платил долгов, никогда до конца не доверял женщинам и политикам. И тут был прав: первые наградили лысиной (за юношеские кудри он готов был впоследствии отдать все свои военные победы), вторые же – убили.

Цезарь переходит Рубикон

Начинал он с популистских шагов, что характерно для всех политиков. Будучи избран эдилом, то есть тем, кто должен был наблюдать за благоустройством и порядком в городе, Цезарь украсил форум и Капитолий новыми сооружениями. Позже он возвел Колизей. Возведя его руками рабов, он скажет: «Наконец-то я буду жить вечно!» Колизей стал местом массовых зрелищ и пышных игр. Он окружил себя преданными ему лично людьми, подкупал сенаторов, против чего те, конечно, отнюдь не возражали. Не чуждый реформаторских устремлений, он довольно быстро уразумел, что реальных улучшений жизни для всего римского народа достичь непросто. И тогда он стал стремиться к перевороту. Помпей не без оснований упрекнул его в том, что именно обман народа и боязнь расплаты вынудили его на всеобщую смуту и переворот. Отсюда его участие в заговорах Катилины. Он расшатывал государство изнутри, жаждал личной власти. Катулл скажет: «Цезарь покушается теперь на государство уже не путем подкопа, но с осадными машинами». Правда, время от времени он с громкими лозунгами демагогического содержания обращался к народу. Хотя на самом деле глубоко презирал плебс. Позже Сенека скажет в письмах к Луцилию: «Ты спрашиваешь, чего тебе следует больше всего избегать? Толпы! Ведь к ней не подступиться без опасности!» И далее: «Нет врага хуже, чем толпа, в которой ты трешься... Чем сборище многочисленней, тем больше опасности». Но призывы держаться от народа подальше, возможно, еще допустимы для философа или писателя, но не для политика. Ведь Рим жил толпой. Цезарь не мог обойти ее своим вниманием. Впрочем, он не был бы цезарем, если бы не пытался Рим возвысить. Он одержал ряд ярких военных побед, взяв за 10 лет войны в Галлии штурмом 800 городов, покорив 300 народностей (сражался с 3 миллионами людей: из них 1 миллион уничтожил и столько же взял в плен). Его фраза о военной победе стала крылатой: «Пришел, увидел, победил» (*veni, vidi, vici*). Отважный и умелый воин, он передвигался быстро и стремительно, и не боялся опасностей. Был неприхотлив и прост в обращении. Хотя он

и не отличался здоровьем (страдал головными болями и падучей болезнью), в решающие моменты боя вел себя достойно. Понимая, что власть становится добычей лишь решительных людей, он смело перешел речку Рубикон и вторгся в Италию. Тогда он и произнес фразу – «Жребий брошен!»

19 января 49 г. до н. э. до Рима дошло известие о переходе Цезаря через реку Рубикон и о занятии им пограничного города Аримина. И тут надо отдать должное его решимости. Хотя он знал, что в Риме царит анархия и противная сторона не готова к борьбе, решиться на столкновение со своими соотечественниками было все же непросто. И он решил сыграть ва-банк: ночью силами одного легиона и 300 всадников перешел реку, не сообщив об этом остальной армии. Тогда он произнес знаменитую фразу: «Жребий брошен!» (*Iacta alea est!*) Он пообещал войску щедрые награды (солдатам всадническое состояние в 400 тысяч сестерций, всадническое кольцо, офицерам вдвое больше). Со времен Цезаря власть покупают!

Его «корона» была добыта в долгой и изнурительной борьбе с Помпеем и его сторонниками... Помпей (106—48 гг. до н. э.) – сложная фигура, землевладелец и аристократ, прославленный воин и консул. За три месяца очистил Средиземное море от пиратов. В 67 г. до н. э. сенат дал ему на три года чрезвычайные полномочия. Вернувшийся в Рим Помпей оказался в политической изоляции. Сенат боялся блистательного полководца. Замечу, что в основе спора Цезаря с Помпеем лежало не только столкновение личных честолюбий, но и борьба за власть. Можно сказать, что на кону оказалось политическое устройство Рима. Помпей – представитель аристократической республики, тогда как Цезарь олицетворял собой будущую империю. «Оружием Помпея служил авторитет сената, Цезарь же был вооружен признанием и самоотверженностью солдат», – писал историк. Сенат как всегда занимал уклончивую позицию, смотря в сторону того, кто сильнее или больше даст. Что же касается солдат и офицеров, те, получив от Цезаря щедрые подачки, готовы были поддержать его претензии оружием. Плутарх писал, что когда один из военачальников Цезаря, посланный им в Рим, стоя перед зданием сената, услышал, что сенат отказывает Цезарю в продлении срока полномочий, он, положив руку на рукоять меча, воскликнул: «Ну, что ж, тогда вот это даст ему продление». В дальнейшем в Риме развернулась ожесточенная, упорная борьба между членами триумвирата, куда входили Помпей, Красс и Цезарь.

Римский полководец Гней Помпей

Судьба Помпея представляет для нас интерес прежде всего в том смысле, насколько судьба личности в политике зависит от обстоятельств, в которых он доказывает право на лидерство, а в какой степени эта судьба зависит от личных способностей и талантов, от дара политика убеждать и побеждать. Помпей представлял собой довольно часто встречающуюся фигуру политика, который большее значение придает внешним признакам власти (уважение, почет, должности, награды). Он всегда стремился к этой феерии, к этому празднику власти. В Риме прожженные олигархи-демократы сумели ловко использовать эти его человеческие слабости, осыпая его наградами и почестями. Помпей, стремясь к короне, но будучи по форме демократом, вынужден был выдавать себя за поборника народных прав. Ему казалось, что вполне достаточно прошлой громкой славы, чтобы на волне былой популярности прийти к власти. Однако в политике бывшие заслуги мало что значат. Там идет каждодневная, ежеминутная, ежесекундная битва, и в ней зачастую нет места компромиссам. Тут никакими волшебными заклинаниями не помочь.

Легионер с орлом

Помпей имел на руках все карты – и прежде всего армию. Моммзен заявляет: «Если может считаться счастьем получить корону без труда, то ни одному смертному счастье не улыбалось так, как Помпею; но человеку, лишенному мужества, не поможет и милость богов». Верно сказано. Он не смог объединить даже своих сторонников и перессорился со всеми. За ним была военная слава, влияние среди его солдат, но он медлил и колебался. Как скажет один из его политических противников, характеризуя политическое положение Помпея, он попытался в тиши сохранять свой «вышитый плащ триумфатора», пребывая в молчании и в бездействии. Бездействие же в политике это примерно то же, что и бездействие на поле сражения (и даже еще страшнее и губительнее). Вскоре у Помпея исчезла поддержка даже его ветеранов. Ведь демократы и аристократы, соединившись вместе, провалили предложение аграрного закона, по которому предусматривалось наделение солдат-ветеранов землей. Инициатива стала день за днем переходить к Цезарю. «Люди вдумчивые, без различия взглядов, давно уже поняли, что спор партий может быть разрешен не гражданской борьбой, а только военной силой», – пишет Моммзен. В Риме это вскоре станет правилом.

Помпей покинул Италию, дошел до Брундизия, переправился на восточный берег Адриатического моря. «Какой позор, – восклицал римский историк Флор. – Помпей, глава сената, вершитель мира и войны, бежал из Италии без охраны на разбитом корабле, на котором он еще недавно справлял триумф». Далее по-следует ряд сражений. В одних из них успех был на стороне Цезаря, в других – на стороне помпеянцев. После разгрома легатов Помпея при Илерде (49 г. до н. э.) Цезаря в первый раз провозгласили диктатором. В битве при Диррахии Цезарь потерпел поражение. Солдаты его в панике бежали, оставив войску Помпея 32 знамени. самого Цезаря тогда едва не убили. Однако Помпей не сумел наилучшим образом распорядиться победой, а предпочел ждать. Цезарь скажет после битвы: «Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому победить».

Однако уже в Фарсальской битве, в Фессалии (48 г. до н. э.), Цезарь наголову разбил войско Помпея. Хотя соотношение сил в этом сражении явно было в пользу Помпея (у Помпея – 40 тысяч пехоты и до 4 тысяч кавалерии, а у Цезаря – 30 тысяч пехоты и 1 тысяча кавалерии). На поле боя осталось лежать 6 тысяч человек, 24 тысячи было им взято в плен. Тогда погибло большое количество рабов. Цезарь потерял, по его словам, всего 200 человек, в том числе 30 центурионов, захватив при этом 180 знамен и 9 серебряных орлов. Вот как сам Цезарь описал всё увиденное им в захваченном лагере Помпея: «В лагере Помпея можно было увидеть выстроенные беседки; на столах стояла масса серебряной посуды; пол в палатках был покрыт свежим дерном, а палатки Л. Лентула и некоторых других были даже обвиты плющом; много было и других указаний на чрезмерную роскошь и уверенность в победе. Ясно было, что люди, стремившиеся к ненужным наслаждениям, нисколько не боялись за судьбу этого дня. И такие люди упрекали в излишестве несчастное и выносливое войско Цезаря, которое всегда страдало от нужды в предметах первой необходимости! Когда наши были уже в лагере, Помпей сел на коня, снял с себя императорские отличия, бросился из лагеря задними воротами и точас же рысью поскакал в Ларису. Но и там он не стал задерживаться. Вместе с немногими друзьями, которые в бегстве присоединились к нему, и в сопровождении тридцати всадников он все с той же быстротой скакал день и ночь к морю. Здесь он сел на корабль с хлебом и, как говорили, часто при этом жаловался на то, что обманулся в своих предположениях: как раз те части, от которых он ожидал победы, обратились в бегство и предали его». Исход битвы при Фарсале решил шестикогортный резерв Цезаря и его искусство полководца.

Триумфальная процессия на римском форуме

Конечно, многие граждане Рима встретили победу Цезаря без воодушевления. Горько им было наблюдать за схваткой соотечественников. Многие откровенно сожалели о гражданской смуте. «Я здесь не стану, – заметил Веллей Патеркул по поводу битвы, – описывать бедствия этого столь кровавого для римского имени дня, потоки крови, которые лились с обеих сторон, столкновение двух вождей римского государства, конец великого человека, одного из светочей Рима, вместе с которым погибло столько помпейцев». Большую часть пленных Цезарь включил в свои легионы, многим знатным римлянам даровал прощение (в том числе и Катону). Помпей бежал в Египет, где был предательски убит по приказу Птоле-

мея XIII. Убили и его старшего сына Гнея. Возможно, заслуги Помпея иные историки превозносили не по праву. О роли Помпея Маркс писал Энгельсу в язвительном тоне: «Помпей... незаслуженно вошел в славу сначала благодаря присвоению успехов Лукулла (против Митридата), затем успехов Сертория (в Испании) и т. п. Как генерал – римский Одиллон Барро. Как только пытается показать в борьбе против Цезаря свои таланты – ничтожество» (1861).

На Цезаря же уже работала его слава непобедимого полководца. Когда Цезарь направился на Восток, желая узнать, куда бежал Помпей, и стал переправляться через Геллеспонт на маленьких судах, его противник Кассий случайно вышел на него с большими военными кораблями. Если бы Кассий напал на Цезаря со своими 70 триремами, он наверняка бы разбил его и тот бы погиб. Но страх перед Цезарем был столь велик, что тот сдался (отомстив потом, коварно убив всевластного диктатора). Далее последовала громкая победа Цезаря в Африке. Здесь он уничтожил последнего защитника Республики – великого Катона. Это была легендарная личность, которого Сенека называл существом «чистейшим» и «святейшим», коего Саллюстий причислил к двум великим героям (одним из них он назвал друга, Цезаря), о котором Веллей Патеркул, придворный историк Тиберия, сказал, что тот духом приближается «уже не к людям, а к богам».

Э. Делакруа. Смерть Катона

Узнав о поражении армии помпеянцев, Катон, это римский Дон Кихот, решил не сдаваться Цезарю на милость, хотя и не препятствовал невольному общему бегству войск. Он принял ванну, сел за ужин, а затем отошел ко сну, не изменив привычкам. Тем же, кто попытался его уговорить примириться с Цезарем, он, смеясь, ответил, что не нуждается в этом совершенно. От близких потребовал дать ему кинжал, ибо не желал, чтобы его передали врагу живым. Аппий в «Гражданских войнах» говорит, что, окончив читать диалог Платона и полагая, что все близкие заснули, Катон поразил себя кинжалом в сердце. Когда выпали внутренности и люди услышали его стон, врачи попытались было вернуть его к жизни, сшив разорванные части, но упрямый Катон разбередил свою рану – и вскоре умер. Узнав о смерти Катона, Цезарь с досадой скажет: он погубил себя из-за зависти, не дав шанса совершить

красивую демонстрацию помилования. После столь весомых побед Цезарь справил четыре триумфа зараз. Денег в этих триумфах, сообщают, было взято 65 000 талантов, а 2822 золотых венка весили около 20 414 фунтов. Цезарь щедро расплатился с войском, перевыполнив все свои обещания: каждому солдату дал он 5000 аттических драхм, центуриону – вдвое больше, трибуну, равно как и начальнику конницы, вдвое больше. Не забыл и плебс, дав каждому плебею по аттической мине, при этом подарив народу еще и красивые зрелища.

Укрепившись во власти, Цезарь стал господином в Риме и на Востоке. Будучи еще консулом, он принял ряд важных политических мер, укреплявших Римское государство: провел закон о муниципиях, предоставлявший городам автономию в разрешении местных вопросов, установил правила проведения ценза, порядок выборов городских магистратов, предоставив ряд привилегий ветеранам, ограничил право плутократических ассоциаций, принял законы, ограждавшие права должников, для пресечения ростовщичества и спекуляции Цезарь ограничил денежные суммы, что были в ведении отдельных лиц, упорядочил налоговую систему, провел строгий закон против вымогательств в провинциях (направленный против поборов со стороны местных властей и чиновников), выселил бездомную и безработную бедноту из Рима в колонии (80 тысяч). Он же попытался провести ряд аграрных законов и приструнить могущественных и всесильных римских сенаторов.

Г. Летьер. Смерть Катона Утического

Можно перечислить и ряд других весьма конструктивных шагов Цезаря... Прежде всего он постарался смягчить остроту долговой проблемы римского народа. Так, он отменил задолженность по квартирной плате за минувший год, если эта плата не превышала 2000 сестерциев за месяц в Риме и 500 сестерциев в итальянских городах. Тогда же общая сумма долга граждан была сокращена примерно на треть (им зачли уже выплаченные проценты). Ростовщикам было запрещено повышать процентные ставки свыше нормы (0,5 % в месяц, 6 % в год). Он смог изыскать средства для выплаты щедрых наград воинам (20 тыс. сестерциев каждому легионеру и в 2–3 раза больше центурионам). Сыграла роль и та добыча, что была получена в результате побед над галлами, конфискации больших состояний Помпея и его сторонников, а также богатства Птолемеев и Клеопатры. Осуществил он и одну из крупнейших римских золотых эмиссий, приказав чеканить монеты из золота. Цезарь упорядочил систему местного самоуправления. Ему удалось вернуть на земли массы римских легионе-

ров (свыше 100 тыс. человек он вывел на земельные участки). Частично это было сделано за счет конфискаций земель Помпея и его сторонников (Агенобарба и др.), но главное благодаря тому, что он скупил остатки государственных земель (*ager publicus*), а также наладил раздачу земель в провинциях. Свободной земли было много, и он мог ее законно распределять среди его ветеранов. Тем самым он обеспечил поддержку армии и углубил процесс романизации провинций, поддержав сельское хозяйство.

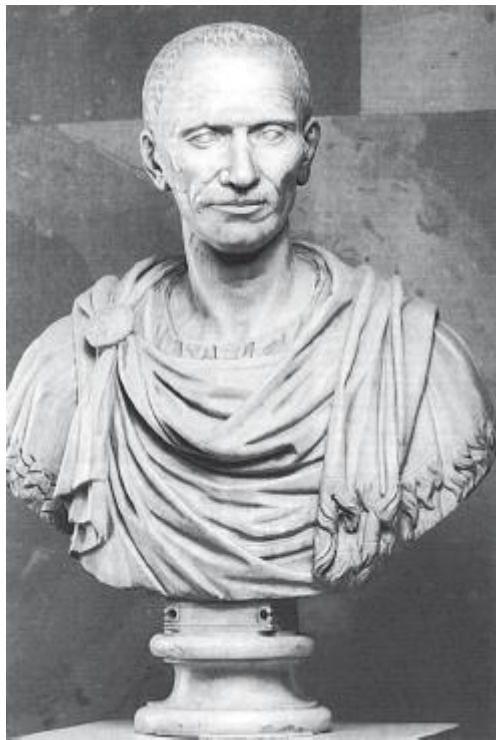
Кельтский вождь из Галлии времен Цезаря

Простой люд он привлек пышными зрелищами и раздачей подарков. Знатных привлекал тем, что расширил состав сената до 900 человек (при Сулле тот возрос с 300 до 600 человек). В то же время он пытался активизировать хозяйственную деятельность. Одни получили землю. Другие занялись доходными хозяйствами или торговлей. Восстанавливались ранее разрушенные крупнейшие торговые порты (Коринф и Карфаген). Порт Остия был реконструирован. В то же время им был принят закон против роскоши (дорогостоящих погребений, роскошных пиршеств, помпезных домов и т. д.). Запрещалось иметь при себе наличными свыше 60 тысяч сестерций. Число римских граждан – люмпен-пролетариев – при Цезаре сократилось с 320 тысяч до 150 тысяч человек (т. е. тех, кто был включен в списки получателей бесплатного хлеба из закромов государства). Одним словом, сделано было немало, чтобы реально улучшить жизнь значительной части римлян.

Капитолийская площадь

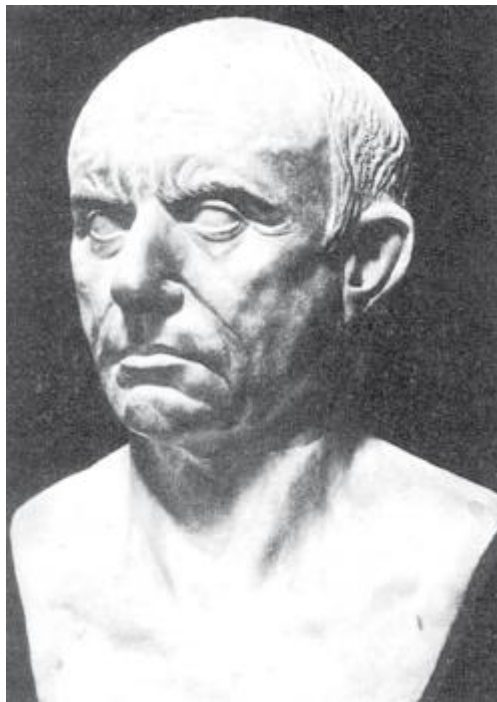
Немалые усилия предприняты им и в сфере образования. Иные утверждают, что он произвел чуть ли не революцию в данной области. Хотя это утверждение представляется натянутым. Правительство выступало с позиций просвещенного абсолютизма. Создавалась по сути дела новая империя (италийско-эллинская). А чем же славны цезари и премьеры как не усилиями по развитию образования, наук и культуры?! Цезарь предоставил всем преподавателям свободных наук и столичным врачам право римского гражданства. Мудрый шаг, способствовавший тому, чтобы под сень Рима тут же устремились лучшие головы и умы. С этого закона начиналось строительство системы высшего образования в Риме. Однако в целом ситуация была скорее негативной. «Вообще же образование находилось скорее в упадке, чем прогрессировало. Разорение италийских городов, наплыв массы чуждых элементов, политическое, экономическое и нравственное одичание нации, а главное, разрушительные гражданские войны более искажали язык, чем могли поправить дело все школьные преподаватели на свете», – заключает Моммзен. Возможно, стоит напомнить о том, что после его смерти в Римской империи была введена новая система летосчисления (45 г. до н. э.), получившая название юлианского календаря. Система (автор – александрийский астроном Созиген) просуществовала до XVI–XIX вв. (а в России до 1918 г.).

Юлий Цезарь

Были у Цезаря и другие полезные деяния. Недаром многие авторы считают его революционером в политике и культуре. Он основал в столице знаменитую публичную библиотеку, назначив главой ее энциклопедиста Марка Теренция Варрона (116 – 27 гг. до н. э.). Варрон был крупнейшим и наиболее плодовитым римским ученым. Количество написанных им сочинений поистине огромно (их свыше 600, в том числе, увы, утраченное произведение в 41 книге «Человеческие и божественные древности»). Всю свою жизнь он посвятил науке как филолог, антиквар и историограф, пытаясь сохранить от забвения славное прошлое своего народа, защищая староримские законы и нравы против чуждых влияний. Научный авторитет его был неоспоримым. Следует добавить, что его труды подготовили блестящий век Августа. Все эти достижения были отмечены сенатом и народом. В 63 г. до н. э. Цезарь был избран великим понтификом (духовным главой народа), в 48 г. получил пожизненную трибунскую власть. Наконец, в 44 г. сенат дает ему титул пожизненного, вечного диктатора (*dictator in perpetuum*).

Подобно Помпею и Сулле он сосредоточил в руках должности несовместимые с точки зрения римских правовых норм. Их совокупность означала пожизненную монархическую власть (распоряжение казной, правом войны и мира). При всей неординарности натуры, Цезарь стал жертвой самовластья. Оттолкнув от себя и республиканцев и демократов, испытывая глухую неприязнь народа (который, как известно, крайне непостоянен в своей любви и ненависти), он был обречен. Дорога братоубийственному кинжалу была открыта. Где цезари и бандиты, там всегда где-то поблизости и кинжал!

Бюст Катона Утического. I в. до н.э.

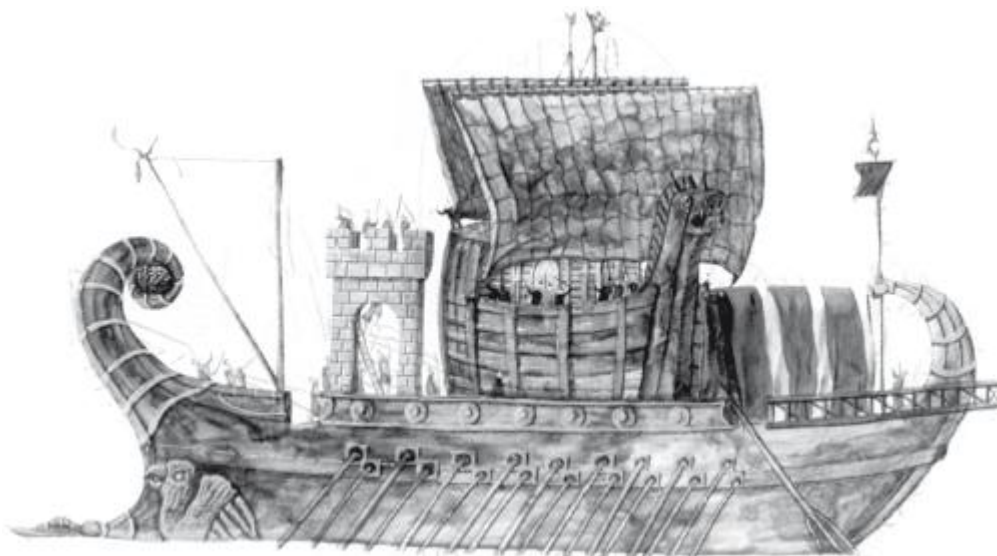
Ему вменяют в вину то, что он стал одним из основателей цезаризма (синоним – бонапартизм). Действительно, если сначала он был назначен диктатором на 10 лет, то в 45 г. до н. э. римский сенат провозгласил его «вечным диктатором», то есть постоянным правителем. Он получил и пожизненные права народного трибуна. Его особа стала считаться священной. Никто не имел права покуситься на его особу. Став цензором, великим понтификом, императором, постоянным проконсулом, он обрел право рекомендовать сенату людей на важнейшие посты (консулов, преторов, эдилов). Одним словом, Цезарь сделался всевластным, что было дополнено соответственно всеми внешними атрибутами (пурпурный плащ триумфатора, лавровый венок, особые сапоги красного цвета и специальное кресло из слоновой кости с золотыми украшениями). Правда, Марк презрительно характеризовал подобное явление, говоря о несколько легковесно и пренебрежительно о «так называемом цезаризме». Однако и наше время показывает – «цезаризм жив»!

Так что же это такое? Узурпация власти не только одной партией, властной группой, но и отдельной личностью с опорой на армию (на силовые структуры). Кстати говоря, опять же приведу пример из античности... Величайший воин и герой античности, Эпаминонд, разбивший доселе непобедимую Спарту, также в некий исторически судьбоносный час оказался перед выбором. Дело в том, что срок его власти как главнокомандующего (беотарха) истек, а в Фивах смертной казни должен был быть подвергнут всякий, кто затягивал срок ее сложения. Но Эпаминонд, думая в первую очередь о судьбах родины, счел несвоевременным сей закон, в трудные для страны дни продолжая оставаться главой (беотархом). И когда положение казалось многим безнадежным, войска вновь выбрали его вождем. Судьи, которые, казалось бы, должны были осудить его за превышение срока нахождения у власти, отказались даже поставить вопрос на голосование и утвердили его. Эпаминонд, преступив букву закона, вернул Элладу свободу и независимость.

Обычно цезаризм отличается тираническим антидемократическим правлением. Иные римляне характеризовали режим Цезаря как тиранию. Катон Младший (Утический) заявил, что «сенат сам устраивает тирана в своей цитадели». Но кто виноват в том? Ведь, проявив готовность следовать за Цезарем, римский народ и парламент сами же возвысили его.

Они намеревались воздвигнуть ему статую, у ног которой лежала бы вся земная сфера. Там должно быть начертано: «Полубогу»! Так же повела себя и обезумевшая римская толпа, посвящавшая ему (живому) храмы, переименовавшая месяцы в его честь (квинтилий в июль). Цезарь принимал почести без всякой меры: бессменное консульство, титул отца отечества, пожизненную диктатуру, имя императора и т. д. Власть его готова была сделаться царской. Окружение потворствовало. На что оно рассчитывало?! На то, что власть, добытая с помощью меча, будет вечной? Цезарь надеялся на это, ибо армия обожала своего талантливого стратега, отличавшегося к тому же щедростью. Однако тут Соломон абсолютно прав: «Придет гордость, придет и посрамление». Меч, который порой обеспечивает доступ к власти, плох лишь одним – он же с легкостью ее и отнимает (нередко вместе с жизнью диктатора).

Время Цезаря – время сплошных завоевательных походов и грабежей. Он и сам признает в своих «Записках», что покорил всю Галлию и опустошил земли германцев и других племен («вся эта местность была опустошена»). Солдаты легионов, если убрать героический фон, предстают в наших глазах грабителями и наемниками, искателями удачи, покушающимися на свободу галлов... Он пишет: «Солдаты Цезаря самоотверженно выносили все лишения в зимние дни от очень трудных походов и невыносимых холодов. В награду за эти лишения и выносливость он обещал, в виде денег от добычи, каждому рядовому по двести сестерциев, а центуриону – по тысяче». В его голове рождались амбициозные планы. Уже в его бытность императором он заявил: «Я прикажу перенести пирамиды в Рим».

Римский корабль идет в атаку

Войны доставляли Риму массу рабов, лишая работы свободных земледельцев. Потеряв работу, те направлялись в Рим, где пополняли собой толпы люмпенов.

В «Записках» Цезаря, написанных, казалось, в объективистском духе, сквозь постоянные упоминания о своем якобы милосердии и человеколюбии, нет-нет да проскальзывают реальные оценки тех ситуаций... Так, Цезарь говорит о том, что посланные им римские легионы и вспомогательные войска во все стороны земли галльского вождя Амбиорига «разорили всю страну убийствами, пожарами и грабежами, перебили и взяли в плен много народа». Конечно, галлы ненавидели римлян, поскольку их выселяли из городов или вынуждали бежать оттуда. Как могли относиться они к римлянам, к тому же Цезарю, чья «мягкость всем известна» (это слова самого Цезаря), если он «решил утратить остальных примерной карой: всем, кто носил оружие, он приказал отрубить руки, но даровал им жизнь, чтобы тем нагляднее было наказание за их преступление». Он приказал держать пленников в цепях.

Знаменательно то, что в борьбе против галлов «благородные римляне» не останавливались перед посылкой убийц во время официальных переговоров о мире (им под видом послов посланы были центурионы-убийцы). И все-таки галлы продолжали упорно сопротивляться.

Вождь галлов – Верцингеторикс

Конечно, никого не могли ввести в заблуждение ни его стремление «сохранять дружественные отношения с общинами», ни обращение к галлам «в лестных выражениях». Несмотря на то что в 53 г. до н. э. Цезарь провел в Лютеции (Париже) общегалльский съезд, где союзные Риму вожди осудили повстанцев, несмотря на то что римляне разбили сенонов, треворов, другие мятежные племена, огонь освободительной войны не утихал. Вскоре восстание разгорелось с новой силой. Восстали карнеты и перебили всех римских граждан в городе Ценаб (Орлеан).

Верцингеторикс сдается на милость Цезарю

Восстание охватило страну. Во главе его стоял талантливый полководец галлов – вождь авернов Верцингеторикс. Вскоре его провозгласили царем. Он умело использовал тактику партизанской войны, напал на мелкие римские отряды, перерезал маршруты снабжения римской армии. Чтобы лишить врага мест для отдыха и пополнения сил, галлы даже сожгли несколько десятков собственных городов и поселений. В битве за крупнейший город Галлии, Аварик (Бурж), Верцингеторикс сражался отчаянно и мужественно. Город был взят Цезарем только после долгой и тяжелой осады. О том, сколь жестокой и кровавой была битва, говорят и цифры: из 40 тысяч жителей города уцелело лишь 500 человек. В последней решающей битве, у города Алезия, галлы потерпели поражение. Римляне захватили 74 знамени противника и отважного Верцингеторикса. Вождя держали в плену долгих шесть лет, провели в триумфальной процессии в качестве живого трофея, а затем «благородные римляне» убили славного галла.

Цезарь утверждает, что «не налагал никаких тяжелых повинностей и вообще старался смягчить для истощенной столькими несчастными сражениями Галлии условия подчинения римской власти». Увы, наш славный Цезарь в данном случае нагло и откровенно лжет... Кроме римских союзников среди галлов (ремы, лингоны и эдуи), все остальные племена были обложены единым фиксированным налогом. Сумма налога (трибута) для Трансальпийской Галлии в его времена достигала астрономической суммы в 40 миллионов сестерциев (или 10 миллионов денариев).

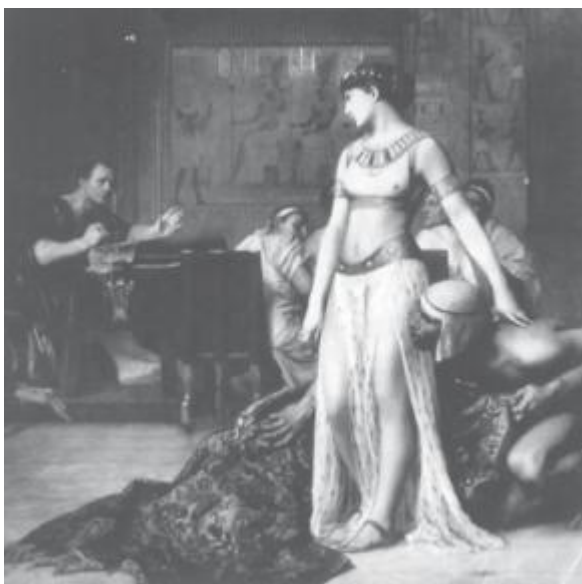
В историографии ученые поделились на сторонников и противников Цезаря. Первых, вероятно, гораздо больше, чем вторых. Для одних он безусловно – «наш герой» (Р. Этьен), для других – политический авантюрист и диктатор (Р. Виппер). Первый из них так оценивает его политику. Цезарь оказался прекрасным правителем и способным военачальником. Он постарался искоренить последние проявления «варварства», уменьшал подати, устанавливал правосудие, проявлял гуманность по отношению к беднякам и уроженцам провинции. Он проявил себя как очень искусный дипломат и способный военачальник. Он способствовал принятию законов о земле, в результате которого получателями наделов стали солдаты и городские пролетарии. Он стал по сути дела единоличным хозяином страны, ибо ему на пять

лет вручили бразды правления и войско, имея право начинать войну. Это позволило ему, как заметил историк, «всех оседлать». Свою власть он, похоже, воспринял слишком буквально, однако Цезарь бесспорно был умным и тонким стратегом и сильным тактиком в военном деле, а не только обладал «харизмой полководца».

Богиня победы. 70-е—80-е гг. н.в.

Цезарь принимал решения после тщательного обдумывания, приходя к ним логичным и рациональным путем. Был стремителен и физически вынослив. Передвигался быстро... Будучи отличным наездником, он, чтобы нагнать свое войско, преодолевал верхом невероятные расстояния. Умея без усталости ходить, он продвигался вперед днем и ночью. Во время сражений он постоянно был на виду как у противника, так и у своих войск: его красный плащ командующего привлекал к себе удары первых и надежды последних. Будучи смелым до безрассудства, он личным примером поддерживал храбрость в своих людях. Он часто рисковал собственной жизнью для того, чтобы показать войску, что жизнь солдата ценнее его собственной жизни. Так, он без колебаний вырвал щит из рук одного из солдат и вышел на передовую линию. Во время битвы при Мунде в Испании все видели, как он в одиночку ринулся вперед с обнаженной головой, отражая щитом брошенные противником дротики, и приблизился к вражескому строю на расстояние шести метров! Увидев безумную храбрость их вождя, римские легионеры перестроились и вновь пошли в решительную атаку. Требовательно относясь к самому себе и никогда не отдыхая, он мог требовать жертв и от других, но старался при этом беречь своих людей и избегать бессмысленных потерь (Р. Этьен). Будучи прост в общении, Цезарь знал по имени каждого центуриона. Он всегда лично поздравлял своих воинов с победой, проявлял неустанную заботу о снабжении войск и старался сберечь их в битвах. Мог ли такой военачальник, столь близкий солдатам, не стать популярным и среди всего римского народа?!

Встреча Цезаря и юной Клеопатры

О любовных похождениях Цезаря ходили легенды. Цезарь преследовал своими ухаживаниями и домогательствами многих семейных женщин, так что Курион Старший называл его «мужем всех жен и женою всех мужей», а один из современных историков – «гениально безнравственной личностью». Оседлав едва ли не большую часть знатных женщин из римского сенатского клана, он частенько соблазнял также и жен знатных провинциалов, но, видимо, при этом щедро оплачивал любовные ласки и развлечения. Не зря же среди его солдат в ходу была песенка, которую те во весь голос распевали во время галльского триумфа Цезаря в 46 г. до н. э.:

Прячьте жен: ведем в город
лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме,
проблудил ты в Галлии.

Известно, что среди его любовниц были царицы: это и Клеопатра, и царица Мавритании Эвноя, жена Богуда. Говаривали, что он соблазнил Сервилию, мать Марка Брута. Ходил слух, что тот являлся ему сыном. Во всяком случае, он осыпал ее дорогими подарками, помог в ее пользу отсудить огромные владения, продававшиеся с аукциона. Он умел обольщать женщин и толпу. Те и другие живут эмоциями, а не разумом. Кроме того, Цезарь был создан для завоеваний. Толпа и женщины схожи: они обожают тех, кто хочет повелевать и умеет это делать. «Сила соблазнителя не ограничивалась сферой чувственности. Умея пленять сердца и тела, он (Цезарь) стремился, благодаря свойственной ему харизме, управлять миром и хотел установить в нем свое царствие (regnum)». Сомнительная репутация Цезаря (как содомита или гомосексуалиста) возникла после пребывания того в гостях у царя Никомеда, которому он якобы в виде шутки, прислуживал виночерпием на большом празднике и которому, опять же якобы дважды отдавался. Слух этот никто не подтвердил. Хотя факт любовных связей Цезаря опровергать никто и не пытался. Помимо трех-четырех законных жен, он имел бесчисленное множество любовниц. Поэт Байрон точно заметил:

Любовь! Сам Цезарь был твоим
ценителем,

Рабом – Антоний, Флавий – знатоком,
Катулл – учеником, Назон – учителем,
А Сафо – синим ревностным чулком...

Представим позицию и другой стороны... «Антицезарианцы» выступают с более серьезными обвинениями. В книге Р. Виппера «Рим» говорится о том, как Цезарь открыл путь политическому подкупу и скандалу. Он получил возможность организовать средства подкупа в доселе неслыханных размерах. Из награбленного в Галлии золота им давались ссуды задолжавшим сенаторам, сыпались подарки господам и клиентам, и даже рабам, которые имели влияние на своих патронов. Светоний не скрывает от нас нисколько, каков был круг тех людей, что стремились к этим щедрым подачкам колониального императора: все, кто находился под судом, те, кто запутался в долгах, промотавшаяся молодежь и т. п. Если только преступления и долги не превосходили всякие меры, все подобные элементы находили в Цезаре лучшую защиту и покровительство; а тем, кому помочь было невозможно, он прямо говорил: «Вам нужна гражданская война». Цезарь угощал римский народ из тех же неисчерпаемых запасов храмовых и других сокровищ Галлии. Он забавлял его играми. Число праздничных дней заметно возросло. Кругом наживались его подчиненные и военачальники, пользуясь предоставленными им правами... Как пример тогдашних нравов и порядков, напомним, как некий Лабием выстроил в Пицене целый город на свои средства. По мнению Р. Виппера, Цезарь впервые встал в центре грандиозной аферы римского грюндерства, то есть открытой торговли должностями или проституирования республиканских учреждений. Притчей во языцех стала неразборчивость Цезаря в средствах: похитил с холма Капитолия 3000 фунтов золота, заменив их медью (в Риме, в храме Сатурн, хранилось 13 тонн золота и 144 тонны серебра). Светоний напишет: «Уже и народ (вначале бурно приветствовавший его избрание. – В. М.) не был рад положению в государстве. Тайно и явно возмущаясь самовластием, он искал освободителей. В XIX в. поэт Байрон скажет, что Цезарь, если называть вещи своими именами, должен был бы сам в конце концов устыдиться всех своих деяний.

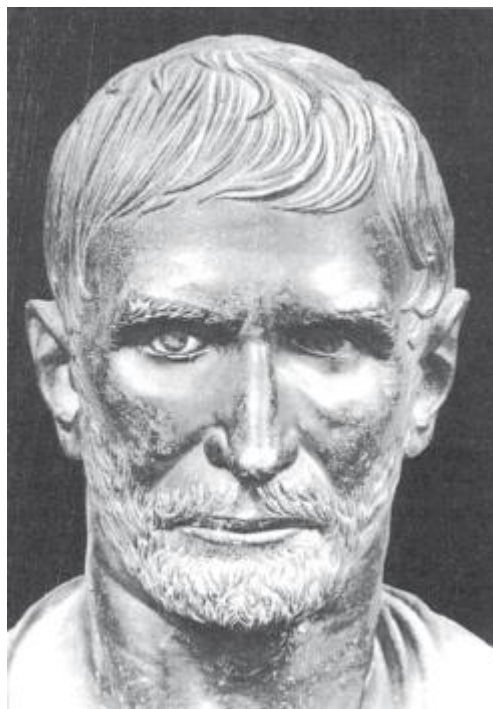

Юлий Цезарь. Берлин

А вот как охарактеризовал деяния Цезаря другой «антицезарианец» (известный историк М. М. Покровский): «Стремясь к полному единовластию, Цезарь не только относится

с полным пренебрежением к сенату, но не уважает и демократических учреждений. Так, он смещает неугодных ему народных трибунов Цесетия и Маруллу, нарушает основные права комиций, которые теперь должны беспрекословно набирать его собственных кандидатов на должности. Мало того, в последний год своей жизни он назначает высших магистратов на несколько лет вперед; далее он оставляет в составе присяжных только сенаторов и всадников и исключает плебеев – *этарных трибунов*, входивших в него со времен первого консульства Помпея (70 г.); он распускает демократические клубы, учрежденные Клодием, а главное – он сосредотачивает в своих руках все высшие государственные должности вместе с трибунской властью и пожизненной диктатурой, которая и вообще была немыслима в прежнем республиканском строе и стала особенно одиозной со времени Суллы. Кончилось дело тем, что он вооружил против себя даже своих ближайших помощников, которые выросли в атмосфере большой республиканской свободы, а теперь оказались простыми адъютантами и чиновниками всемогущего властелина. Началось дело с отпадения еще в начале гражданской войны его главного легата Лабизна и кончилось заговором на его жизнь со стороны его близких «друзей». Политика вообще редко позволяет себе такую роскошь, как дружеские отношения между субъектами политического процесса (в любой стране и в любое время).

Интересно, кто именно поддержал приход Цезаря во власть. Ясно, это были не труженики, скорее авантюристы: спекулянты, воры, политические проходимцы, задолжавшие сенаторы, алчные и по уши погрязшие в коррупции чиновники, торгующие должностями в Риме, вассальные царьки некоторых восточных регионов, военные, коих он одаривал подарками, порой отдав в их руки столько суверенитета, «сколько они проглотят». Его, как и Ельцина при расстреле им Белого дома, поддерживали уголовные элементы (вроде Клодия)... Вооруженные банды рабов устраивали убийства несогласных с Цезарем граждан, осаждали дома, устраивая погромы на улицах (плебс). Цезарь – это царь и харизматик, ставший главой республики. В достижении цели он не стеснялся обращаться к самым гнусным и откровенно бандитским элементам, подкармливая банды Клодия.

Голова так называемого Брута

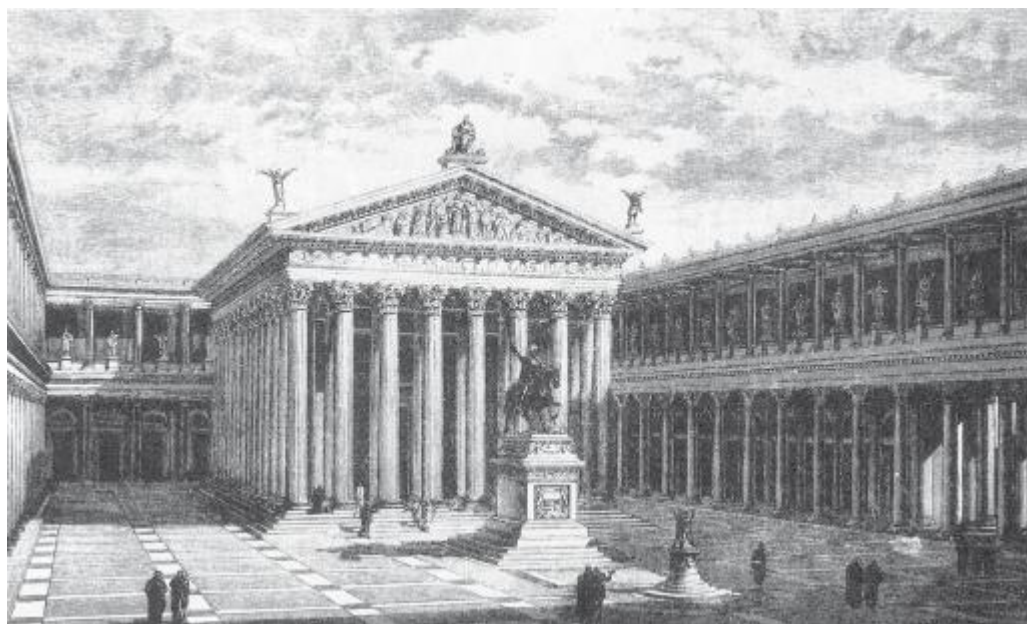
Наличие в жизни Рима такого рода полуофициальных банд, на которые власть закрывала глаза, конечно, имело под собой серьезные экономико-политические мотивы. Нам пред-

ставляется, что Клодий выступил в те времена своего рода тараном, который должен был добить старую Республику (точнее, ее останки) в конституции, аппарате, в традициях. Р. Виппер отмечает этот важный момент: властители, не имея сил подчинить себе центральный правительственный орган, старались терроризировать его, устранить возможность правильных дебатов, фактически упразднить его. У Цезаря был искусный агент, Клодий, организатор вооруженных банд, способных расстроить любое собрание. Клодий с его бандами был «очень нужный человек». Сей трибун был нужен Цезарю примерно так же, как были необходимы российской денежной олигархии банды «демократов», «правозащитников» и воров в конце XX в., чтобы с их помощью, на волне демократии, выйти из тени и утвердиться при Горбачеве и Ельцине. Словно стая шакалов и гиен, бросились они на институты власти и государства (при благосклонном отношении к их деяниям со стороны преступных вождей).

А разве тому, что происходило в Чечне (с приходом к власти Дудаева, Масхадова и Басаева, бандитов и дружков иных олигархов), не подошли бы слова, характеризующие действия в Риме Цезаря и Клодия: «Разгон всех собраний и заседаний с помощью вооруженного сброда, осада граждан в их домах, погромы на улицах – весь этот аппарат Клодия имеет мало общего с политикой... Но по этому же самому он не имеет ничего общего с демократией; с другой стороны, никак нельзя отделить Цезаря от Клодия; это были теснейшие союзники, причем один работал для другого». Цезарь присылал погромщикам обильные средства, те фактически управлялись из центра и правительства. Мы помним и разгром КГБ, и взрыв домов в Москве и России, Беслан и Нальчик (наглые действия банд, махинации с авизо и т. д.). Банды «демократии» делали всё, чтобы окончательно уничтожить Россию.

Кстати, Клодий работал на Цезаря не только на политической, но и домашней арене. Видимо, все же по наущению *самого хозяина*, тот, переодетый арфисткой во время праздника богини Вона Деа, пробрался к жене Цезаря и соблазнил ее. Так что и Цезаря условно можно назвать рогоносцем. Но тот развелся с женой, ограничившись знаковой фразой: «Жена Цезаря должна быть вне подозрений».

Времена тогда были, конечно же, дикие и очень далекие от цивилизованности. Вспомним, как ранее Митридат перерезал всех римских граждан, захватил часть владений Рима в Малой Азии, или то, как затем Сулла ужасающим образом расправился с «демократами» под равнодушное молчание и аплодисменты римского народа. «Величайшее поощрение преступления – безнаказанность», – говорил Цицерон. Если сама эпоха преступна, то одно преступление будет открывать путь другим. И не было видно им конца и края. И Цезарь – вовсе не исключение в истории.

Форум Юлия

Однако, разумеется, не только эти несомненные слабости привели Цезаря к гибели. Были и личностные мотивы у противников. Цезарь, будучи человеком талантливым и довольно-таки одаренным, не учитывал роли ничтожеств и завистников в человеческой истории. А эта роль всегда была велика. Ведь значительное число людей крайне болезненно воспринимает достижения и успехи других. И если эти успехи растут и множатся, если человек идет от победы к победе, то найдутся сотни, тысячи завистников (и прежде всего из ближайшего окружения победителя, героя, таланта). Они приложат все усилия, чтоб погубить яркую и героическую личность. И здесь трудно найти средство, которое могло бы предотвратить подобный заговор (хотя бы даже внутренний и неявный). В итоге Цезарь встал на путь компромиссов с властью, который его и погубил.

В работе «История Древнего Рима» (под ред В. Кузищина) о политике Цезаря авторы пишут: «Как опытный и дальновидный политик, Цезарь понимал опасность и непредсказуемость радикальных мер. Вот почему многие его реформы носят компромиссный, примиряющий интересы различных социальных прослоек характер. Вообще Цезарь рассматривал в качестве руководящего принципа всей своей деятельности социальный консенсус (*concordia ordinum*) и примирение противоборствующих сил на основе раскаяния побежденных и пощады со стороны победителей (*clementia et misericordia*). Помня былой ужас сулланских проскрипций и террора марианцев, Цезарь стремился максимально смягчить ужасы гражданской войны. Конечно, и ему приходилось прибегать к наказаниям, конфискациям, изгнаниям, в битвах погибло большое число его противников. Но Цезарь уже с самого начала гражданской войны стал проводить политику милосердия по отношению к сдавшемуся противнику, и первый тому пример – отношение к воинам Домиция Агенобарба под Корфинием. Цезарем были прощены и приближены, в том числе получили высшие магистратуры, многие его самые фанатичные противники из среды римской аристократии, например Кассий, Марцелл, Брут. Это была гуманная дальновидная политика. Цезарь, возможно, один из немногих политиков мировой истории (может быть, единственный), который не дал развиваться в своей душе жесткости, мести и ненависти и всеми доступными ему средствами стремился к согласию и консолидации во имя высших государственных интересов». Можно бы целиком и полностью согласиться с этой посылкой. Если бы речь шла не о политике, где слабых и

гуманных людей тут же сжирают, как если бы он попал к воинственно-кровожадным каннибалам.

Заговор против Цезаря, почти неизбежный, вызревал в среде республиканцев. В самом начале карьеры Цезаря консул Гай Марцелл бросил в лицо сенаторам фразу в каком-то смысле пророческую: «Радуйтесь своей победе и получайте в Цезаре деспота». С приходом к власти Цезаря республика была похоронена. В заговоре против Цезаря участвовало более 60 человек (Гай, Кассий, Марк Брут, Децим Брут, другие). Была ли так уж случайной его гибель? Р. Этьен считает, что причины гибели Цезаря лежат скорее в нем самом, чем в его противниках. Но попытки убить его предпринимались и ранее (это пытался сделать один раб в 59 г.). В действительности заговорщики восстали как раз против диктатуры правления одного человека. Цезарь опирался на единственную свою партию, прочих отстранив от власти. Это обстоятельство приблизило трагедию. Когда убийцы напали, Цезарь отбивался голыми руками отчаянно и пал «с яростными криками, как дикий зверь». К сожалению, рядом с ним не было охраны (он ее терпеть не мог). Марк Антоний в этот решающий момент бежал вместе со всеми друзьями Цезаря. На теле покойного Цезаря впоследствии насчитали двадцать три ножевых раны.

Убийство Цезаря заговорщиками

Убивший Цезаря Брут считал, что он происходит от того Брута, который изгнал последнего римского царя Тарквиния Гордого. Кем в действительности был Брут? Был ли он, как это утверждала молва, незаконнорожденным сыном Цезаря? Известно, что на позиции признания отцовства Цезаря стояли историки Плутарх, Аппиан, Веллей Патеркул и многие другие. Как подтверждение этого приводят знаменитые предсмертные слова Цезаря: «И ты, сынок» (которые тот произнес по-гречески). Однако такое родство все же маловероятно (по многим причинам). Брут родился в 85 г. до н. э. Его матери Сервилиии было 14, а Цезарю всего 15 лет. В столь ранние сроки римлянки не рожали, а римляне не становились отцами. Но главное даже не в этом. Сам Брут был твердо убежден, что род его ведет происхождение от Луция Юния Брута – основателя республики. Кроме того, никто бы и не привлек его к заговору, если хотя бы на одно мгновение кто-то мог предположить, что тому придется убивать собственного отца. Это просто было немыслимо, зная то уважение, что испытывали римляне к своим отцам.

При всех личных качествах наших героев (хороших и плохих), надо понимать ту ситуацию, в которой оказался Рим в эпоху Цезаря. Рим фактически уже был империей. И то, что Цезарю окружение трижды предложило царскую корону, как предлагают ее ныне Путину, в политическом плане означало нечто гораздо более важное, чем сам по себе знак уважения к власти. В действительности, Рим был уже совсем иным, нежели во времена республики. Заговорщики этого или не видели, или не понимали. Они думали, что стоит им физически устранить Цезаря, как всё вернется на круги своя и старая республика сама собой оживет и возродится. Тогда вновь настанет равенство, к жизни вернуться былые ценности. Но этого не могло случиться (как не может возродиться к жизни и советское государство). Можно было бы привести еще одно сравнение, близкое к реалиям российской ситуации. Ведь против Цезаря тогда выступили не только левые республиканцы, но и правые сенаторы-консерваторы. В глубине души как те, так и другие ненавидели Гая Юлия (но совсем по разным причинам). Первые страстно желали вернуться к ранней республике, вторые – к олигархической эпохе. Первые хотели восстановления идеального «равенства» народа, вторые – полного господства сенаторско-олигархической власти. Среди шести или семи сот сенаторов, пишет А. Берне в книге «Брут», «не нашлось ни одного, кто бы согласился пожертвовать своими личными благами ради общего дела». Им было наплевать на народ, но ими овладевала просто дикая ярость «при одной лишь мысли, что кто-то посмеет лишить их теплых местечек». Так вскоре два эти стана, открыто и люто ненавидевшие друг друга (не менее чем наши «левые» и «правые»), на каком-то отрезке эпохи оказались невольными «союзниками».

Природа же империи такова, что она не может управляться демократически или коллегиально. И то, что Цезарь объявил о конце республики, вытекало из вполне конкретных задач нового государства. Цезарь был убежден, что он с легкостью удержит власть, ибо в сенате всё теперь в руках у его партии, убежденных цезарианцев. Уж эти-то всем ему обязаны. Политики оппозиции? Но те – жалкие трусы. Всё, что они умеют, только болтать. Таков даже их Цицерон. В конце концов, разве дело в том, как величает себя правитель?! Хоть цезарь, хоть монарх, хоть президент, хоть канцлер, хоть диктатор, хоть император. Народу же важен не покров тоги, мундира или френча, а то, что сделал для него тот, чье тело они облекают...

Фактически речь в литературе идет о пяти разных Цезарях – невинный Цезарь Николая Дамасского, убиенный злодеями; Цезарь Светония, убитый по праву; Цезарь Плутарха, раздираемый между славой и милосердием; Цезарь Аппиана, стремящийся к царской власти и заслуживающий того, чтобы исчезнуть с лица земли; и наконец Цезарь Диона Кассия – «идеальный образ монарха, которого погубила лесть» (Этьен). Все пять историков на разных должностях, в разных званиях служили Империи. Поэтому убийство Цезаря их беспокоит и смущает. Это понятно. Однако, думаю, они все же забыли про «шестого Цезаря» – *Цезаря народа*. А как раз *в отношении к своему народу* Цезарь и «вел себя безупречно»: отсылал охрану, приглашал народ на пиры и хлебные раздачи, приступил к выведению колоний и т. д. Главное же, как нам представляется, заключалось в том наследии, которое оставил Цезарь... Надо учитывать, что Цезарь вознес Рим на вершину славы. Это прекрасно понял Марк Антоний, который, когда иные предложили «проклясть и осудить тирана» (как это предлагают сделать в России в отношении Сталина представители бездарной, воровской лжедемократии и ненавистники великой Российской державы, едва ее не погубившие), сказал им: «Вы заслужите ненависть людей и богов, если позволите надругаться над памятью человека, простершего нашу империю до океана и проникшего в неведомые прежде земли». Он прямо заявил им: негоже обливать грязью того, кого боялись и почитали даже враги. И это знаменательно, что спустя две тысячи лет мы столкнулись с близкими подходами и мотивировками при определении роли личности тирана, каковыми (конечно, в разной степени) были Цезарь и Сталин.

Триумф Цезаря. Гобелен

Цезаря помнили и после его смерти... Римский плебс его жалел и уважал; и не только за то, что он завещал народу свои сады и по 300 сестерциев на человека после смерти... В России также помнят, что при Сталине жизнь после войны становилась дешевле, а сейчас все дороже и дороже. Сталин ушел из жизни в сапогах и старой шинели, а нынешние министры и олигархи бегут из России, таща всё, что можно. Останки убитого Цезаря сожгли, но Август построил храм в честь его обожествленной души *aedes divi Iulii*, между арками триумфа. Не по этой ли причине даже наш великий Суворов сказал: «Если бы я был Цезарь, старался иметь бы всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороков»?

Дж. Тинторетто. Минерва и Марс

То, сколь противоречива и неоднозначна фигура Цезаря, видно даже из слов Аппиана, который старается объективно и честно описать то, что происходило в Риме после убийства Цезаря. Брут в своей речи перед народом попытался, естественно, выделить негативные стороны политики Цезаря. В частности, он указал на то, что Сулла и Цезарь роздали народу имущество их товарищей и соплеменников, которых послали на войну против галлов, то есть по сути дела отдали им чужие земли и имущество. В итоге граждане будут теперь жить

из-за этих ловушек в вечной тревоге, а те, у кого все это отобрали, будут им лютыми врагами. Они же, напротив, гарантировали им землю, которой они владеют, и будут гарантировать в будущем. В то же время он заметил, что правительство выплатит деньги за землю всем тем, кто ее лишился в прошлом. Толпа слушала речи Брута с вниманием и восторгалась, решив быть с заговорщиками заодно и впредь. В результате убийц Цезаря амнистировали, Цицерон посвятил длинную хвалебную речь амнистии. Но чтобы понять, сколь непоследовательна и крайне непостоянна толпа, желательно, как говорится, выслушать и другую сторону.

Портрет Брута. I в. до н.э. Рим

А дальше вынесли завещание Цезаря. Приемным сыном Цезаря, а, значит, его наследником, был назван Октавиан, внук его сестры. Народу же (для прогулок) предоставлялись сады Цезаря и каждому римлянину, находящемуся в городе, без исключения, было назначено 75 аттических драхм. Настроение изменилось. Народ пришел в ярость, видя, что завещание написано человеком, его любившим. Крайне возмутило людей и то, что из убийц Цезаря вторым по очереди в числе его наследников стоял Децим Брут (все вспомнили и его фразу: «И ты, Брут!»). И даже если эта фраза скорее всего является домыслом, позднейшим апокрифом (ни один из первых историков, свидетелей или близких к событиям тех лет ее не приводит), то Децим Брут действительно являлся родственником Марка Брута. Дело в том, что у римлян существовал обычай: наряду с прямыми наследниками указывать еще и других, на тот случай, если бы первые не получили наследства. Всех возмутило то, что Децим Брут злоумышлял против Цезаря, хотя указан им в завещании как приемный сын. Всё это сочли низостью и кощунством. Когда Пизон принес тело мертвого Цезаря на площадь, сбежалась масса вооруженного народа (для его охраны). С шумом и большой торжественностью тело Цезаря поставили на ростры. Тут опять поднялся плач, слышались горькие рыдания. Вооруженный люд громко бил в щиты, раскаиваясь в том, что принял амнистию.

Микеланджело. Брут. 1537—1538 гг.

Правда, и Брут не сумел отстоять ни идеалов Республики, ни свою жизнь в битве против Антония. Отступив после поражения в долину, он мужественно покончил с собой. Образ и деяния его навсегда запечатлелись в памяти потомков. И хотя, как мы знаем, то была далеко не идеальная фигура, как не был идеальным великий Катон, воспитавший его, тем не менее, думаю, все же Г. Ферреро прав, говоря: «Он имел гордость до конца нести бремя своей ответственности, но был раздавлен им. Однако его жертва не была бесполезна. В последний момент он должен был признаться, что великий классический идеал той республики, которому он отдал свою жизнь, с этих пор был мертв; что мир, который он покидает, был слишком развращен для тех, кто еще верил в этот идеал. Брут не мог угадать человека, предназначенного воспринять этот идеал и сумевшего применить его к новым условиям политической жизни. Этот человек был, однако, недалеко от него...»

И вообще порою мне кажется, что всякому великому «цезарю» непременно нужен «свой Брут»! Думаю, что даже век Августа в конечном счете никогда бы так и не состоялся, если бы Октавиану, будущему Августу, не пришлось бы все время, и даже во сне, лицезреть перед собой тень грозного республиканца! Эта славная и величественная фигура постоянно незримо присутствует на римском форуме — даже мертвая... Казалось, его голова, погребенная в пучине моря, вглядывается своими огненными очами в лица сенаторов и императоров Рима! Брута, вождя республиканцев, помнили и почитали даже более, чем Катона. Его воспел Лукан в поэме «Фарсала» (хотя и поплатился за свою смелость при Нероне жизнью). И даже историк Плиний Младший, служивший принципату самым добросовестным образом, признавался: он постоянно держит на своем рабочем столе бюст Марка Брута. Громогласно воспевавший строй Августа Плутарх тем не менее ставил героя-республиканца «выше всех великих греков и римлян вместе взятых» (А. Берне). И пусть Данте поместил Брута в последний круг своего ада, римский народ, как и французский или русский, в стихах и образах воспел его как борца за народ!

Вот и теперь — в объятьях
праздной неги,

Колпак шута надев на гордый Труд, —
Смеется «свет» — и нет на вас Риеги...
Но месть близка — кинжал
готовит Брут!

Конечно, за всеми колебаниями рим-ской толпы видны «уши» организаторов этого заговора. Каждый по-своему оценивал заслуги или преступления Цезаря, Брута, Антония, Цицерона, храня в памяти то, что лично им понятнее, выгоднее или ближе. Тут уместно напомнить и слова императора Траяна. Вручая (по обычаю) префекту претория по имени Сабуран знак его власти — кинжал, Траян сказал ему с доверительной прямоотой, достойной солдата и великого правителя: «Даю тебе это оружие для охраны меня, если я буду действовать правильно, если же нет, то против меня». Пожалуй, это лучше объясняет, чем же был так привлекателен Рим.

С Цезарем закончилась эпоха. Вот как о ней пишет историк: «Вместе с Цезарем умерла также и диктатура как конституционный способ правления, хотя бы... в сочетании с консулатом. Под рукоплескания сенаторов Антоний упразднил ее, а вместе с ней надолго исчезли и определенный тип поведения, и определенная ментальность. Ни разу не принял диктатуры Октавиан Август, как и ни один император после него». Убийство привело к тому, что власть стала осторожнее, хитрее, циничнее. И в то же время Рим быстрее стал двигаться в сторону тирании.

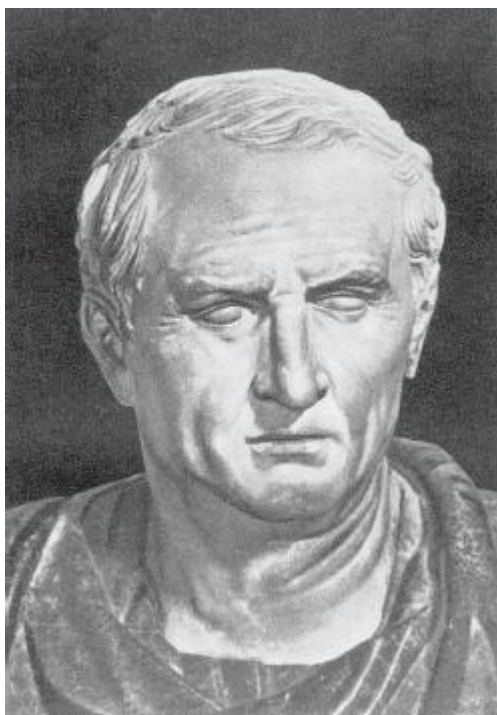
Цицерон как политик и оратор

Однако настало время обратить внимание на Цицерона (106—43 гг. до н. э.). «Это — самая богатая из всех завещанных нам древним миром личностей» — так написал о нем профессор Ф. Зелинский (в Словаре Брокгауза и Ефрона). В нем видим, возможно, самое полное воплощение римского творческого гения. Говорят, что «гений рождает эпоху», что он — «превопроходец культуры». Видимо, это так.

Известно, Цицерон был блестящим писателем, выдающимся оратором, мудрым политиком. Редкое сочетание во все времена. Что привлекает более всего? Гражданственность, патриотизм, любовь к музе и науке. Зелинский, видевший в Цицероне наиболее сложную и всеобъемлющую личность Римской империи, выделял шесть важнейших сторон деятельности: 1) собственно государственная деятельность Цицерона; 2) Цицерон как личность; 3) Цицерон как писатель; 4) Цицерон как оратор; 5) Цицерон как философ; 6) Цицерон как учитель последующих поколений. Обратимся к очерку Зелинского «Цицерон в истории европейской культуры» (1896). Прочитав его положения, которые кажутся нам весьма важными. Воспитан Цицерон в правилах «школы Сципионов», то есть старался следовать

заветам этих лучших людей Рима. Он выше всего на свете любил обреченную на гибель конституцию Республики, но любил ее такую, как ее воспринимали и понимали Сципионы, как мудрое уравновешенное единение аристократических и демократических начал, проникнутых духом той эллинской образованности. Эта конституция была еще способна к прогрессу, то есть к восприятию новых зиждательных, конструктивных, а не разрушительных идей. Нечего и говорить, что с такими понятиями Цицерон, подобно Сципионам, был осужден оставаться одиноким. Ведь победа революции при Цинне, равно как и победа реакции при Сулле, были для него двумя одинаковыми поражениями, в которых пали его лучшие друзья, кто от меча Цинны, кто от меча Суллы. После торжества Суллы он не имел более покровителей. «И несмотря на то, он – в то время как сильные мира сего теснились под знамена победителя – он, повторяю, осмелился обратиться против этого победителя то оружие, которым его наделила природа, – красноречие, заступаясь за тех, кто пострадал от введенного Суллой режима. Начал он скромно – с обиженных на почве гражданских дел с политической подкладкой; затем перешел к спасению намеченных жертв уголовного суда; наконец, ободренный успехом, он решил заступиться за тех, кто более всех потерпели от великой обиды, за покоренные народности. Лелея в своей душе сципионовский идеал римской державы – мирный римский протекторат над объединенными, но свободными народами вселенной, – он имел смелость заклеить современное ему извращение этого идеала, то есть власть, которой пользовались в провинциях современные ему наместники, – словом «узаконенная неправда», *lex iniuriarum*». Таков первый период его жизни – период борьбы против торжествующей неправды, нарушившей законы демократии.

Марк Туллий Цицерон. Флоренция. Уффици

На фоне нашей космополитической и продажной эпохи особенно привлекательно выглядит облик Цицерона-гражданина... Твердо и мужественно встал политик на защиту государства, считая Римское государство народным достоянием. Чем сильно государство? Наличием в нем справедливости. Не будь оной, «не возникло бы ни других доблестей, ни самого государства». Хотя «народным» его можно назвать только в том случае, если оно не находится в руках одного человека или одной группы. Как показывает опыт истории, нехороша как власть толпы, так и власть одного. Не может и власть богачей быть наилучшим

выходом. *Ни в коем случае.* Их власть ведет лишь к бесчестью, ибо «нет более уродливой формы правления, чем та, при которой богатейшие люди считаются наилучшими». Государство не имеет право рассчитывать на случайный выбор. Во главе его должны стоять только честнейшие, мудрейшие и волевые люди. Ибо «не прочна судьба народа, когда она, как я... говорил, зависит от воли, вернее, от нрава одного человека». Порочность владык делает дурной государственную власть (царь, запятанный убийством, вообще не может находиться у руля правления). Надо сказать, что Цицерон, готовя себя к государственной деятельности, желал стать «лучшим человеком, полезным своему государству». Именно он одним из первых заявил о необходимости тщательно готовить и обучать элиту государства, чтобы она могла выполнить свою миссию. Он писал: «Лично я все то, что отдал государству (если я ему вообще что-то отдал), отдал, приступив к государственной деятельности подготовленным и наставленным... учителями и их учениями».

Цицерон. Работа времен Флавиев

Цицерон-гражданин (сельский житель, крестьянин, но из сословия всадников) горячо любил отечество. Он изыскивал любой предлог, дабы не оставлять даже на короткое время родную италийскую землю! Хотя в теории и допускал мысль: «Родина – всюду, где хорошо» («Тускулан-ские беседы»), повторяя известный лозунг поэта Аристофана: «Родина – всякая страна, где человеку хорошо» (*Patria est, ubicumque est bene*). В то время как иные политики (и не только римские) охотно вояжировали по зарубежным странам, завоевывали и покоряли народы, дабы покрасоваться в тоге триумфатора, Цицерон стремился к иному. В книге «Об обязанностях» он воспевал значение научной и умственной деятельности: «Умственная деятельность, никогда не знающая покоя, может сохранить нас верными занятиям по познанию», «все помыслы наши и движения нашей души будут направлены либо на принятие решений о делах нравственно-прекрасных и относящихся к хорошей и счастливой жизни, либо на занятия, связанные с наукой и познанием». Иные критики называют его эклектиком. Полагаю, что это не так. В этих людях говорит зависть... А зависть это не

только «сожаление о чужом благе» (Плутарх), но еще и душевная язва, разъедающая нас. «Завистливый человек причиняет огорчение самому себе, словно своему врагу» (Демокрит).

Цицерон оказал огромное влияние на выработку норм естественного права. Он призывал философию стать помощницей, лоцманом всей правовой деятельности Римского государства. Миром правит высший разум. Он же должен выполнять роль всеобщего закона. В основе этого закона лежат четыре вида добродетели, ведущие к совершенству, – мудрость, мужество, умеренность и справедливость. Тут Цицерон, как мы видим, был очень близок к установкам философа Эпикура. Его иные называют «гением подбора» в том смысле, что сами римляне в плане философского творчества достигли не так уж и много. Но для человечества важно не только быть первооткрывателем истины, но и ее распространителем в массе народа. Цицерон же как популяризатор философии, как ее интерпретатор был незаменим. Ф. Ф. Зелинский пишет: «Учителя Цицерона, живые и мертвые, принадлежали к самым разнообразным направлениям; сам он привнес в дело философствования свое здоровое римское суждение и почерпнутое из непосредственного соприкосновения с жизнью чутье того, что нужно, а что нет». Система Цицерона – самая влиятельная из тех, с которой христианство столкнулось на римской почве. Христиане положили ее в основу своей этики.

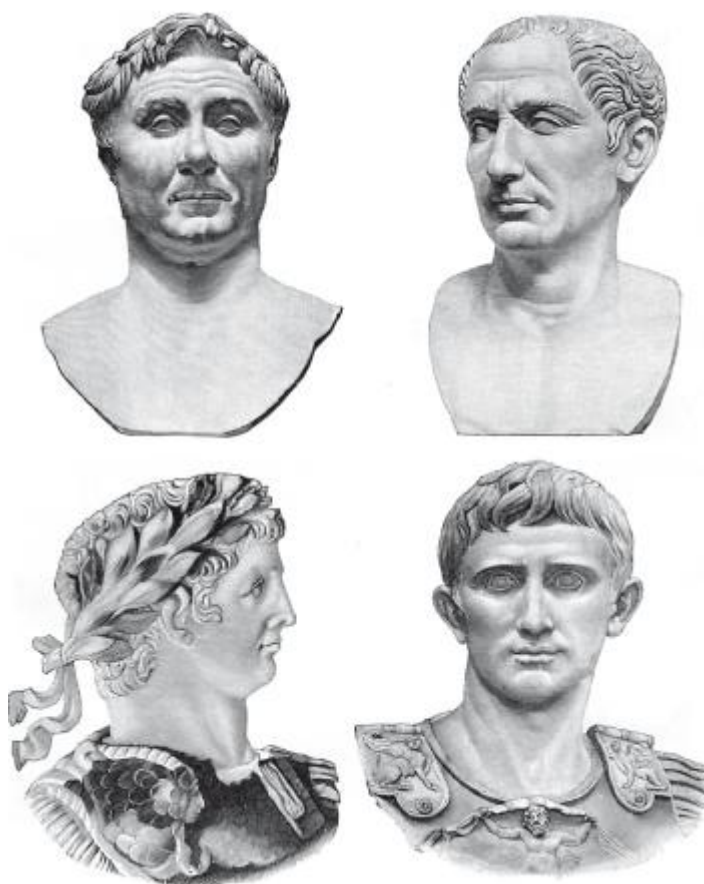

Изображение триумфальной колесницы на чаше

К примеру, когда Катилина попытался захватить власть в Риме и сокрушить республику, угрожая «погасить» ее под развалинами государства (заговорщики уже назначили и день выступлений, подписав тайный договор с галлами), Цицерон, который был тогда народным консулом, повел себя как истинный патриот и воин (*vir bonus*). Сенат объявил Катилину «врагом римского народа». После того как заговор уже приобрел явные формы подготовки к мятежу (сбор армии, дата выступления в Риме, с последующей резней, поджогами), он принял меры. Их схватили. И консул Цицерон, *после голосования в сенате*, приказал задушить их в Туллиануме (тюрьма у подножья Капиталийской крепости), что и было тотчас сделано.

Затем он вышел к народу и сказал ему, что заговорщики «отжили» (*vixerunt*). Такое решение вытекало из понятия народной справедливости, из определения государства как достояния народа! Народ – это не толпа, не любое соединение людей, и тем более не одна элита или политическая группка, которые вольны делать все, что им заблагорассудится (отдавать и брать земли и собственность, кому они хотят, или распускать государство). Подобные политики должны быть казнены за то, что посмели возложить на себя правовые функции, лежащие в правовом поле народов. Нет чудовищнее преступления! К ним неприменимы сроки давности. Лучшей формой правления он считал смешанное правление, то есть смесь монархического правления, аристократии, народовластия. Возможно, в том и

заклучалась сила Рима, что тот долгое время умело сочетал монархию и единоначалие (в различных видах) с элементами демократического централизма и пусть несовершенного, но все же жизнеспособного народовластия («консулы» и «народные трибуны»).

Портреты римских цезарей: Помпей, Цезарь, Тиберий и Август

Характерны его отношения с Цезарем. Цицерон ценил его как политика, хотя обижался на то, что тот не слушает его советов. Цицерон был среди членов сената, которые голосовали за присвоение Цезарю чрезвычайных полномочий. Чем дальше, тем очевиднее замысел Цезаря – стать повелителем мира, обойти Черное море, перейти через Кавказские горы, захватить Скифию (юг Украины), Германию и выйти к Океану. Это был план космократа, повелителя Вселенной, нового Александра Македонского. По мере того как Цезарь все отчетливее проявлял монархические настроения, видимо, Цицерон также стал склоняться к идее заговора. Для этой цели и выбрали Брута, в роду которого уже было двое цареубийц. Казнив заговорщика, Цицерон сам стал им. Сложные чувства обуревали его. Похоже, он завидовал Цезарю. В политике чувство благодарности – редкое качество. Порой он часами должен был просиживать в приемной Цезаря. Цицерон с одобрением воспринял заговор (хотя есть сведения, что заговорщики не внесли его в список, как декабристы – Пушкина). В письме Аттику он скажет, что «не смог насытить свой взор зрелищем заслуженной гибели тирана». Вслед за Платоном он писал, что душу тирана может излечить только смерть. «Но при всем том Цицерон бесспорно оставался в их глазах символом и воплощением того государственного устройства, которое они оплакивали, хотя по молодости своей по-настоящему его и не знали. Выкрикивая в курии имя Цицерона, Брут взывал не к соучастнику заговора, а к совести государства». Сенат одобрил действия убийц Цезаря. Подняв окровавленный кинжал, Брут якобы крикнул: «Цицерон». И поздравил его с восстановлением свободы. Убийцы выкрикивали имя Цицерона. Но смерть тирана усилила привязанность толпы к нему. Цице-

рон воскликнет: «О, всеблагие боги, тиран мертв, но тирания жива!» Хотя заметим, при ближайшем рассмотрении позиция Цицерона выглядит не очень-то красиво.

Нельзя исключить и того, что Цицерон фактически стал душой заговора и убийства Цезаря. Он был политиком до мозга костей, который всегда шел до конца. Вспомним, как в одном из произведений сам Цицерон признается, что «принес какую-то пользу юношеству», повлияв на их склад ума и образ мыслей. И далее следует фраза, произнесенная Брутом, обращенная им к Цицерону: «Причисли и меня к этому большинству. Теперь, благодаря тебе, я вижу, сколь многое мне еще предстоит прочесть из того, на что я раньше не обращал внимания». Цицерон вел с Брутом долгие беседы, по сути дела провоцируя на убийство Цезаря. Однако после убийства «тирана» Цицерон так и не объявился в стане заговорщиков, одному из них послав записку с довольно туманными словами: «Поздравляю. Радуюсь. Слежу за твоими делами. Хочу, чтобы ты явил мне свое расположение и рассказал, что происходит». Похоже, данная записка скорее должна была доказать, что Цицерон не имеет никакого отношения к заговору.

Тогда развернулась острейшая схватка за власть в Риме... Вопрос стоял остро: кто будет цезарем, Антоний или племянник Юлия Цезаря – Октавий. Цицерон и оптиматы (все представители олигархов, не будем об этом забывать) встали на сторону Октавиана, увы, не бескорыстно: видимо, они хотели воспользоваться им, чтобы за его спиной затем управлять государством. Пытаясь подмочить репутацию Антония, Цицерон представлял его пьяницей и развратником. Он обрушился на него с речами, полными ненависти (так называемыми «филиппиками»). Антоний, имея ничуть не меньше прав на власть, чем Октавий, прекрасно понял суть интриг. Поэтому, когда он, будучи консулом, созвал сенат перед началом гражданской войны, он объявил Октавиана Спартаксом, а Цицерона – вдохновителем, назвав оратора вдобавок и подстрекателем политических убийств и коварной змеей.

Тип римского щита с ростр колонны Траяна

Цицерон считал, что союз граждан и государства надо сохранить во что бы то ни стало. В шкале древнеримских добродетелей уважение к отечеству всегда стояло на первом месте. При всех его антидиктаторских и антимонархистских чувствах Цицерон прекрасно понял необходимость укрепления в Риме твердой власти. Поэтому иные даже называют его провозвестником империи. Видимо, в этом есть зерно истины. Он мечтал о могучей крепкой республике, управляемой законами, достойными правителями и если надо, то и крепкой рукой. Известно, что он прочил Октавиана на роль кормчего республики (за это, собственно, он и боролся). Когда он пал от рук солдат Антония, Секстилий Эна скажет: «Смерть Цицерона оплачем, безмолвие речи латинской». Финал этого преданного делу республики и идее *humanitas* (гуманизма) человека трагичен. Он пал жертвой политических интриг (скажем прямо: в том числе и собственных). Август включил Цицерона в списки обреченных на смерть. Правда, увидев затем в руках своего внука его речи, сказал: «Красноречивый был человек, красноречивый, преданный родине».

Через 20 лет после его смерти сенат поднесет Августу щит. На нем выписаны были названные великим Цицероном идеи и правила (гражданская добродетель, справедливость на основе права, верность мудрости, национальной идее). Затем уже благодарные римляне присвоят ему титул «отца отечества» (*Pater Patriae*), а декабристы увидят в нем символ исторического величия Рима. Рылеев скажет так: «И в Цицероне мной не консул – сам он чтим за то, что им спасен от Катилины Рим». Наследникам другой могучей республики, увы, не хватило воли и мужества, чтобы защитить ее от власти узурпатора. Где были они, русские брутты и цicerоны!

Сосуд. Музей Флоренции

Цицерон превосходный оратор... Первым оратором у римлян считался Гальба (II в. до н. э.). Он первым, по словам Цицерона, «стал применять в речи особые, свойственные ораторам, приемы: отступал ради красоты от главной темы, очаровывал слушателей, волновал их, вдавался в распространения, вызывал сострадание, использовал общие места». Но довел это искусство до совершенства и науки именно Цицерон. Чтобы стать прекрасным оратором, ведь недостаточно свободно и красиво болтать. Нужно еще быть человеком высокой культуры, всестороннего образования – и очень много знать. Источник классического красноречия (в идеале) состоит в знании целого ряда наук: истории, политики, литературы, географии, гражданского права, философии, математики, физики, медицины, военного дела и т. д. Философия идет на первом месте, ибо она – «мать всего, что хорошо сделано и сказано». Она дает оратору сырой материал для красноречия. Если риторика оттачивает язык, то философия и история оттачивают ум. И все же ритора создают не риторские школы, но практическая деятельность на поприще реальной жизни. В битвах на политических ристалищах, в отстаивании прав народа, истины, справедливости рождается оратор, как рождается, закаляется в горниле пламени разящий булат. Для римлян такой школой считался форум. Школой, вспоминал Цицерон, и был форум, учителем – установления римского народа, законы, обычаи предков и, конечно, опыт. Красноречие – искусство не только говорить, но и думать. Сила красноречия в том, что оно «постигает начало, сущность и развитие всех вещей, достоинств, обязанностей, всех законов природы, управляющей человеческими нравами, мышлением и жизнью». С его помощью определяются и уточняются обычаи, законы, права. Благодаря ему вожди могут привлечь внимание народа.

Впоследствии, сопоставляя Демосфена и Цицерона, известный римский ритор Квинтилиан говорил, что у первого «ничего нельзя сократить», а ко второму «нельзя ничего прибавить» (I в. н. э.). Как оратор он, бесспорно, был человеком высокой культуры и обширнейших познаний, сторонником волнующей, яркой и образной речи. О том, какое впечатление производили его речи и произведения на людей, говорит и признание Блаженного Августина. Когда тот в 372/373 г. н. э., в возрасте восемнадцати лет, впервые прочел «Гортензия» Цицерона, его охватил восторг, огромное воодушевление. Позже в «Исповеди» он признался: «Эта вот книга изменила состояние мое... Мне вдруг опротивели все пустые надежды; бессмертной мудрости желал я в своем невероятном сердечном смятении... Не для того, чтобы отточить язык, взялся я за эту книгу: она учила меня не тому, как говорить, а тому, что говорить... Она увещевала меня любить не ту или другую философскую школу, а самое мудрость, какова бы она ни была: поощряла любить ее, искать, добиваться, овладеть ею и крепко прильнуть к ней. Эта речь зажгла меня, я весь горел». Будьте уверены, Августин был не одинок в своем восхищении.

Разумеется, Цицерон был неоднозначной личностью. При всех его словесных поклонах и хвале республиканизму, он и сам «имел склонность к цезаризму». Эта очевидная двойственность его натуры объясняется как врожденными качествами, так и условиями, в которых ему приходилось действовать, бороться и работать. С другой стороны, возможно, именно противоречивый и очень неоднозначный характер личности Цицерона и делает личность столь привлекательной. Зелинский пишет: «Именно эта двойственность, лишавшая Цицерона при его жизни той импульсивной силы, которая свойственна простым и цельным натурам, сделала его интересным предметом изучения и упрочила его влияние после смерти. Возможность исправлять путем самовоспитания природные недостатки и создавать в себе по собственному выбору иную, лучшую природу – вот мораль, которую выводили, иногда сознательно, иногда нет, из изучения личности Цицерона, и эта мораль, важная и драгоценная для совершенствования человеческой личности, всегда манила и будет манить людей к ее изучению».

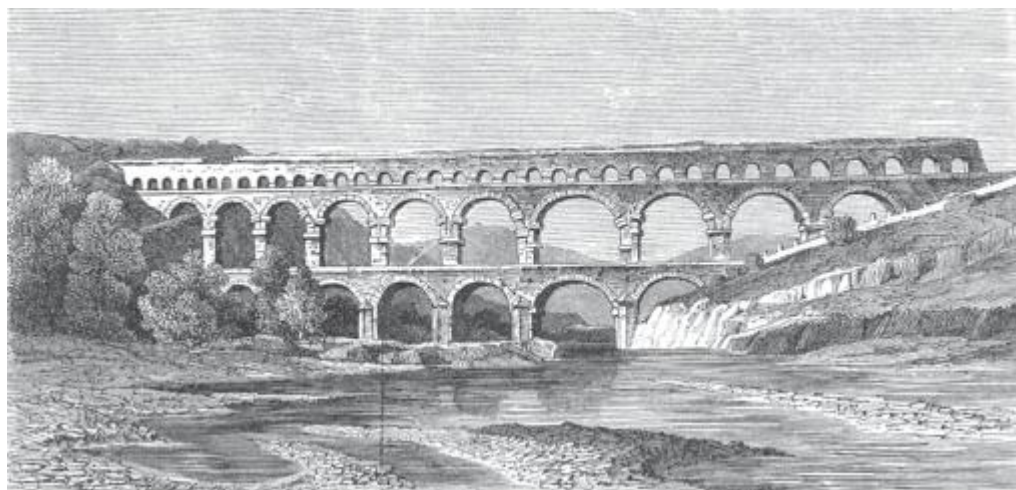
Все же дабы не стать жертвой очередных иллюзий, читатель должен понимать, что представлял собой Цицерон как политик и чьи интересы он выражал. Разумеется, он не мог быть защитником народа. Являясь представителем всадничества, он стоял на стороне богатей. Он был человеком из Арпина, переселенцем (*inquilinus*), то есть тем, кого римляне называли «новые люди» (*homines novi*). Понятно, такой человек хотел возвыситься любым способом. Великие люди типа Цицерона стремились к благосостоянию и власти. Вот и Цицерон купил дом на Палатине в древнем историческом центре Рима, как наша плебейская буржуазия покупает нынче дома в центре белокаменной – желательно с видом на Кремль. Детали: он называл себя «врагом дорогих обедов», но павлины (а это очень дорогое блюдо) появлялись у него на столе регулярно; писал, как о чем-то само собой разумеющемся, что он, дескать, отказался «от устриц и мурен». Цицерон готов был с мечом в руках отстаивать против новых претендентов богатство, добытое его кланом в смутные времена. Цицерон говорил сенаторам, что их противники – в первую очередь популяры. Их наш славный Цицерон и называет «*mali cives*» (дурные граждане)... Понятно, что новое сенаторство, настроив себе особняков, составив за эти годы огромные состояния, живя в роскоши, изобилии и неге, пуще смерти боялось прихода к власти мелких земледельцев, людей бедных. Он – приверженец республики, но консервативного типа. Он борется против старой партии аристократов, но сам стоит на позициях богатей. В этом, если угодно, «историческая обреченность» Цицерона (политика, отстаивавшего интересы горстки римской знати и элиты).

Страница книги Цицерона «Об обязанностях»

Конечно, он много и красиво говорил о пользе отечества и об обязанностях (Катулл назвал его «языкастейшим в Ромуловых внуках»), но что ни говори, это было отечество и правление богатеев... Люди, действительно желавшие нового государственного порядка, выходили не из этой обеспеченной общественной группы. Их порождала либо среда разоряющихся нобилей, как Катилину или Цезаря, либо они являлись из низов, людей безродных и нечиновных. В своих выступлениях они опирались на армию и на городской плебс («*vulgus*»), – как скажет Грабарь-Пассек. Эти новаторы, грубые и жесткие, были более чутки

к ходу исторического процесса. Они скорее нюхом, чем разумом, понимали, что республика старого типа идет к своей гибели, и видели опору в людях хватких, деятельных, оторвавшихся от спокойной жизни и мирного бытия, являвшихся вполне подходящим горючим материалом. «Поэтому и неудачливый Катилина и удачливый Цезарь баловали и задаривали городскую бедноту и армию. Тем новым, к чему неудержимо шло рим-ское государство, была диктатура, принципат, империя, и это «новое» было тем, против чего всю жизнь упорно и последовательно выступал homo novus, Цицерон». По крайней мере на словах.

Мосты и акведуки Рима

Сам он был абсолютно честен, ни разу не посягнув на имущество государства! Когда процессами «о подкупе» (*de ambitu*) и «о вымогательстве» (*de pecuniis repetundis*) были завалены суды, на Цицерона не только никогда не было подано обвинения, но и не возникло даже подозрения в его честности. Плутарх пишет: «Цицерон же, которого посылали квестором в Сицилию, проконсулом в Киликию и Каппадокию, в ту пору, когда корыстолюбие процветало, когда военачальники и наместники не просто воровали, но прямо-таки грабили провинции, когда брать взятки не считалось зазорным и уже тот заслуживал любви и восхищения, кто делал это умеренно, – Цицерон дал ясные доказательства своего равнодушия к наживе, своей человечности и добропорядочности. А в самом Риме, избранный формально

консулом, но по существу получив неограниченные, диктаторские полномочия для борьбы с Катилиной и его сообщниками, он подтвердил вещие слова Платона о том, что лишь тогда избавятся государства от зла, когда волею благого случая сойдутся воедино власть, мудрость и справедливость». Плутарх им восхищался и, конечно же, не без основания.

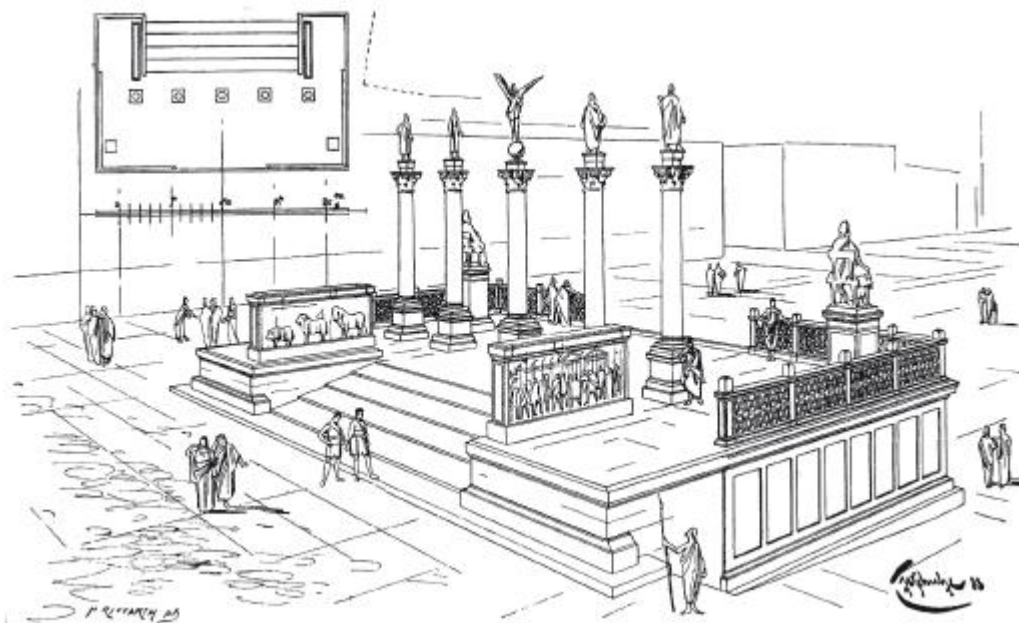
Монумент Юлиев в Гланоне

Таланты, которыми обладал Цицерон, никого не могли оставить равнодушным. Однако утверждать, что соблазны власти, денег и славы ему абсолютно чужды, мы бы не стали. Напротив, он и сам отдал им дань, о чем говорят неумеренные бурные восторги в адрес откупщиков, финансистов, названных им «украшением государства» и «столпом республики». Его стремление к богатству, его дружба с финансовой элитой говорят о многом и позволяют более трезво взглянуть и на эту значительную фигуру. Особый интерес представляют письма Цицерона к Аттику, раскрывающие личность политика и оратора зачастую полнее, чем самые замечательные труды. Аттик был крупный финансовый делец, близкий друг и издатель его произведений. Почти во всех жизненных ситуациях он являлся неизменным советчиком Цицерона. Значение имело и то, что письма эти не были предназначены к опубликованию. Римский историк Корнелий Непот так сказал о его письмах: «Кто их прочтет, тому не понадобится историческое повествование о тех временах (о последних годах Республики); в них так подробно описаны политические страсти вождей, развращенность военачальников и перемены, происходившие в государстве, что все становится ясным». Письма ныне стали редкостью и анахронизмом.

Форум Цезаря

Читатель сам определит, с кем он – с отечеством *homo novus* (новых людей) или же с народом. Плебс, а это и есть по сути дела народ, все же хотел перемен, хотел законного куска хлеба, хотел благополучия. Возможно, Цицерон, будучи сильным оратором, смелым политиком и ярким писателем, сумел создать «величественный миф» о римской республике, но плебеев он этим не убедил, хотя те и верят в мифы.

Римские ростры на Форуме

О том, что собой представлял Рим в то время, красноречиво свидетельствует и Утченко в книге о Цицероне. Когда же триумвиры (Антоний, Октавиан, Лепид) вступили в Рим в ноябре 43 г. до н. э., началась вакханалия проскрипционных убийств и конфискаций. За голову каждого осужденного давалась крупная награда. Раб, сдавший своего господина, кроме денег получал еще и свободу. Поощрялись даже доносы родственников друг на друга. Дети доносили на родителей, рабы – на господ, жены – на мужей (надо заметить, что жены выказывали наибольшую преданность мужьям). Предоставление убежища лицам, намеченным в жертву, наказывалось смертью. Говорили, что преследования, имевшие место во времена Суллы, выглядели просто «детской игрой». Первыми в списке алчущих смерти

родителей стояли сыновья, затем – рабы, и затем – отпущенники. Инициаторами погромов выступили, конечно же, сами триумвиры. Лепид приговорил к смерти брата Павла, а Антоний – своего дядю Луция (Луций и Павел, правда, в свое время высказывались за объявление Антония и Лепида «врагами отечества»). В числе первых 17 человек был объявлен вне закона и сам Цицерон. Его убили 7 декабря 43 г. до н. э. (ему шел 64-й год). Раб по прозвищу Филолог, которого он учил и воспитывал (неисповедимы пути науки, как неисповедимы и пути тех, кого мы учим), указал солдатам путь его бегства, а центурион Геренний, которого он когда-то спас от обвинений в отцеубийстве, хладнокровно убил великого старика, отрубив ему голову и руки. Убийцы доставили голову и отрубленную руку в тот момент, когда Антоний проводил народное собрание. Тот был в восторге и тут же выплатил обещанную награду в десятикратном размере. По слухам (явно надуманным), он поставил голову на свой обеденный стол, дабы насладиться этим зрелищем. А его жена Фульвия иступленно колола язык мертвого оратора булавами. Затем голова и рука Цицерона были водружены для всеобщего обозрения около ростр. Плутарх говорит, что римляне отнеслись к зрелищу с ужасом, а Аппиан пишет, что «посмотреть на это стекалось народу больше, чем некогда послушать его». На таких вот уроках и воспитан Запад, обожествивший Рим.

Цицерону

Не ты ль учил: любовью жизнь богата;
 Не роскошь нас, а дружба приютит;
 Мудрец Филону предпочтет Сократа,
 А Фидия – забавам Афродит?!
 Но где ж тот Рим?
 Какой была награда?!
 Глава твоя – у римских ростр торчит...

В. Б. Миронов

Цицерон – блестящий ум, «Аристотель Цезаря». Появление в Риме такой личности (при всех ее минусах) было триумфом римской интеллектуальной «демократии» (хотя Рим скорее аристократичен, чем демократичен). Г. Ферреро писал о нем так: «В римском обществе, где в течение столетий лишь знатное происхождение, богатство или военные таланты открывали дорогу к политической власти, Цицерон первый, несмотря на то что не был ни знатным, ни богатым, ни военным, вступил в правящий класс, занимал высшие должности и управлял республикой вместе со знатными, миллионерами и полководцами лишь потому, что был удивительным литератором и оратором, умевшим очень ясно объяснить широкой публике сложные и глубокие идеи греческой философии. В римской истории, а следовательно, и в истории европейской цивилизации, началом которой был Рим, Цицерон был первым государственным человеком, принадлежавшим к интеллигентному классу, и, следовательно, – главой династии, если угодно, подкупной, порочной и злонамеренной, но которую историк, даже ее презирая, должен признать продолжающейся дольше династии Цезарей, ибо от Цицерона до наших дней она никогда не переставала управлять Европой в продолжение двадцати столетий. Цицерон был первым из тех людей пера, которые во всей истории нашей цивилизации были то поддержкой государства, то творцами революции, риторам, юристами, публицистами в языческой империи... апологетами и отцами церкви; монахами, легистами, теологами, докторами и читателями – в Средние века; гуманистами – в эпоху Возрождения; энциклопедистами – во Франции XVIII века, а в наши дни – адвокатами, политическими писателями и профессорами. Цицерон мог совершать крупные политические ошибки, но его политическая роль тем не менее приравнивается к роли Цезаря».

и лишь немного уступает роли св. Павла или Блаженного Августина». Цицерон – это тип платоновского философа на троне.

Последнее прощание. Лувр

Он имел право сказать: «Жил я так, что считаю себя родившимся не напрасно». Конечно, и в последующие века влияние Цицерона было поистине огромным. О нем говорят как о родоначальнике новой, специфически римской философии, с ее ориентацией на практичность и сугубый рационализм (Г. Буассье). Другие его характеризовали как одного из крупнейших римских и европейских гуманистов-просветителей (М. Покровский), третьи особо отмечали его дар популяризатора, говоря, что «чтобы научиться истинной популярности, нужно читать древних, например философские сочинения Цицерона» (Кант). Им восхищались Дидро, Лютер, Боссюэ. В последующие века влияние его идей не уменьшилось, но еще и возросло. Видимо, по этой причине в поздние времена образованных людей порой стали называть *цицеронами*. С пиететом и восторгом воспринимали эту личность в эпоху Просвещения и в годы Великой французской революции. Это из его речей «сковал себе кинжал оратор-якобинец». Идеалы римского оратора были во многом созвучны их просветительско-республиканским идеалам. Как и гуманистам Ренессанса, идеологам Просвещения импонировало это цicerоново стремление соединить мудрость с красотой и пользой и создать «популярную» – то есть понятную всем образованным людям, красноречивую и применимую в гражданской практике – философию. И для Рима он стал примерно тем, чем были «Пушкин для России, Гёте для Германии, Данте для Италии» (Г. Кнабе).

В конце XIX века, когда еще в расцвете сил были учителя русских гимназий (философы, историки, юристы), Зелинский, ставивший весьма высоко планку, с которой можно постичь мудрость и глубину познаний великого римлянина, говорил: «Понять Цицерона может только тот, кто с юридическими познаниями соединяет философский взгляд и риторико-эстетическое чутье». Он просил не путать живую греко-римскую ретиорику с презренной «риторикой» новейших времен, которой ныне так забавляются иные малообразованные политики. Уже тогда видна была опасность того, что в России кладезь общеобразовательных мыслей «приходит все более и более в запущение». Очевидно, что не зря волновался Ф. Зелинский: «далеко ли время, когда Цицерон будет совсем изгнан из школ». И вот мы стали свидетелями того, как в XX—XXI вв. из школ изгоняется история.

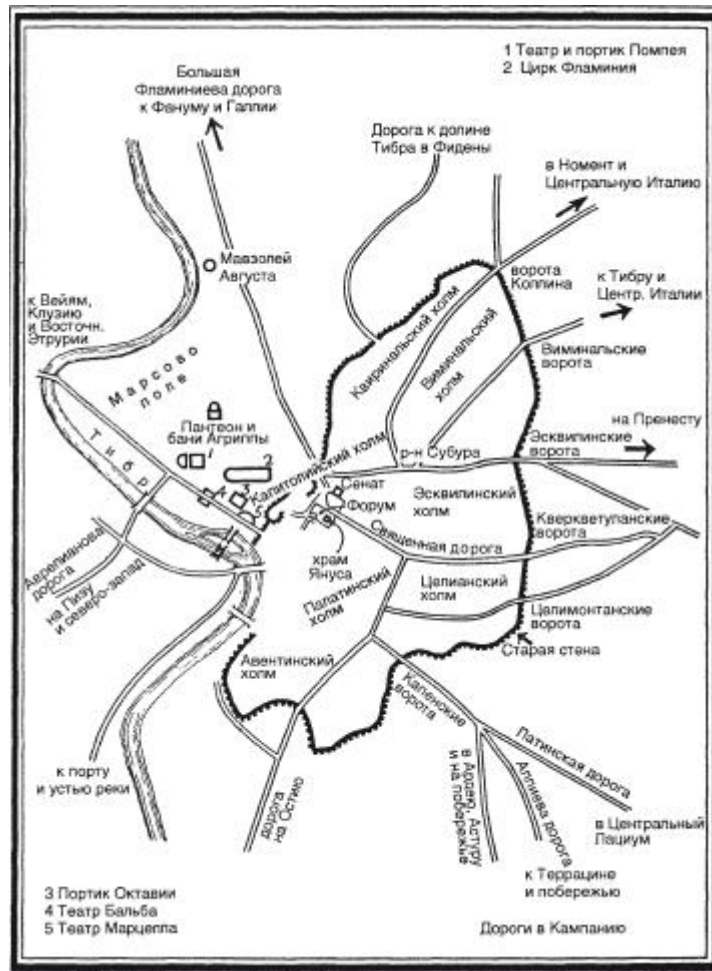
Хотелось бы, чтобы в отношении Цицерона восторжествовал исторический реализм. Тем более, похоже, вновь наступают переходные времена и уже ясно «обрисовывается новая точка зрения, которая обусловит изучение античности в наступающем столетии: развитие естественных наук выдвинуло принцип эволюционизма, античность стала

нам вдвойне дорога, как родоначальница всех без исключения идей, которыми мы живем поныне» (Ф. Зелинский). Для этого будущего российского министра образования и науки следовало бы повенчать не с математикой, а с историей, философией, культурой. В новой России, полагаю, уже нельзя будет стоять во главе наук, образования, культуры, не будучи энциклопедистом. И вообще без поколения энциклопедистов власть и беспомощна, и бесплодна.

Императоры и поэты: Август, Вергилий, Овидий

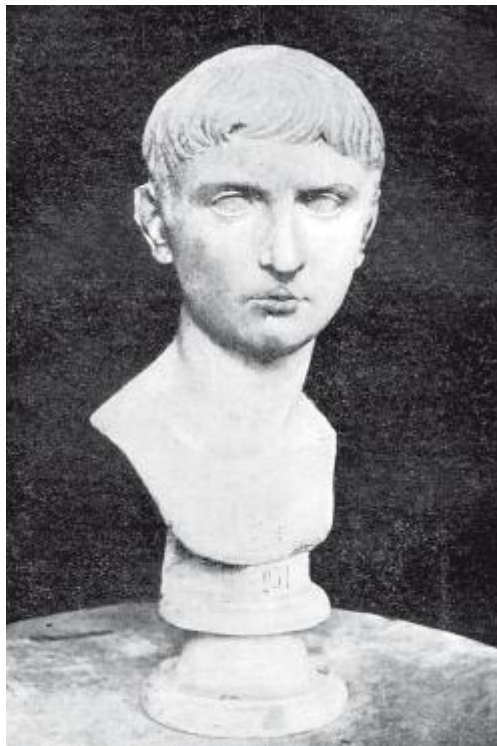

О нравах того времени, пожалуй, красноречиво свидетельствует эпоха божественного Августа, первого римского императора («По августейшему гаданью основан был Рим знаменитый»). Эпоха, которую в историографии называют «эпохой ранней империи», крайне противоречива, чем-то напоминая времена нынешние. Жестокие гражданские войны сопровождались гибелью огромных масс людей, открытым грабежом имущества, принудительным набором в армию, тяжкими налогами, господством тирании и плутократии. Как скажет Сенека, от гнева рабов людей тогда погибало не меньше, чем от гнева царей. Это измучило народ. В то же время в памяти людей были еще свежи деяния Помпея и Цезаря, покоривших часть мира. В памяти жив героический век. Помпей освободил море от пиратов, сверг царя Митридата, реорганизовывал хаотичный Восток под эгидой Рима. Цезарь вторгся в Британию. Жил еще блистательный Цицерон. Однако Риму предстояло многое совершить: не были окончательно покорены галлы, не завоеваны земли Европы, еще самостоятельным оставался и Египет в руках Птолемеев. Одним словом, перед честолюбивым юношей простиралось необъятное поле будущей великой славы.

Рим в эпоху Августа

В доме великого Цезаря рос и воспитывался мальчик, которому предстояло изменить облик Рима, – его внучатый племянник Октавиан Август (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.). Выходец из плебейского рода, он прежде чем стать императором (в 27 г. до н. э.), должен был «выбиться в люди» и «сделать карьеру». Ему в этом помогло состояние семьи Октавиев, римских буржуа, Цезарь, ну и, разумеется, собственная энергия и воля. К тому же ему благоприятствовала сама судьба. Дело в том, что у Цезаря не было детей и внуков. Его дочь Юлия умерла еще при родах. Жизнь ребенка спасти не удалось. Если бы у последней жены Цезаря Кальпурнии родился сын, он и стал бы наследником. Меняя завещание в пользу племянника Октавия, Цезарь втайне все же надеялся, что жена родит ему сына. Тогда он смог бы изменить завещание. Но вскоре Цезарь был убит, и перед Октавием открылся путь к власти. Кинжал Брута сделал его императором. Как бы там ни было, а путь к власти был расчищен. Удача, без которой у политиков нет счастья в политической карьере, не раз будет благоприятствовать Октавию.

Август в молодости. Эрмитаж

Смерть Цезаря не только не вернула Республики, напротив – ускорила приход монархии. Рождению будущего Августа сопутствовали предзнаменования. Хотя все они были сочинены уже после прихода его к власти. Так, Нигидий Фигул, пифагореец и знаток астрологии, заявил, что было знамение, возвестившее, что Август станет властелином вселенной. Официальный летописец империи Юлий Мараф также утверждал, что ему было знамение, возвестившее, что природа даст римскому народу царя. Кстати, появление царской власти в Риме было подготовлено тем же Цезарем, выразившим желание короноваться. Он заявлял, что Республика стала пустым звуком, требуя, чтобы его официально величали царем. Цезарь мечтал о царской власти, желая, подобно восточному владыке, облачиться в багряницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.